



Вестник Российского университета дружбы народов.

Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

2026 Том 18 № 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1
<http://journals.rudn.ru/world-history>

Научный журнал
Издается с 2009 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Куделин А.А., кандидат исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редакционной коллегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор, Каирский университет, Гиза, Египет

Варику Кулбушан, профессор, Университет имени Джавахарлала Неру, Дели, Индия

Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления, Университет Карлтона, Оттава, Канада, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры иностранных языков ФГСН, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, специалист Центра просветительской деятельности «Разговоры о важном», Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор, Университет имени Аристотеля, Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, DOAJ, Cyberleninka, индексируются Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов научных исследований ученых из России и различных регионов мира в виде оригинальных научных сообщений, библиографических обзоров.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: 5.6.2 Всеобщая история, 5.6.5 Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки), 5.6.7 История международных отношений и внешней политики (исторические науки).

Основные рубрики журнала: история исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, история ислама, история Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, к сотрудничеству по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *О.В. Горячева*

Редакторы англоязычных текстов *Т.А. Майкова, А.А. Куделин*

Компьютерная верстка: *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2

Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 03.03.2026. Выход в свет 06.03.2026. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 11,02. Тираж 500 экз. Заказ № 19. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru



RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

2026 VOLUME 18 NUMBER 1

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA
named after PATRICE LUMUMBA

EDITOR-IN-CHIEF

Sergey A. Voronin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

DEPUTY

EDITOR-IN-CHIEF

Andrey A. Kudelin

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: kudelin-aa@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Elena A. Popova

RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of Department of Foreign Languages, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, specialist of the Center for Educational Activities "Conversations about important things", State University of Education, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Professor, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), DOAJ, Electronic Library Cyberleninka, Indexing by Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions.

Aim and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles and review, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *O.V. Goryacheva*
Translation Editors *T.A. Maykova, A.A. Kudelin*
Layout Designer *I.A. Chernova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10 Miklukho-Maklaya St, bldg 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР

- Сафронова А.Л.** По стопам Будды: маршруты буддийского наследия в религиозно-культурном ландшафте современной Индии 7
- Дербенев А.С.** Фракционализм в современной Республиканской партии США: дилемма между экономическим национализмом и технологическим глобализмом..... 21
- Анташева М.С.** Историческая политика в межпартийной борьбе в современной Индии: трансформация образа Индиры Ганди в 2014–2019 гг 44
- Хамиди Н.Л.** Алжир в начале XXI в.: внутренние противоречия и ориентиры региональной политики..... 59
- Петухов-Панагушин Н.А.** Отражение роли СССР в освобождении Польши от немецкой оккупации в материалах Института национальной памяти Польши 75

ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- Корноухова Г.Г.** Российские банковские учреждения и торговые интересы в Персии на рубеже XIX–XX вв. 86

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ

- Ковалев М.А.** Парламентские дебаты о колониальной политике Великобритании в период министерства У. Питта Старшего (1766–1768 гг.)..... 105

АНТИЧНЫЙ МИР

- Левин Н.И.** Гадес в контексте гражданско-правовой политики Цезаря 117

CONTENTS

MODERN WORLD

- Safronova A.L.** Following the Footsteps of Buddha: Buddhist Heritage Routes in the Religious and Cultural Landscape of Contemporary India..... 7
- Derbenev A.S.** Factionalism in the Modern Republican Party of the USA: the Dilemma between Economic Nationalism and Technological Globalism 21
- Antasheva M.S.** The Use of Historical Politics in Interparty Competition in Contemporary India: the Transformation of Indira Gandhi Image in 2014–2019..... 44
- Khamidi N.L.** Algeria at the Beginning of the 21st Century: Internal Contradictions and the Guidelines of Regional Policy 59
- Petukhov-Panagushin N.A.** The Depiction of the USSR’s Role in the Liberation of Poland from German Occupation in the Materials of the Institute of National Remembrance of Poland. 75

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

- Kornoukhova G.G.** Russian Banking Institutions and Trade Interests in Persia at the Turn of 19th — 20th Centuries 86

POLITICAL HISTORY OF EUROPE

- Kovalyov M.A.** Parliamentary Debates on British Colonial Policy during the Ministry of W. Pitt the Elder (1766–1768) 105

ANTIQUÉ WORLD

- Levin N.I.** Gades in the Context of Caesar’s Civil Law Policy 117



СОВРЕМЕННЫЙ МИР MODERN WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-7-20

EDN: PIJWNV

Научная статья / Research article

По стопам Будды: маршруты буддийского наследия в религиозно-культурном ландшафте современной Индии

А.Л. Сафронова 

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ alsafroнова@iaas.msu.ru

Аннотация. Возрастающее внимание индийского общества к проблемам развития буддизма в Южной Азии обуславливает актуальность темы исследования. Рассмотрены проблемы, связанные с поисками ответа на вопрос о причинах усиливающегося интереса к буддийским ценностям как на уровне массового восприятия, так и у ведущих политических партий Индии: находящихся ныне у власти (Бхаратия джаната парти) и стремящихся к ней (Индийский национальный конгресс). Цель исследования — выявить особенности обращения политиков, философов, представителей общественности Индии к буддийскому идейному комплексу, показать его эволюцию как религиозного учения и развитие концепций, важных с точки зрения государственного строительства. Различные по мировоззренческим позициям силы находят в буддизме отправные моменты, способствующие формированию единых представлений об индийской цивилизации, которые традиционно связываются с идеями религиозной толерантности и социального консенсуса. Проанализирована роль буддизма в международной деятельности Индии, его миротворческой направленности. Показано значение паломнической практики по местам буддийского наследия как фактора развития национальных традиций, укрепления единства поликонфессионального индийского общества, повышения престижа Индии в буддийском мире.

Ключевые слова: Южная Азия, буддизм, буддийское возрождение, буддийское паломничество

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21.05.2025; принята к публикации 15.09.2025.

© Сафронова А.Л., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Сафронова А.Л. По стопам Будды: маршруты буддийского наследия в религиозно-культурном ландшафте современной Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 7–20. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-7-20> EDN: PIJWNV

Following the footsteps of Buddha: Buddhist heritage routes in the religious and cultural landscape of contemporary India

Alexandra L. Safronova 

Lomonosov State University, Moscow, Russian Federation

✉ alsafroanova@iaas.msu.ru

Abstract. The relevance of the research topic is due to the increasing attention of Indian society to the problems of the development of Buddhism in South Asia. The study examines the problems related to the search for an answer to the question of the reasons for the growing interest in Buddhist values both at the level of mass perception and in the politics of India's leading political parties: both those currently in power (Bharatiya Janata Party) and those aspiring to it (Indian National Congress). The purpose of this study is to identify the peculiarities of the appeal of politicians, philosophers, and members of the Indian public to the Buddhist ideological complex, to show its evolution as a religious teaching and the development of concepts important from the point of view of state building. Forces of different ideological positions find in Buddhism those starting points that contribute to the formation of unified ideas about Indian civilization, which are traditionally associated with the ideas of religious tolerance and social consensus. The study analyzes the role of Buddhism in India's international activities and its peacemaking orientation. The article shows the importance of pilgrimage practice to places of Buddhist heritage as a factor in the development of national traditions, strengthening the unity of the multi-confessional Indian society, and increasing India's prestige in the Buddhist world.

Keywords: South Asia, Buddhism, Buddhist renaissance, Buddhist pilgrimage

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 21.05.2025; accepted 15.09.2025.

For citation: Safronova AL. Following the footsteps of Buddha: Buddhist heritage routes in the religious and cultural landscape of contemporary India. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):7–20. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-7-20> EDN: PIJWNV

Введение

Буддизм возник в середине I тыс. до н.э. в исторической Индии и стал опорой крупнейших держав древности и раннего средневековья. Пережив на своей исторической родине несколько эпох расцвета: III в. до н.э. — при Маурьях (особенно в правление Ашоки), II–III вв. — при Кушанах, IV–VII вв. — при Гуптах, VII–XII вв. — в империи Харши, VIII–XII вв. — при

династии Палов, он отступил в XIII в. в периферийные районы субконтинента под натиском как мусульман, так и последователей индуизма. Буддизм распространился на севере (в пригималайских областях) и юге (на о. Цейлон), вышел далеко за пределы Индостана и обрел статус мировой религии. Влияние же его в местах первоначального преобладания сократилось до отдельных групп в преимущественно индусском социуме.

Однако начиная с XIX в. в Индии буддизм переживает период возрождения, что способствовало восстановлению его исторических центров, воссозданию сакральных маршрутов распространения. Деятели движения в защиту буддийских святынь стали называть буддийское учение «жемчужным ожерельем» Южной Азии, словно обрамляющим ее, подчеркивали особую ценность буддизма как этического учения мудрости и умиротворения. После завоевания Индией независимости в 1947 г. буддизм оказался еще более востребованным в индийском обществе и стал трактоваться как неотъемлемая составная часть индийской цивилизации.

Цель исследования — выявить формы и механизмы актуализации буддийских ценностей в общественно-политической практике современной Индии.

Движение за возрождение буддизма и воссоздание буддийских святынь в британских колониях Южной Азии

Возрождение буддизма в Южной Азии происходило на фоне формирования традиции изучения буддийских верований в условиях субконтинента. Этот подход сформировался в качестве особой линии развития буддологического знания. Религиозно-культурная реальность Южной Азии все более привлекала внимание европейских исследователей по мере проникновения британских войск, технологий и капитала в Индию. В эту эпоху востоковеды Европы освоили тонкости санскрита и пали, а знаковые памятники буддийской традиции (особенно исторические хроники) были переведены на английский язык. Европейцы публиковали ученые труды, освещавшие становление и эволюцию буддизма. Существенную поддержку буддологам оказала деятельность Общества палийских текстов, которое возникло в 1881 г. усилиями М. Мюллера и Т.У. Рис-Дэвидса. Не менее значимой научной институцией стало Буддийское общество Великобритании и Ирландии, начавшее свою работу в 1907 г. Теософское общество, у истоков которого стояли Е.П. Блаватская и Г.С. Олкотт, также внесло крупный вклад в исследование буддийской проблематики; основные учреждения общества располагались в Адьяре (окрестности Мадраса, ныне г. Ченнаи) в Индии и в Коломбо на Цейлоне. Ученые и общественные деятели Южной Азии начинали свою деятельность на этой, уже сложившейся в последние десятилетия XIX в., интеллектуальной платформе [1. Р. 3–7; 2. С. 122–140].

В этот период появляются как источниковые, так и обобщающие исследования южноазиатских ученых по буддийской традиции: переводятся и комментируются ученые трактаты, в центре внимания местных историографов оказываются проблемы буддийской философии. Наиболее продвинутое исследование на стыке XIX и XX вв. опубликовали Раджендралал Митра, Хара Прасад Шастри, Сарат Чандра Дас, Сатиш Чандра Вибхусан, Дамодар Дхармананд Косамби и Бенимадхаб Баруа [4. Р. 27–30].

В эти же десятилетия возникает феномен объединения приверженцев учения Будды в культурно-просветительские и общественно-политические ассоциации. В их рядах находили свое место не только миряне, но и монахи, принадлежавшие ко многим направлениям в буддизме. Наиболее заметной среди ранних структур такого рода было Общество Махабодхи (1891), созданное с центрами в Калькутте и Коломбо прославленным буддийским реформатором и просветителем Анагарикой Дхармапалой (1864–1933), которого называли «вторым Ашокой». Буддийские общественные организации (совместно с Теософским обществом) стали центрами изучения буддизма, продолжили традиции преемственности буддийского знания. Их основатели в качестве своих важнейших целей стремились к совершенствованию и расширению масштабов традиционного буддийского образования, не упуская из виду и доступные формы разъяснения буддийского учения. Важным итогом работы пионеров буддийского возрождения стало формирование крупнейших буддийских школ, большинству из которых удалось сохранить свое интеллектуальное первенство и сегодня. В программе и практике преподавания, сложившихся в этих учебных структурах, были непротиворечиво воссоединены европейские методики и классические дисциплины традиционных буддийских школ. Первые давали слушателям представления о современных вершинах науки и общественной мысли, вторые знакомили их с базовыми принципами буддизма, а также предполагали изучение санскрита, пали, живых восточных языков, достижений восточной философии, основ литературы и истории [4. Р. 96–98].

Воспроизводство традиций буддизма, широкая пропаганда буддийской культуры познания в Британской Индии и на Цейлоне, обоснование значимости паломнической практики для развития буддизма — эти задачи ставили перед собой адепты Лиги социальных реформ (1905 г.) и ее родоначальник — видный интеллектуал, религиовед, искусствовед и общественный активист Ананда Кумарасвами (1877–1947). Лига объединила усилия мирских участников буддийского движения и действующих монахов. Проводились сравнительные исследования буддизма и индуизма¹. Наряду с общественной деятельностью, связанной с задачами буддийского возрождения, основатели этих организаций издавали буддийские памятники, писали труды

¹ *Coomaraswamy A.K. Hinduism and Buddhism*. N.Y. : Philosophical Library, 1943. P. 45–49.

по истории и современному положению буддизма². В 1898 г. была создана Ассоциация молодых буддистов, в 1919 г. образован Буддийский конгресс.

Своей принципиально важной задачей буддийские активисты видели спасение, реконструкцию и восстановление священных мест своей религии. Здесь необходимо подчеркнуть вклад Анагарики Дхармапалы и его соратника Валисинхи Харишчандры (1876–1913). Их труды были направлены в первую очередь на популяризацию буддийских культовых и образовательных центров, в особенности тех из них, которые по традиции относились к «пути Будды»³. Дхармапала и Харишчандра ратовали за оживление культуры и практики паломничества (*дхармаятры*) к святыням, бывшим свидетелями формирования и эволюции буддийского вероучения: Бодх-Гайя, Сарнатх, Кушинагар, Наланда и др. [5. Р. 6–7]. На Цейлоне (совр. Шри-Ланка) основными местами паломничества являлись храм Зуба Будды (Далада малигава) в Канди, где хранится эта почитаемая буддистами реликвия, и Адамов пик (Шрипада) с легендарным отпечатком стопы Будды на вершине [6. Р. 17–20].

Буддийское паломничество считается одним из ключевых элементов в достижении единения индийцев и приобщения их к общему культурному наследию. Воссоздание маршрутов, характерных для буддийской традиции, имело важные последствия для индийских адептов буддийского учения. Однако оно сыграло свою роль и в пробуждении самосознания иных религиозных общин Южной Азии, которые также выступали в пользу восстановления национальных духовно-культурных символов и соединяли эти устремления с протестом против британского колониализма.

Общество Махабодхи стало инициатором созыва международной буддийской конференции в Бодх-Гайе. В ней приняли участие делегаты из Индии, Цейлона, Китая и Японии. На конференции обсуждались меры, с помощью которых традиционный буддийский комплекс должен был преобразоваться в центр пропаганды учения и духовных дисциплин с интернациональным педагогическим составом. Также делегаты активно обсуждали возможности реконструкции тех исторических и культурных памятников, которые, согласно традиции, упоминались в жизнеописаниях Будды.

Деятели Общества Махабодхи представляли в своих работах и публичных выступлениях Индию как центр буддийской цивилизации в силу того, что она подарила миру учение, и оттуда «колесо дхармы» покатило по всей планете, превратив его в мировую религию. Они способствовали тому, что Индия получила известность во всем мире как образцовый центр буддийского образования, имеющий богатые и давние

² Coomaraswamy A.K. Essays in National Idealism. Colombo : Colombo Apothecaries Co., 1909. P. 157.

³ Dharmapala A. The World's Debt to Buddha. Calcutta : Maha Bodhi Book Agency, 1950. P. 3–5.

традиции. Силами общества были созданы центры обучения буддизму тхеравады, махаяны, ваджраяны, а также комбинированные центры, где изучались одновременно все направления. Анагарика Дхармапала стоял за развитие экуменических традиций, рассматривая их как попытку налаживания отношений между представителями разных направлений и создания синтетической религии. Он подчеркивал, что религиозный синкретизм является традиционно отличительной чертой народных верований в Южной Азии, а веротерпимость буддизма должна стать символом мира и толерантности [7. P. 273–275].

Дхармапала ратовал за тесное сотрудничество и духовный альянс представителей буддийских общин, относящихся к различным азиатским странам. Его усилия служили налаживанию единства буддистов и максимальному следованию буддийскому канону. Дхармапала стремился придать регулярный характер паломничествам к священным местам в Индии, которые мемориализировали рождение Будды, его просветление, первую проповедь и достижение паринирваны. Размышляя над извечными смыслами миссии буддийского монаха, просветитель полагал, что ее центральными задачами являются донесение проповеди до сознания верующих, достоверная передача содержания учения, защита его интегрального характера и чистоты. Дхармапала пользовался архетипом буддийского колеса-чакры, при помощи которого развяснял сущность процесса распространения буддийского учения и механизмы его географического и культурного расширения⁴.

Действуя в противовес прозелитической деятельности христианских миссионеров, буддийские просветители умело применяли в своих целях увлечение западной общественности буддийской культурой и философскими построениями. Этого рода пропагандистские акции сложились в целую систему «паломнических» поездок — главным образом в страны Европы и Америки. Например, Анагарика Дхармапала выступал от имени адептов буддизма в ходе Всемирного конгресса религий в Чикаго в 1893 г.⁵, а также содействовал открытию отделения Общества Махабодхи в Великобритании и в континентальной Европе⁶. Этот «экспорт» основ буддийского учения по праву получил в буддологической историографии название «буддийский прозелитизм».

⁴ *Dharmapala A. Return to righteousness: a collection of speeches, essays and letters of the Anagarika Dharmapala / Ed. by A. Guruge. Colombo : Anagarika Dharmapala Birth Centenary Committee, Ministry of Education and Cultural Affairs, Ceylon, 1965. 875 p.*

⁵ Там же. P. 6.

⁶ *Diary Leaves of the Late Ven. Anagarika Dharmapala. Edited by D. Valisinha // The Maha Bodhi Journal. 1956. Vol. 64. № 1. P. 23–27.*

Сакральная география буддизма на родине учения: паломнические традиции в современной Индии

Буддийское паломничество в современной Индии продолжает оставаться одним из ключевых элементов буддийской культуры и практики и заключается в посещении святых мест для получения духовного совершенствования и почитания национальных традиций. Согласно традиции, буддийские монахи верят, что на своем пути к духовному просветлению они следуют по стопам Будды и посещают как можно больше мест, связанных с Буддой⁷. Традиция паломничества является неотъемлемой частью буддийского учения: «колесо дхармы» прокатилось по всему миру, превратив буддизм в мировую религию.

С точки зрения традиции паломнической практики Индия привлекает особое внимание последователей буддизма со всего мира, так как связана с биографией основателя учения. Интерес к индийской культуре и буддизму, рожденному на земле исторической Индии и ставшему неотъемлемой частью индийской цивилизации, а затем и обретшему статус мировой религии, всегда был свойственен мировому сообществу. Южная Азия как родина учения имеет огромное значение и влияет на умы буддистов других стран его распространения. Индия получила известность во всем мире как образцовый центр буддийского образования, имеющий очень давние традиции.

В Индию устремляются представители буддизма из разных стран мира, желающие приобщиться к изначальной традиции. Они приезжают в Индию, находясь в процессе духовных исканий, проходят по пути странствий Будды, посещают центры буддийской цивилизации. Сюда устремляются и ученые, посвятившие свои жизни изучению различных сторон индийской цивилизации, включая знаменитые индийские религиозно-философские школы, среди которых видное место занимал буддизм [11. Р. 36–38]. Паломнические маршруты обретают популярность не только среди последователей буддизма в азиатских странах Юго-Восточной и Восточной Азии, но и среди его адептов на Западе.

Классический маршрут буддийского паломничества включает восемь священных объектов (сакральное число в буддизме).

Первые четыре связаны с основными событиями в жизни Будды и рассматриваются как основополагающие элементы маршрута:

Лумбини (Непал, недалеко от границы с Индией) — место рождения Будды;

Бодх-Гайя (штат Бихар) — место просветления Будды;

⁷ Типологически сходные процессы можно проследить в развитии паломнических практик в южноазиатских обществах на примере аналогичных сюжетов в других религиозных системах, распространенных в этом регионе — в индуистской и мусульманской традициях [8–10].

Сарнатх (около г. Варанаси, штат Уттар-Прадеш) — место первой проповеди Будды;

Кушинагар (около г. Горакхпур, штат Уттар-Прадеш) — место ухода Будды в паринирвану.

Последующие четыре считаются дополняющими основной список и связаны с легендарной демонстрацией Буддой своих сверхъестественных способностей:

Шравасты — место «двойного чуда» или «близнечного чуда» (извержение поднявшимся в воздух Буддой огня и воды и воссоздание множественных образов самого себя);

Санкасья — место нисхождения на землю Будды с небес Тушита, обители богов;

Раджагриха (совр. Раджгир) — место укрощения опьяненного слона Налагири;

Вайшали — место преподнесения обезьяной меда Будде. Традиция связывает Раджагриху и Вайшали с местами проведения 1- и 2-го буддийских соборов. 3-й буддийский собор произошел, согласно буддийским представлениям, в Паталипутре (совр. Патна).

Представления о священных для буддистов местах со временем расширились. Центрами паломничества стали памятники буддийской архитектурной традиции, являющиеся шедеврами мирового зодчества: ступа в Санчи, буддийский комплекс Амаравати, пещерные храмы Аджанты и Эллары с фресками, изображающими буддийские сюжеты и др. [5. Р. 15–20]. К объектам паломничества отнесены и современные памятники и ступы, например, статуя Будды на водохранилище Хусейн-сагар в центре Хайдарабада, ступа Вишва-шанти в мемориале Радж-гхат в Дели, священном месте кремации Махатмы Ганди.

Места, связанные с почитанием Будды расположены и за пределами нынешних границ Индии: древняя столица Таксила (Такшашила) находится в Пакистане, старинный буддийский комплекс Сомapura махавихара — в Бангладеш. В Шри-Ланке основными местами паломничества являются храм Зуба Будды (Далада малигава) в Канди, где хранится эта почитаемая буддистами реликвия, и Адамов пик (Шрипада) с легендарным отпечатком стопы Будды на вершине.

Маршруты буддийского наследия привлекают не только буддистов, но и последователей индуизма. Интересно отметить, что нескончаемый поток индусов по буддийским паломническим маршрутам связан с распространенным среди приверженцев индуизма представлением о том, что Будда является девятой аватарой Вишну. Религиозный синкретизм — традиционной отличительной чертой народных верований в Южной Азии [12. С. 12].

В Индии с древности существовали буддийские университеты — центры традиционного обучения буддизму: Наланда, Викрамашила, Одантапури,

Джагадала, Сомапуре, Валабхи [13. Р. 5–10]. В этих университетах представлена традиционная система образования монашеского типа, т.е. система углубленного образования, постижения традиции, рассчитанная на долгие годы. Места, связанные, по преданию, со странствиями Будды и его духовными исканиями, «обросли» буддийскими центрами, где желающие постичь буддийское учение имеют возможность посетить занятия по буддийской философии и практике. Прославленные традиционные центры буддийской учености, прежде всего Наланда [14], стали местами паломничества. В этих центрах изучались санскритские и палийские трактаты, учения различных школ как махаяны, так и тхеравады. Крупными центрами изучения буддизма продолжают оставаться Видьодая и Видьяланкара на Цейлоне. Важнейшей составной частью их деятельности были дебаты между представителями различных направлений буддизма, а также дебаты с христианскими миссионерами. Сюда приезжали учиться монахи из разных стран распространения буддизма [13. Р. 5–10].

Школы, основанные обществом Махабодхи и получившие распространение по всей Индии, сочетали в себе элементы того традиционного образования, которое давалось в буддийских университетах и монастырях, и современного образования, включавшего изучение естественнонаучных дисциплин и европейских языков, с тем чтобы выпускники этих школ могли ориентироваться в современном мире (смешанное монашеско-мирское образование).

Существовал и третий тип образования, возникший вместе с университетской системой в Британской Индии: центры изучения буддизма в государственных высших учебных заведениях Дели, Ченнаи, Мумбаи, Колкаты, в которых велось обучение религиозного характера, привлекавшего тех, кто не становился адептом буддизма, но хотел изучить его традицию. В этих университетах часто преподают священнослужители, привлекаемые в качестве лекторов.

По маршрутам буддийского наследия создаются так называемые Vipassana centers, центры медитации. Подобные антистрессовые центры очень популярны среди индийского населения, в т.ч. небуддийского, поскольку именно с буддийской традицией у них связано представление об умиротворении и обретении внутренней гармонии. Медитативная практика в буддийских центрах становится дополнительной мотивацией развития паломнических маршрутов.

Программы туров по буддийским священным местам различаются по своему внутреннему смысловому наполнению и целевому предназначению. Паломнические маршруты для представителей буддийской сангхи и буддистов-мирян, включая иностранных граждан, принявших буддизм, сопровождаются ритуальными практиками, молебнами, совместными чтениями священных буддийских текстов, пищевыми ограничениями

и вегетарианской диеты. Иной характер носят ознакомительные культурно-исторические поездки для туристов, интересующихся индийскими религиями и обычаями: они предусматривают осмотр буддийских достопримечательностей в сопровождении гидов и рассчитаны на разные уровни достатка участников, вплоть до организации индивидуальных VIP-туров с проживанием в отелях высших категорий [15. С. 3854; 16].

Буддийская паломническая практика в контексте социально-политического развития современной Индии

С момента достижения Индией независимости буддизм позиционировался как религия, являющаяся достоянием не только непосредственно его адептов, но и одновременно всех, кто относит себя к южноазиатской цивилизации. Политическая культура современной Индии впитала в себя многие традиции буддизма, прежде всего стремление к объединению различных течений и поиск сходных черт, невзирая на расхождения. К буддийским понятиям обращались политические лидеры ведущих партий и объединений: Индийского национального конгресса (Джавахарлал Неру, Индира Ганди, Раджив Ганди, Манмохан Сингх), Национальных фронтов (Джайпракаш Нарайан, Морарджи Десаи, Вишванатх Пратап Сингх), Бхаратия джаната парти (Атал Бихари Ваджапай, Нарендра Моди)⁸. В политической риторике всех этих разнородных деятелей присутствует общая черта — сравнение образа Махатмы Ганди с образом Будды, совершающего *дхармаятру* — великий поход во имя святых идеалов справедливости и благочестия⁹.

Секулярные лидеры Индийского национального конгресса (ИНК) использовали буддийскую символику в государственном строительстве, провозглашали ведущую роль Индии в развитии мирового буддизма. Этому способствовало и пребывание в Индии с 1959 г. Далай-ламы XIV, и тибетского правительства в изгнании. Дхарамсала, место пребывания в Индии Далай-ламы, стало популярным центром паломничества буддистов Индии и всего мира, приезжающих сюда еще и для того, чтобы увидеть самого Далай-ламу, послушать его лекции и проповеди. Паломнические маршруты прокладываются к центрам изучения тибетского буддизма. В столице Ладакха — Лехе — находится крупнейший университет по изучению тибетского буддизма в Индии, в т.ч. там можно услышать лекции самого Далай-ламы. После того, как Ладакх отделился от штата Джамму и Кашмир, он стал отдельной территорией, где

⁸ Использование буддийской риторики и терминологии политическими деятелями современной Индии в целях государственного строительства подробно рассмотрены автором в публиковавшихся ранее работах [17; 18]. Данное же исследование обращено к историко-культурным и религиозным традициям буддизма, включая паломнические практики, в построении идеологических концепций ведущих политических партий страны.

⁹ *Nehru J. The Discovery of India*. Oxford: Oxford University Press, 1989 P. 198–199.

возникло значительное количество школ по изучению тибетского буддизма, которые примыкают к университету в Лехе. Изучение тибетского буддизма вышло за пределы Северной Индии и в последнее время стремительно распространяется на районы Центральной Индии, на юг. Например, в Карнатаке, дравидском южном штате, построен огромный центр тибетского буддизма как ответвление монастыря Дрепунг Гоманг [19. Р. 257–260].

В развитие священных мест буддизма внесли свой вклад и необуддисты, последователи Бхимрао Рамджи Амбедкара (1891–1956). Амбедкар предложил низкокастовым индусам и неприкасаемым переход в буддизм для избавления от низкого статуса в обществе. С целью укрепления позиций буддизма Амбедкар основал в 1955 г. Буддийское общество Индии (Бхаратия Бауддха Махасабха) в Бомбее (нын. Мумбаи), а в 1956 г. в городе Нагпуре принял буддизм. Вместе с ним обряд обращения совершили несколько сот тысяч человек, став последователями нового течения в буддизме, получившего название *наваяна*¹⁰. Необуддисты стали активными участниками паломнических мероприятий, объявили священным место кремации Амбедкара в Дадаре [20. Р. 5–10]. Мемориал Чайтъя-бхуми в Дадаре стал местом паломничества и почитания Амбедкара не только как необуддиста, но и как одного из создателей Конституции Индии и социального реформатора.

Государственные деятели и политики ныне правящей Бхаратия джаната парти (БДП), приверженной индусским ценностям, совершают паломничества по священным местам буддизма, молятся перед изображениями Будды. Премьер-министр Индии Нарендра Моди поставил буддизм в центр новой дипломатии Индии, подчеркнув его миротворческий потенциал. С одной стороны, буддизм становится частью китайско-индийского соперничества, с другой — может стать ценным связующим звеном между Дели и Пекином. Моди стал использовать буддизм в качестве механизма «мягкой силы». Данный инструмент оказался одним из главных для укрепления отношений Индии с Мьянмой и другими странами Юго-Восточной Азии. Другим направлением применения «мягкой силы» стало использование индийских диаспор для продвижения индуизма и буддизма в странах Запада, политика покровительства в отношении создания филиалов буддийских обществ в Европе и США [21. Р. 100–102; 22. С. 8–15].

Нынешнее правительство БДП, вновь пришедшее к власти в результате последних выборов 2024 г., поддерживает идеи развития практики буддийских паломничеств, в которых предстоит участвовать представителям всех дхармических религий Индостана, через буддийские организации, прежде всего Международную буддийскую конфедерацию (International Buddhist Confederation, IBC). Это буддийская зонтичная организация служит общей платформой для буддистов всего мира. Штаб-квартира находится

¹⁰ *Ambedkar B.R. The Buddha and his Dhamma. 2nd ed. Bombay : Siddharth, 1974. P. 23–26.*

в Нью-Дели. Здесь координируется развитие программ, связанных с воссозданием буддийских исторических центров Индии в качестве объектов внутреннего и международного туризма, как для адептов буддизма внутри Индии и за ее пределами, так и для интересующихся историко-культурным достоянием Индийской Республики.

Туры по маршрутам буддийского наследия осуществляются и другими буддийскими обществами, в т.ч. и функционирующими в сопредельных странах распространения буддизма в Южной Азии и заинтересованными в организации паломничеств по священным буддийским местам, общим для последователей этой религии. Большую роль продолжает традиционно играть Общество Махабодхи, штаб-квартира которого располагается в Колкате (Калькутте), а филиалы практически по всем городам классического маршрута буддийского наследия.

На государственном уровне подобные программы курирует Министерство культуры Индии. Важность религиозного и культурного наследия признана в первой комплексной политике в области туризма, сформулированной в 1982 г., когда буддизм стал важной составляющей индийской цивилизации. Самые ранние попытки продвижения буддийских маршрутов для туризма можно увидеть в «Плане действий по развитию буддийского сектора» 1986 г., основной целью которого было «создать адекватную туристическую инфраструктуру буддийских объектов» [15. Р. 3855–3856]. Учитывая растущий интерес к буддизму во всем мире, в начале 2000-х гг. международные буддийские организации начали предлагать развитие буддийских паломнических маршрутов в масштабах всей буддийской Азии, включая классический маршрут «По стопам Будды», а также маршрут «Живой буддизм», включающий посещение современных медитативных и образовательных буддийских центров. На основе соглашения между Министерством туризма Индии, департаментами туризма правительств штатов Бихар и Уттар-Прадеш в 2013 г. запущен крупный проект под названием «Инвестирование в буддийскую сеть». В 2015 г. Министерство туризма объявило, что оно «определило направления, которые будут развиваться с помощью Центрального правительства и государственных органов управления» в плане «буддийского туризма».

Приток иностранных туристов побудил правительство внедрить в 2007 г. «комплексный турпакет по буддийскому маршруту», запустив специальный поезд класса люкс с кондиционером под названием «Махапаринирван экспресс», проект реализовало Министерство путей сообщения при поддержке Министерства туризма. Поезд за семь дней проходит по маршруту, охватывающему восемь священных мест буддизма. Существуют и проекты посещения отдельных буддийских святынь, самый популярный — тур в Бодх-Гайю, место, где Будда, согласно представлениям буддистов, достиг просветления [23. С. 155; 24. Р. 18].

Заключение

Индийские политические элиты посредством буддийского фактора стараются повысить мировой престиж Индии, связать образ Индии как мировой державы с тем, что она является родиной мировой религии. Индия позиционируется как страна, которая подарила миру представления о толерантности, ненасилии, о «срединном пути», далеком от крайностей, принципы «панчашила» — принципы неприсоединения, положенные в основу государственной политики Индии. Эти мировоззренческие основы буддизма очень важны для самой Индии. Буддизм в стране был востребован всеми политическими силами, находившимися во власти за период независимости.

Изменившиеся в процессе деколонизации государственные границы привели к тому, что сакральная география буддизма неподвластна нынешним территориальным делениям: святыни буддизма, значимые в паломнической практике буддистов Южной Азии, разбросаны по разным государствам региона. Главные святыни буддизма сосредоточены в Индии (Бодх-Гайя — место просветления Будды, Сарнатх — место первой проповеди, Кушинагар — место ухода Будды). Лумбини — место рождения Будды — находится близ границы с Индией, но все же на территории Непала. Некоторые древние центры буддизма оказались на территории Пакистана (Таксила), другие — на территории Бангладеш (Сомапура). Между странами региона возникают споры относительно правопреемства буддийского религиозно-культурного наследия, например, соперничество в вопросе о местонахождении родины Будды (Непал versus Индия), спор о том, кто является хранителем тхеравады (Шри-Ланка versus Индия) и др. Тем не менее, пропаганда буддийских ценностей способствует укреплению концепции единой цивилизационной принадлежности народов Южной Азии и развитию диалога между государствами региона.

Список литературы

1. *Almond P.* The British Discovery of Buddhism. Cambridge : Cambridge University Press, 1988. 186 p. <https://doi.org/10.5860/choice.26-6234>
2. *Bapat P.V.* 2500 Years of Buddhism. Calcutta : Publications Division Ministry of Information & Broadcasting, 1976. 439 p. <https://doi.org/10.58837/chula.rarebook.442>
3. *Ahir D.C.* The Pioneers of Buddhist Revival in India. Delhi : Sri Satguru Publications, 1989. 177 p.
4. *Ramteke D.L.* The Revival of Buddhism in Modern India. New Delhi : Deep & Deep, 1983. 303 p.
5. *Dvivedi S.* Buddhist Heritage Sites of India. Foreword by His Holiness the Dalai Lama. Delhi : Rupa Publication, 2017. 304 p.
6. *Rahula W.* The Heritage of the Bhikkhu: A Short History of the Bhikkhu in Educational, Cultural, Social, and Political Life. New York : Grove Press, Random House, 1974. 176 p.
7. *Bechert H.* Buddhist Revival in East and West // The World of Buddhism: Buddhist Monks and Nuns in Society and Culture / ed. by H. Bechert, R.F. Gombrich. London: Facts on File, Inc., 2002. P. 273–285.

8. Глушкова И.П. Индийское паломничество: Метафора движения и движение метафоры М. : Научный мир, 2000. 261 с.
9. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифат в идейном диалоге стран распространения ислама: опыт панисламского конгресса 1926 г. в Каире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2022. Т. 14. № 1. С. 7–19. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2022-14-1-7-19> EDN: OBVGPQ
10. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Большие надежды, утраченные иллюзии: Всеобщий исламский конгресс в Иерусалиме в 1931 году // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 1. С. 7–21. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-15-1-7-21> EDN: IWJCMF
11. Geary D., Mukherjee S. Buddhism in Contemporary India. In: *The Oxford Handbook of Contemporary Buddhism* / ed. by M. Jerryson. Oxford : Oxford University Press, 2017. P. 36–60. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199362387.001.0001>
12. Holt J.C. *Buddhist Vishnu: Religious Transformation, Politics and Culture*. New York : Columbia University Press, 2004. 441 p.
13. Dutt S. *Buddhist Monks and Monasteries of India*. New Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 1962. 397 p. <https://doi.org/10.1017/S0003598X00030866>
14. Weeraratne A. *Buddhist Universities of Ancient India*. Available from: www.buddhanet.net (Accessed 9 July 2023).
15. Shinde K.A. How effective is a Buddhist pilgrimage circuit as a product and strategy for heritage tourism in India? // *The Heritage*. 2022. № 5. P. 3846–3863. <https://doi.org/10.3390/heritage5040198>
16. Deeg M. *Buddhist Pilgrimage: An Introduction* // *Searching for the Dharma, Finding Salvation: Buddhist Pilgrimage in Time and Space* / ed. by C. Cueppers, M. Deeg. Lumbini : Lumbini International Research Institute, 2014. P. 1–21.
17. Сафронова А.Л. Историко-культурное наследие в формировании индийской идентичности: буддизм как общенациональное достояние // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2013. № 4. С. 54–69. EDN: RPXYYL
18. Сафронова А.Л. Буддийский мир Южной Азии: традиции и интерпретации. М. : Ключ-С. 256 с. <https://doi.org/10.56700/Kluch.2023.45.75.015> EDN: XKXDEI
19. Huber T. *The Holy Land Reborn: Pilgrimage and the Tibetan Reinvention of Buddhist India*. Chicago : University of Chicago Press, 2008. 464 p. <https://doi.org/10.5860/choice.46-3190>
20. Zelliott E. *From Untouchable to Dalit: Essays on the Ambedkar Movement*. Delhi : Manohar, 1996. 350 p.
21. Marino A. *Narendra Modi: A Political Biography*. New York : HarperCollins Publishers, 2014. 332 p.
22. Mazumdar A. India's soft power diplomacy under the Modi administration: Buddhism, diaspora and yoga // *Asian Affairs*. 2018. Vol. 49. № 3. P. 8–15. <https://doi.org/10.1080/03068374.2018.1487696>
23. Trevithick A. *The Revival of Buddhist Pilgrimage at Bodh Gaya. Anagarika Dharmapala and the Mahabodhi Temple*. Delhi : Motilal Banarsidass Publishers, 2006. 259 p.
24. Geary D., Shinde K. Buddhist pilgrimage and the ritual ecology of sacred sites in the Indo-Gangetic region // *Religions*. 2021. Vol. 12. № 6. P. 385. <https://doi.org/10.3390/rel12060385> EDN: EAQBMN

Информация об авторе:

Сафронова Александра Львовна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: alsafroanova@iaas.msu.ru ORCID: 0000-0003-1554-3449. SPIN-код: 6189-7121.



DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-21-43

EDN: PHISKD

Научная статья / Research article

Фракционализм в современной Республиканской партии США: дилемма между экономическим национализмом и технологическим глобализмом

А.С. Дербенев

Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова
Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

✉ istfak_x_chelovek@mail.ru

Аннотация. Конфликт вокруг визовой программы H-1B обострил раскол внутри Республиканской партии США и вызвал большие дискуссии среди других политических сил. Технологические элиты, включая Илона Маска, требуют расширения программы для поддержки инновационного лидерства. Националистическое крыло MAGA настаивает на приоритете американских рабочих и сокращении зависимости от иностранной рабочей силы. Работа созданного Дональдом Трампом Департамента эффективности государственного управления (DOGE) усугубила противоречия, затронув вопросы иммиграции, бюрократии и занятости. Раскол затрагивает ключевые направления: экономическую стратегию, технологический суверенитет, иммиграционную политику и отношение к глобализации. Республиканская партия демонстрирует структурную неоднородность и идеологическую нестабильность, что делает вектор ее развития непредсказуемым и зависимым от совокупности внутренних и внешних факторов. Проанализировано, как эти политические конфликты влияют на технологический суверенитет и национальную экономику США, а также оценены потенциальные последствия для меняющегося идеологического ландшафта Республиканской партии. Сделан вывод: поскольку партия демонстрирует структурную неоднородность, на дальнейшее развитие событий влияет множество факторов, как внутренних, так и внешних, в т.ч. миграционное законодательство, взгляды на решение международных конфликтов, разжигание ненависти в Интернете и т.д.

Ключевые слова: Трамп, MAGA, Tech Bro, Маск, программа H-1B, DOGE, STEM, технократы, экономика, технологический суверенитет

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 21.05.2025; принята к публикации 15.10.2025.

© Дербенев А.С., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Дербенев А.С. Фракционализм в современной Республиканской партии США: дилемма между экономическим национализмом и технологическим глобализмом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 21–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-21-43> EDN: PHISKD

Factionalism in the modern Republican party of the USA: the dilemma between economic nationalism and technological globalism

Andrei S. Derbenev 

Georgy Arbatov Institute for the U.S. and Canada Studies, *Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

✉ istfak_x_chelovek@mail.ru

Abstract. The conflict over the H-1B visa program has exacerbated the split within the US Republican Party and caused great discussions among other political forces. Technology elites, including Elon Musk, are demanding an expansion of the program to support innovative leadership. The nationalist wing of MAGA insists on the priority of American workers and reducing dependence on foreign labor. The work of the Department of Government Efficiency (DOGE), created by Donald Trump, has exacerbated the contradictions, touching upon issues of immigration, bureaucracy and employment. The split affects key areas: economic strategy, technological sovereignty, immigration policy, and attitudes towards globalization. The Republican Party demonstrates structural heterogeneity and ideological instability, which makes the vector of its development unpredictable and dependent on a combination of internal and external factors. The study analyzes how these political conflicts affect the technological sovereignty and national economy of the US, as well as assesses the potential consequences for the changing ideological landscape of the Republican Party. The conclusion is drawn: since the party demonstrates structural heterogeneity, the further development of events is influenced by many factors, both internal and external, including migration legislation, views on resolving international conflicts, incitement of hatred on the Internet, etc.

Keywords: Trump, MAGA, Tech Bro, Musk, H-1B program, DOGE, technocrats, economy, technological sovereignty, STEM

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 21.05.2025; accepted 15.10.2025.

For citation: Derbenev AS. Factionalism in the modern Republican party of the USA: the dilemma between economic nationalism and technological globalism. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):21–43. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-21-43> EDN: PHISKD

Введение

Проблема высококвалифицированной миграции раскалывает Республиканскую партию США. Между соратниками Дональда Трампа разворачивается борьба вокруг программы H-1B, которая помогает компаниям

нанимать иностранных разработчиков программного обеспечения и ряда других технических, в т.ч. узкоспециализированных работников. Одним из следствий данной программы стало то, что технологическая индустрия США в немалой своей части «подсела» на иностранную рабочую силу. Сторонники действующего президента Д. Трампа по-разному смотрят на будущее указанной программы. Илон Маск и некоторые другие представители технологических компаний США выступают в поддержку визы H-1B. По их мнению, эта программа особо значима для процветания американского бизнеса. С другой стороны, часть команды Трампа, тоже приверженцы MAGA (*англ. Make America Great Again*), настаивают на том, что технологические компании должны нанимать больше американских работников, заботиться об их переобучении и т.п.

Основной **целью исследования** стало выявление характерных особенностей процессов, протекающих во внутривнутриполитической жизни США в период прихода к власти второй администрации Трампа в разрезе программы H-1B и последствий применения протекционистских мер экономическими националистами. Поскольку Республиканская партия показывает структурную неоднородность, на будущее экономического и технологического суверенитета страны влияет множество факторов, как внутренних, так и внешних, среди которых: функционирование Департамента эффективности государственного управления (*англ. Department of Government Efficiency, DOGE*), миграционное законодательство, конфликт в Газе, разжигание ненависти в интернет-пространстве и т.п. Применен системно-аналитический подход для рассмотрения основных элементов внутривнутриполитической жизни США, связанных с вопросами противоборства в ближнем окружении Трампа. Контент- и дискурс-анализ позволили выявить определенные нарративы, характерные для современного американского медиаполя, а оценка количественных показателей на основе данных профильных ведомств — определить масштабы проблемы. Сравнительный политический анализ и теория элит помогли качественно оценить идеологические различия внутривнутрипартийных разногласий в Республиканской партии и исследовать, как бизнес- и политические элиты, а также фракционизм влияют на принятие политических решений. Объединяя эти подходы, исследование дает более полное представление о том, как внутренние и внешние факторы влияют на иммиграционную политику и государственное управление США. В ходе исследования автор опирался на официальные документы и материалы государственных ведомств США, статистические ресурсы, а также мнения представителей экспертно-аналитических американских учреждений.

Российские исследователи достаточно обширно и глубоко изучают экономику США и ее взаимосвязь с социально-политической сферой. Среди публикаций стоит отметить исследования С.А. Толкачёва

о реиндустриализации в США и технологической безопасности национальной промышленной базы [1] и А.М. Меньшиковой об экономике в системе национальной безопасности США [2].

Вопросы, связанные с миграцией в США, освещены в работах Г.К. Никольской [3], Н.Е. Петровской [4], а также А.С. Тоганяна, Ж.А. Кеворковой и А.В. Чиркова [5].

Влияние технократов на внутривластную обстановку в США также не остается без внимания. Как отмечает А.Н. Сытник, деятельность второй администрации Трампа будет проходить под знаком яркой технологической политики [6]. Вопросы применения искусственного интеллекта (ИИ) для обеспечения национальной безопасности США освещены В.И. Прошиной [7], Я.В. Селяниным, [8], Р.С. Выходцем [9], Л.В. Савиным [10], Ю.С. Соколыцк¹, а цифровизация, дипломатия данных и твиттер-дипломатия исследуются Н.А. Цветковой, А.Н. Сытник [11].

Российские исследователи уделяют значительное внимание разным внутривластным силам в современных США, однако наметившийся в 2024 г. раскол между «традиционалистами», поддерживающими концепцию «Make America Great Again», и технологическим лобби пока не получил должного разрешения в российской американистике.

Среди зарубежных авторов следует выделить Э. Кренделл, Р. Браун и политолога Дж. МакМейхон [12], которые утверждают, что в основе технологической утопии Кремниевой долины лежит эксплуататорская трудовая этика, переосмысленная в соответствии с инновационным духом отрасли. Детально фокусируется на социальных аспектах и проблемах трудовой миграции М. Вайнер [13].

Наряду с этим стоит отметить работы, посвященные технологическому суверенитету и конкуренции за авторством Дж. Аллена и др.², Н. Кори и др. [14], К. Фукса [15], С. Кумара [16], а также исследования, проведенные Фондом Наследие (англ. *Heritage Foundation*)³ и РЭНД (англ. *Rand Corporation*)⁴.

¹ Соколыцк Ю. Искусственный интеллект и нацбезопасность: план по сохранению технологического превосходства США // Российский совет по международным делам (РСМД). 09.03.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyy-intellekt-i-natsbezopasnost-plan-po-sokhraneniyu-tekhnologicheskogo-prevoskhodstva-ssh/> (дата обращения: 20.10.2025).

² Technological Leadership // Together or alone?: Choices and Strategies for Transatlantic Relations for 2021 and Beyond. Washington, DC : German Marshall Fund of the United States, 2020. P. 30–33.

³ Frederick K. Combating Big Tech's totalitarianism: a road map // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/big-tech/report/combating-big-techs-totalitarianism-road-map> (дата обращения: 24.10.2025).

⁴ Leading with artificial intelligence. Insights for U.S. Civilian and military leaders on strengthening the AI workforce // RAND. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA3414-1.html> (Accessed: 24.10.2025).

Раскол между MAGA и Tech Bro: экономическое и социально-политическое измерения

Борьба в окружении Трампа по вопросу найма иностранных специалистов на работу в США в конце 2024 — начале 2025 г. между MAGA Internet Warriors и «детischem» Илона Маска Tech Bro⁵ все чаще провоцирует внимание американцев. Она связана с различиями в их идеологических и экономических приоритетах, поскольку, например, MAGA фокусируется на традиционных ценностях, национализме, защите рабочего класса, особенно в промышленных регионах, а Tech Bro поддерживают глобализм, социальный прогресс, свободный рынок и инновации. MAGA выступает за защиту американской экономики от аутсорсинга, критикуя технологические компании за перенос производств за рубеж и замену рабочих мест автоматизацией. Tech Bro заинтересованы в глобальной интеграции, минимальном регулировании и дешевой рабочей силе, включая использование виз H-1B для привлечения иностранных специалистов. С одной стороны, в американском обществе нарастает недовольство по поводу иммиграции. С другой — возмущение со стороны И. Маска и его сторонников из технологического лобби по поводу будущего американских корпораций, наращивания глобальных конкурентных преимуществ американского бизнеса и опасения по вопросу подготовки и найма высококвалифицированных сотрудников в компании США. Расходятся взгляды и в технологической политике: если MAGA критикует крупных технологических гигантов (например, Google, Meta) за цензуру консервативных голосов, то Tech Bro поддерживают модерацию контента для борьбы с дезинформацией, что MAGA расценивает как ущемление свободы слова.

22 декабря 2024 г. избранный президент Д. Трамп объявил о назначении Шрирама Кришнана (индийский иммигрант, венчурный инвестор, соратник И. Маска, генеральный партнер Andreessen Horowitz) старшим советником Белого дома по вопросам политики в области ИИ⁶. Этот шаг свидетельствует о развитии стратегии Трампа по наращиванию лидерства США в быстро развивающейся области ИИ. Примерно тогда же было принято решение о том, что Дэвид О. Сакс будет руководить направлением в Белом доме по ИИ и криптографии.

Назначение Ш. Кришнана в администрацию Трампа свидетельствует о том, что эти две силы могут находить компромисс. Однако не все так просто. Обострение внутри MAGA стало набирать обороты после публикации заметки Кришнана. Он поддержал отмену ограничения на грин-карты для найма иностранной квалифицированной рабочей силы. «Все, что угодно,

⁵ Условное обозначение представителей технологической элиты, часто либерально настроенной. *Прим. авт.*

⁶ *Wiggers K.* Sriram Krishnan named Trump's senior policy advisor for AI // Tech Crunch. 22.12.2024. URL: <https://techcrunch.com/2024/12/22/sriram-krishnan-named-trumps-senior-policy-advisor-for-ai/> (дата обращения: 09.01.2025).

чтобы снять ограничения стран на получение грин-карты, разблокировать квалифицированную иммиграцию...», — написал Кришнан в соцсети X, запрещенной на территории РФ⁷. Эта инициатива была поддержана И. Маском и другими сочувствующими Кремниевой долины⁸. «Простая логика: нам нужны лучшие, независимо от того, где они родились...», — написал в ноябре 2024 г. Ш. Кришнан⁹.

Примечательна позиция соратницы Трампа Лоры Лумер. Ее Трамп пытался нанять для участия в своей президентской кампании в апреле 2023 г., но его отговорили советники по предвыборной кампании, а к сентябрю 2024 г. некоторые соратники Трампа выразили обеспокоенность по поводу присутствия Л. Лумер в ближнем окружении Трампа и влияния на него. Она отметила: «Мы глубоко обеспокоены назначением Шрирама Кришнана старшим политическим советником по ИИ в Управлении научно-технической политики... Вызывает тревогу количество карьерных левых, которых сейчас назначают на работу в администрацию Трампа, когда они разделяют взгляды, прямо противоречащие программе Трампа „Америка превыше всего“. Как будут контролироваться иммиграция в нашей стране и продвигаться инновации, когда Трамп назначил этого человека, который хочет снять все ограничения на получение грин-карт в Соединенных Штатах, чтобы иностранные студенты (которые составляют 78 % сотрудников в Кремниевой долине) могли приезжать в США и устраиваться на работу, которая должна быть доступной... Я чувствую, что многие из них пытаются попасть в администрацию Трампа, чтобы обогатиться и получить контракты в Министерстве обороны. Это не политика „Америка превыше всего“»¹⁰.

Острую критику в адрес Ш. Кришнана подхватили сторонники Л. Лумер. Более 7,4 млн просмотров набрала публикация: «Кто-нибудь из вас голосовал за то, чтобы этот индеец управлял Америкой?»¹¹. Позже комментарий был дополнен: «Что бы ни говорил Шрирам Кришнан, он прежде всего ИНДИЯ.

⁷ Sriram Krishnan (@sriramk) on X. 14.11.2024. URL: <https://x.com/sriramk/status/1857032180846714956> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

⁸ Elon Musk slams 'wrong-headed' economics, backs Sriram Krishnan skilled immigration push in US // The Times of India. 26.12.2024. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/world/us/elon-musk-slams-wrong-headed-economics-backs-sriram-krishnans-skilled-immigration-push-in-us/articleshow/116666354.cms> (дата обращения: 10.01.2025).

⁹ Sriram Krishnan (@sriramk) on X. 14.11.2024. URL: <https://x.com/sriramk/status/1857038806240649691> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

¹⁰ Laura Loomer (@LauraLoomer) on X. 23.12.2024. URL: <https://x.com/LauraLoomer/status/1871262423950520454> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

¹¹ Nas Escobar (@nasescobar316) on X. 24.12.2024. URL: <https://x.com/nasescobar316/status/1871526624233132350> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

Что бы ни говорили люди вокруг него. Их единственная цель — импортировать как можно больше индийцев, чтобы заменить американских рабочих»¹².

Ш. Кришнан и И. Маск — мигранты, позднее получившие гражданство США. Их интерес к сохранению программы H-1B очевиден. И. Маск неоднократно публично в социальной сети отмечал пользу, которую несет для США программа H-1B. Однако она не очень хорошо воспринимается немалой частью людей в США, которые многократно выражали обеспокоенность тем, что американцы из-за наплыва мигрантов теряют высокооплачиваемые рабочие места, что выгодно американским миллиардерам. Трамп также неоднократно высказывался за наведение порядка в данном вопросе.

Поскольку *Indians* и *H-1B* стали трендами на X, Маск призвал сторонников игнорировать Лумер: «На всех платформах социальных сетей есть много троллей, ищущих внимания, которые пытаются вас подразнить. Они выигрывают, если вы ответите»¹³.

Реакция И. Маска на критику в свой адрес и Ш. Кришнана последовала незамедлительно: «...в Америке ощущается острая нехватка чрезвычайно талантливых и мотивированных инженеров... КОНЕЧНО, я и мои компании предпочли бы нанимать американцев, что мы и делаем, поскольку это намного проще, чем проходить невероятно болезненный и медленный процесс получения рабочей визы. Речь идет не о том, чтобы раздавать возможности из какой-то волшебной шляпы... Это становится совершенно очевидным, когда смотришь на команды НБА, поскольку физические различия очевидны. Однако ментальные различия между людьми намного больше, чем физические различия!»¹⁴.

Вивек Рамасвами¹⁵, бывший кандидат в президенты от Республиканской партии, соруководитель Департамента эффективности государственного управления принял участие в развернувшейся борьбе соратников Трампа, позволив себе в резких тонах высказаться по поводу будущего программы

¹² Nas Escobar (@nasescobar316) on X. URL: <https://x.com/nasescobar316/status/1871526896485462057> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

¹³ Elon Musk (@elonmusk) on X. 26.12.2024. URL: <https://x.com/elonmusk/status/1872374991800652146> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

¹⁴ Elon Musk (@elonmusk) on X. 25.12.2024. URL: <https://x.com/elonmusk/status/1871993406357958693> (дата обращения: 09.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

¹⁵ Вивек Рамасвами — американский бизнесмен и политик индийского происхождения, основатель биотехнологической компании Roivant Sciences (2014) и инвестиционной фирмы Strive Asset Management (2022). Его состояние превышает \$1 млрд. Известен своими консервативными взглядами, включая критику ESG-инициатив и поддержку рыночного подхода к корпоративной деятельности. После отказа от участия в президентской гонке от Республиканской партии переключился на другие политические амбиции, включая потенциальное выдвижение на пост губернатора штата Огайо. *Прим. авт.*

H-1B: «...технологические компании нанимают инженеров иностранного происхождения и инженеров в первом поколении, потому что американская культура преклоняется перед посредственностью, а не совершенством... Культура, которая прославляет королеву выпускного бала над чемпионом математической олимпиады ... не будет производить лучших инженеров»¹⁶. Эти высказывания вызвали возмущение со стороны бывшего губернатора Южной Каролины Никки Хейли, которая заявила, что «нет ничего плохого в американских рабочих или американской культуре... Все, что вам нужно сделать — это посмотреть на границу и понять, сколько людей хотят того, что у нас есть»¹⁷.

Разногласия между Вивеком Рамасвами и Илоном Маском по роли и функции DOGE обострили отношения внутри окружения Трампа. Рамасвами, стремившийся к структурным реформам через независимый аналитический подход, конфликтовал с Маском, который настаивал на правительственной интеграции и работе с конфиденциальной информацией. Политическая напряженность усилилась из-за подхода Рамасвами к визовой политике, что оттолкнуло сторонников Трампа¹⁸. Эта ситуация отражает классический конфликт между технократами и традиционными политическими элитами США. Внутрипартийные разногласия часто подрывают ключевые инициативы, особенно в условиях конкуренции за влияние в Белом доме.

Согласно годовому отчету Конгрессу за 2023 г., опубликованному Американским иммиграционным советом, средняя ежегодная заработная плата работников по программе H-1B в 2023 г. составила 118 тыс. долл.¹⁹, что значительно выше, чем средняя зарплата работника в США — 53 490 долл., что подчеркивает привлекательность программы для квалифицированных специалистов²⁰. А средняя годовая заработная плата держателя визы H-1B по профессиям, связанным с компьютерными технологиями, в 2023 г.

¹⁶ *Watrobki K.* Ramaswamy blames US 'mediocrity' culture for tech companies hiring foreign-born engineers // CBS Austin. 27.12.2024. URL: <https://cbsaustin.com/news/nation-world/ramaswamy-blames-us-mediocrity-culture-for-tech-companies-hiring-foreign-born-engineers-vivek-immigration-doge-nikki-haley-elon-musk> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Добрунов М.* Рамасвами передумал идти в администрацию Трампа из-за раскола с Маском // РБК. 22.01.2025. URL: <https://rbc-ru.turbopages.org/rbc.ru/s/politics/22/01/2025/67908a669a794777f26afaa9> (дата обращения: 30.01.2025).

¹⁹ Characteristics of H-1B Specialty Occupation Workers. Fiscal Year 2023 Annual Report to Congress // U.S. Citizenship and Immigration Services, U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.uscis.gov/sites/default/files/document/reports/OLA_Signed_H-1B_Characteristics_Congressional_Report_FY2023.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

²⁰ Average Salary in the U.S. 2023 // Jobted. URL: [https://www.jobted.com/salary#:~:text=Average%20Salary%20in%20the%20U.S.,40-hour%20work%20week\).%20Popular%20Salaries](https://www.jobted.com/salary#:~:text=Average%20Salary%20in%20the%20U.S.,40-hour%20work%20week).%20Popular%20Salaries) (дата обращения: 11.01.2025).

составила 123 тыс. долл.²¹ Общее количество одобренных виз за пятилетний период составило более 2 млн (табл. 1), а количество петиций, одобренных в 2023 г. для работников профессий, связанных с технологической сферой, составило 65 % от общего числа²².

Таблица 1

**Количество поданных и одобренных петиций категории H-1B, 2019–2023
финансовый год, тыс. шт.**

Финансовый год	Поданные петиции	Одобренные петиции
2019	420,577	389,378
2020	427,245	426,710
2021	398,269	407,071
2022	474,301	442,043
2023	386,584	386,340

Источник: составлено А.С. Дербеневым на основе данных Министерства внутренней безопасности США²³.

Крупнейшими корпорациями, которые используют программу H-1B, являются Amazon, Google, Tesla. Будущие трудящиеся в подавляющем большинстве приезжают из Индии и занимают рабочие места в таких сферах, как разработка программного обеспечения и информационные технологии, инженерия. Созданная Конгрессом в 1990 г. программа H-1B является важным мостиком «светлого будущего» в США для высококвалифицированных иностранных работников. Держатели визы в итоге могут получить право подать заявление на получение грин-карты, которая позволит им оставаться в стране на неопределенный срок.

Количество виз ограничено 85 тыс. в год. Компании подают тысячи заявок в год на получение виз (рис. 1), система лотереи помогает решить, кто примет участие в программе. Сотрудники университетов и других некоммерческих организаций, как правило, освобождаются от ограничения. Данные Министерства труда помогают понять, откуда такая высокая потребность в иностранных специалистах. В октябре 2024 г. вакансий было в два раза больше, чем безработных в секторе «профессиональных и деловых услуг», который включает в себя технологическую сферу.

²¹ Characteristics of H-1B Specialty Occupation Workers. Fiscal Year 2023 Annual Report to Congress // U.S. Citizenship and Immigration Services, U.S. Department of Homeland Security. URL: https://www.uscis.gov/sites/default/files/document/reports/OLA_Signed_H-1B_Characteristics_Congressional_Report_FY2023.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

²² Там же.

²³ Report on H-1B Petitions Fiscal Year 2023 Annual Report to Congress // U.S. Citizenship and Immigration Services, U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.uscis.gov/sites/default/files/document/reports/FY-2023-Annual-Report-H-1B-Petitions.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

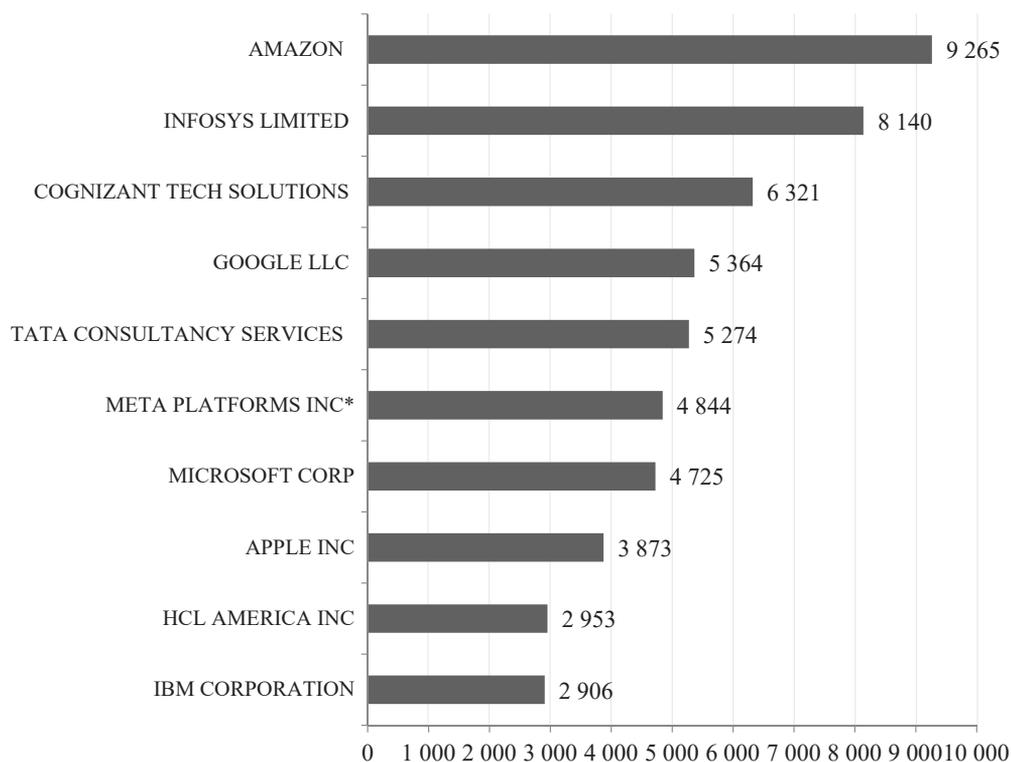


Рис. 1. Число одобренных бенефициаров визы H-1B среди ведущих работодателей в 2024 г.
 Источник: составлено А.С. Дербеневым на основе данных Миграционной службы США²⁴.

* Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Программа H-1B требует, чтобы работодатели выплачивали «преобладающую заработную плату» при приеме на работу. Согласно отчету Института экономической политики (Economic Policy Institute) за 2020 г., на 60 % должностей, утвержденных правительством, уровень заработной платы был значительно ниже средней заработной платы по данной профессии в стране²⁵. По мнению специалистов того же Института, фундаментальным недостатком программы H-1B является то, что «она позволяет американским работодателям законно недоплачивать работникам H-1B по сравнению с аналогичными работниками из США»²⁶.

²⁴ H-1B Employer Data Hub // U.S. Citizenship and Migration Services, U.S. Department of Homeland Security. URL: <https://www.uscis.gov/tools/reports-and-studies/h-1b-employer-data-hub> (дата обращения: 16.01.2025).

²⁵ Costa D., Hira R. H-1B visas and prevailing wage levels // Economic Policy Institute. 04.05.2020. URL: <https://www.epi.org/publication/h-1b-visas-and-prevailing-wage-levels/> (дата обращения: 16.01.2025).

²⁶ Там же.

Администрация Трампа в 2020 г. предприняла попытку пересмотра программы H-1B. Примечательно, что тогда администрация американского президента повысила заработную плату, которую обязаны выплачивать работодатели. Однако изменения так и не вступили в силу при администрации Джо Байдена.

Среди крупнейших пользователей виз H-1B в 2024 г. были Cognizant Technology Solutions, Tata Consultancy Services, HCL America, в основном предоставляющие IT-услуги (см. рис. 1). Компании из этой сферы экономики нередко подают заявки на визы для закрытия вакансий низкооплачиваемых должностей. Комментируя программу H-1B, Джованни Пери, заслуженный профессор Калифорнийского университета в Дэвисе и научный сотрудник Национального бюро экономических исследований в Кембридже (штат Массачусетс), заметил: «Единственные компании, которые могут получить много виз, — это компании, которые очень хорошо организовали работу, у которых много юристов, направляющих заявления вовремя, и все это сделано идеально»²⁷.

В апреле 2024 г. Институт экономики труда (Institute of Labor Economics, IZA) представил доклад «Влияние иммиграции на фирмы и работников: результаты лотереи H-1B». Во введении говорится, что выигравшие в лотерею H-1B компании демонстрируют увеличение числа иммигрантов с высшим образованием, а также рост выручки и масштабов бизнеса²⁸. Судя по этим данным, программа усиливает жизнеспособность компаний в будущем конкурировать и развивать свой бизнес. «Лотерея H-1B Regular Cap 2007 года ... привела к случайным, экзогенным изменениям в способности фирм нанимать квалифицированных иммигрантов... В сети мы не находим свидетельств вытеснения местных работников с высшим образованием на уровне компаний. Однако этот результат скрывает динамику среди более специфических подгрупп сотрудников», — говорится в том же докладе²⁹.

По мнению Гауравы Ханна, «чем больше виз H-1B, тем больше патентов в США и выше доходы среднего работника как в США, так и в Индии»³⁰.

Многие компании США долгое время сталкиваются с нехваткой высококвалифицированных специалистов в так называемых областях STEM (англ. *Science, Technology, Engineering, Mathematics*) — науке, технологиях, инженерии и математике. Спрос на знания в таких областях резко вырос. Согласно данным Ассоциации полупроводниковой промышленности,

²⁷ Jim Russell (@ProducerCities) on X. 01.01.2025. URL: <https://x.com/ProducerCities/status/1874529906195132919> (дата обращения: 16.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

²⁸ The Impact of Immigration on Firms and Workers: Insights from the H-1B Lottery // IZA — Institute of Labor Economics. URL: <https://docs.iza.org/dp16917.pdf> (дата обращения: 16.01.2025).

²⁹ Там же.

³⁰ Jim Russell (@ProducerCities) on X. URL: <https://x.com/ProducerCities/status/1874530547055341717> (дата обращения: 20.01.2025). (Социальная сеть X запрещена на территории РФ).

«к 2030 году в США будет не хватать около 1,4 миллиона техников, специалистов по информатике и инженеров в области STEM»³¹.

Согласно «Отчету об искусственном интеллекте 2024» Стэнфордского университета, влияние ИИ на общество значительно возросло. В 2023 г. индустрия лидировала в разработке передовых моделей машинного обучения, представив 51 заметную модель, тогда как академические учреждения создали лишь 15. Затраты на обучение таких моделей достигли беспрецедентных уровней: например, обучение GPT-4 от OpenAI оценивалось в 78 млн долл., а Gemini Ultra от Google — в 191 млн долл.³².

В 2023 г. инвестиции в генеративный ИИ резко возросли, достигнув 25,2 млрд долл., что почти в восемь раз больше, чем в 2022 г. (3,1 млрд долл.). США продолжали лидировать, привлекая 67,2 млрд долл. частных инвестиций в ИИ, значительно опережая другие страны. Однако, несмотря на рост инвестиций, количество вакансий, связанных с ИИ, в США сократилось с 2,0 % от общего числа в 2022 г. до 1,6 % в 2023 г. Это снижение связано с уменьшением доли технических позиций в компаниях и снижением найма крупными ИИ-компаниями.

Вместе с тем в области ответственного ИИ наблюдается недостаток стандартизации в оценке практик. Крупные разработчики, такие как Google, OpenAI и Anthropic, используют разные критерии для тестирования своих моделей, что затрудняет их сравнение. Кроме того, растет обеспокоенность по поводу политических и этических аспектов ИИ, включая создание дипфейков и потенциальные политические предвзятости в моделях, таких как ChatGPT. ИИ также оказывает значительное влияние на науку и медицину: в 2023 г. приложения, такие как AlphaDev и GNoME, способствовали улучшению алгоритмической эффективности и открытию новых материалов. В медицине инструменты, такие как EVEscape и AlphaMissense, помогают в прогнозировании пандемий и анализе генетических мутаций.

При этом общественное восприятие ИИ становится все более осознанным. Опросы показывают, что 66 % людей считают, что ИИ существенно повлияет на их жизнь, причем многие выражают обеспокоенность его воздействием. Это отражается в увеличении числа законодательных инициатив, связанных с ИИ: в 2023 г. в США было принято 25 таких нормативных актов, по сравнению с одним единственным в 2016 г.

В контексте технологического суверенитета США предпринимают активные шаги для укрепления своих позиций в критически важных

³¹ STEM shortage in the US for STEM professionals // Harvey Law Corporation. 14.12.2024. URL: <https://harveylawcorporation.com/stem-shortage-in-the-us-immigrate-to-the-us/> (дата обращения: 21.01.2025).

³² AI Index Report 2024 // Stanford University. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 23.01.2025).

технологиях. Принятие «CHIPS and Science Act»³³ предусматривает выделение 280 млрд долл. на поддержку научных исследований и образовательных программ, из которых 52,7 млрд долл. направлены на развитие производства полупроводников в США. Это свидетельствует о стремлении США снизить зависимость от иностранных поставок и укрепить свои позиции в глобальной технологической гонке, ведь влияние технологического сектора на экономику США остается значительным. Несмотря на снижение общего объема частных инвестиций в ИИ, резкий рост финансирования генеративного ИИ подчеркивает его растущую роль в экономике (рис. 2). Однако сокращение числа вакансий в сфере ИИ указывает на необходимость адаптации рынка труда к быстро меняющимся технологическим реалиям³⁴.

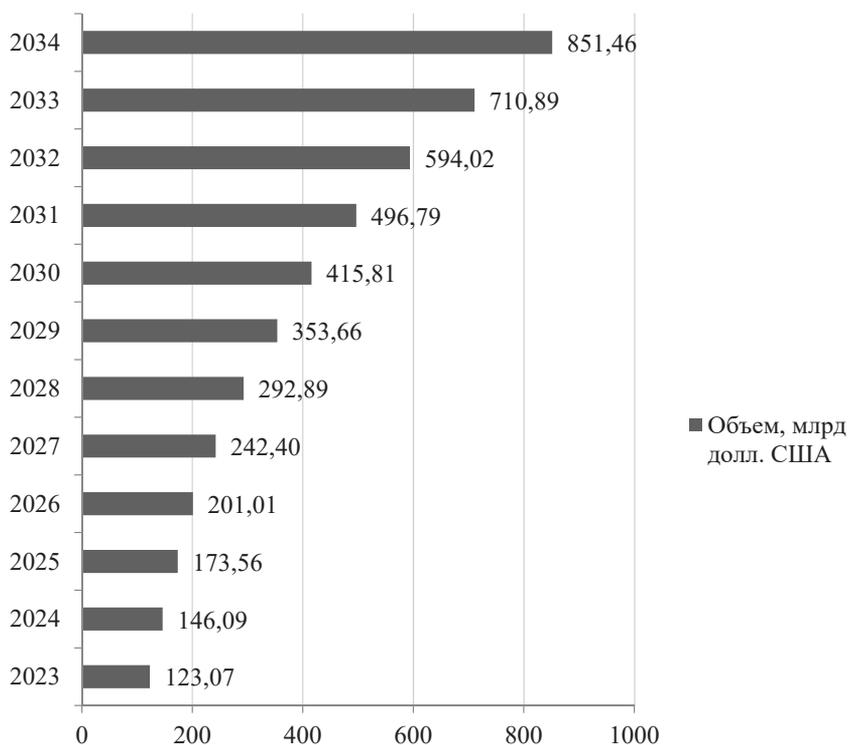


Рис. 2. Прогноз размера рынка искусственного интеллекта в США 2023–2034 гг.

Источник: составлено А.С. Дербеневым на основе данных Precedence Research³⁵.

³³ Creating Helpful Incentives to Produce Semiconductors and Science Act of 2022 — закон, принятый в США в августе 2022 г., направленный на развитие производства полупроводников и поддержку научных исследований в критически важных технологиях. Закон был принят с целью укрепления технологического суверенитета США, снижения зависимости от зарубежных поставок микрочипов и повышения конкурентоспособности в глобальной технологической гонке. *Прим. авт.*

³⁴ AI Index Report 2024 // Stanford University. URL: <https://aiindex.stanford.edu/report/> (дата обращения: 23.01.2025).

³⁵ Artificial Intelligence (AI) Market Size, Share, and Trends 2024 to 2034 // Precedence Research. URL: <https://www.precedenceresearch.com/artificial-intelligence-market> (дата обращения: 24.01.2025).

Президент США Дональд Трамп объявил о создании компании Stargate, которая займется развитием инфраструктуры ИИ в стране. В проекте акцентировалось внимание на таких технологических гигантах, как OpenAI, Oracle и SoftBank. Общий объем инвестиций составит до 500 млрд долл., что делает его крупнейшим ИИ-проектом в истории³⁶. Инициатива направлена на создание более 100 тыс. рабочих мест в США в течение четырех лет. Предполагается, что первоначальные инвестиции в размере 100 млрд долл. будут направляться на строительство дата-центров в Техасе. Проект Stargate также рассматривается как стратегический шаг в противодействии технологическим достижениям Китая, подчеркивая стремление США сохранить лидерство в области искусственного интеллекта.

Развитие технологической сферы и рост рынка ИИ ведет к расширению предложения на рынке труда. Тем не менее, Рон Хайра развеивает и проясняет некоторые мифы о нехватке STEM-специалистов в США, которые, по его мнению, не имеют достаточного статистического обоснования [17]. Рынок труда испытывает дисбаланс, поскольку выпускники STEM-специальностей не всегда находят работу по своей профессии, а в некоторых STEM-сферах наблюдается перепроизводство специалистов, при этом высокая квалификация не всегда гарантирует стабильное трудоустройство, особенно в условиях глобальной конкуренции. По мнению властей США, активный наплыв иностранных специалистов создает уязвимости в критически важных отраслях, таких как национальная оборона и информационные технологии. Это создает угрозы для технологического суверенитета США.

По данным официальной переписи населения в США в 2020 г., индийцы (*англ. Asian Indians*) являются самой большой этнической группой среди всех мигрантов из Азии (и после мигрантов из Мексики), проживающей на территории Соединенных Штатов и исчисляющей 4 397 737 человек³⁷. По мере того, как набирали популярность политические заявления об ужесточении миграционной политики и защите американских рабочих, с 2023 г. неуклонно росло количество онлайн-высказываний, направленных против американцев азиатского, особенно южноазиатского, происхождения. По данным организации Stop AAPI Hate, в январе 2025 г. зафиксировано наибольшее количество оскорблений в адрес азиатов в интернете за месяц с момента начала мониторинга в августе 2022 г.: в общей сложности 87 945 оскорблений. После

³⁶ Трамп объявил о крупнейшем ИИ-проекте в истории на \$500 млрд // БКС Экспресс. 22.01.2025. URL: <https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/tramp-obiciavil-o-krupneishem-ii-proekte-v-istorii-na-500-mlrd> (дата обращения: 30.01.2025).

³⁷ Detailed Races and Ethnicities in the United States and Puerto Rico: 2020 Census // United States Census Bureau. 21.09.2023. URL: <https://www.census.gov/library/visualizations/interactive/detailed-race-ethnicities-2020-census.html> (дата обращения: 24.01.2025).

выборов количество оскорблений увеличилось на 66 %³⁸. Это является ярким примером того, как протекционистские меры и риторика приверженцев экономического национализма может привести к разжиганию очагов межнациональной ненависти и приобрести шовинистский уклон.

По состоянию на 2022 г. в США в сфере науки, технологий, инженерии и математики (STEM) было занято около 10,4 млн человек³⁹. В эту группу входят специалисты в таких областях, как ИТ-поддержка, сетевая инженерия, разработка программного обеспечения и наука о данных, и их численность составляет около 5,6 млн человек⁴⁰. Это указывает на то, что значительная часть рабочей силы в США занята в сферах, связанных с компьютерами, что отражает растущую важность технологий в различных секторах экономики. С большой долей вероятности технологические профессии будут развиваться быстрее, чем средние показатели по другим отраслям экономики в ближайшие годы. Это свидетельствует о важности технологической индустрии для экономики США и глобального рынка труда.

Наряду с этим, не стоит оставлять без внимания и меры, которые вторая администрация Трампа может предпринять для сохранения лидерства США в области ИИ перед лицом усиливающейся конкуренции со стороны Китая. Одной из ключевых инициатив является ограничение экспорта передовых технологий в Китай, что должно замедлить развитие китайских «ИИ-способностей» и снизить риски утечки технологий⁴¹. Параллельно США стремятся развивать внутренние производственные мощности для создания полупроводников, что уменьшит зависимость от азиатских поставщиков и повысит безопасность цепочек поставок. Повышенный интерес оказывается сотрудничеству с союзниками, которые могут помочь в противодействии технологическим амбициям Китая, а также защите интеллектуальной собственности. Для укрепления лидерства в сфере ИИ предлагается увеличить государственные и частные инвестиции в исследования и разработки. Кроме того, важной задачей является обеспечение свободного обмена данными внутри страны и с доверенными партнерами, так как доступ к большим объемам данных является ключевым фактором для развития технологий искусственного

³⁸ Anti-Asian online hate in US saw 'alarming surge' after election, report says // Reuters. 20.02.2025 URL: <https://www.reuters.com/world/us/anti-asian-online-hate-us-saw-alarming-surge-after-election-report-says-2025-02-20/> (дата обращения: 23.02.2025).

³⁹ *Beckhusen J.* Occupations in Information Technology // United States Census Bureau. August 2016. URL: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2016/acs/acs-35.pdf> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴⁰ Computer, engineering, & science occupations // Data USA. URL: <https://datausa.io/profile/soc/computer-engineering-science-occupations> (дата обращения: 25.01.2025).

⁴¹ *Amodei D., Pottinger M.* Trump Can Keep America's AI Advantage // The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/opinion/trump-can-keep-americas-ai-advantage-china-chips-data-cccde91> (дата обращения: 30.01.2025).

интеллекта. В основном все эти шаги направлены на укрепление позиций США в глобальной технологической гонке и предотвращение доминирования Китая в критически важных технологических нишах⁴².

Раскол по всем фронтам: как Д. Трамп тестирует единство Республиканской партии

Значимыми являются истоки происходящего раскола и его долговременные последствия. Так, в статье, опубликованной в «The Wall Street Journal» в январе 2025 г., рассматривается отстранение конгрессмена Майка Тёрнера от должности председателя Комитета по разведке Палаты представителей спикером Майком Джонсоном. Это решение, по словам Тёрнера, было обусловлено «опасениями из Мар-а-Лаго», резиденции Дональда Трампа⁴³. Данное событие подчеркивает продолжающееся влияние Трампа на Республиканскую партию и ее лидеров. Отстранение Тёрнера, известного своей независимой позицией и критикой некоторых аспектов политики Трампа, может свидетельствовать о стремлении усилить контроль над ключевыми комитетами Конгресса. Назначение на пост председателя Комитета по разведке нового лица, лояльного к Трампу, может изменить направление работы комитета, включая надзор за разведывательными службами. Это также может усилить разногласия внутри Республиканской партии между традиционными консерваторами и сторонниками Трампа. В целом, отстранение Майка Тёрнера с поста председателя Комитета по разведке Палаты представителей отражает сложную динамику внутри Республиканской партии и подчеркивает значительное влияние Трампа на ее политику и принятие решений, особенно учитывая двоякую позицию Трампа по некоторым вопросам, в частности, балансирование между поддержкой технологий и своими иммиграционными обещаниями.

Во время своего первого президентского срока он критиковал программу виз H-1B, называя ее «нечестной» по отношению к американским работникам, и инициировал изменения в рамках политики «Нанимай американцев», чтобы визы выдавались наиболее высокооплачиваемым и квалифицированным кандидатам. А иммиграционная политика Трампа традиционно сосредотачивалась на борьбе с нелегальной миграцией, что было ключевым пунктом его предвыборной кампании. Вместе с тем в новых реалиях Трамп выразил поддержку визам H-1B, заявив, что всегда был сторонником их использования для привлечения квалифицированных иностранных работников в США. Несмотря на публичную критику, Трамп признал, что сам использовал работников по визам H-1B на своих объектах

⁴² *Amodei D., Pottinger M.* Trump Can Keep America's AI Advantage // The Wall Street Journal. URL: <https://www.wsj.com/opinion/trump-can-keep-americas-ai-advantage-china-chips-data-eccdce91> (дата обращения: 30.01.2025).

⁴³ *MAGA Cashiers a Check on Tulsi Gabbard as DNI* // The Wall Street Journal. 16.01.2025. URL: <https://www.wsj.com/opinion/mike-turner-ousted-house-intelligence-committee-mike-johnson-donald-trump-house-gop-1363d4ef> (дата обращения: 30.01.2025).

и считает эту программу «отличной», не уточняя, планирует ли он изменять квоты или правила для этих виз⁴⁴. При этом возможным решением дилеммы частично может стать внедрение так называемых «золотых карт» для иностранцев, инвестирующих в американскую экономику на сумму от 5 млн долл.⁴⁵

С момента инаугурации Трампа республиканцы поддерживали практически каждую инициативу своего лидера, всеми силами стараясь защищать его от нападков со стороны Демократической партии США. Однако предложение американского президента контролировать Газу в будущем вызвало разногласия в Республиканской партии.

Давний сторонник Трампа Стив Бэннон отметил: «Мы любим президента, но в центре нашего внимания в “Военной комнате” находится Восточная Палестина, а не Палестина» («...but our focus in the War Room is East Palestine, not Palestine»). Он имел в виду свой подкаст «Военная комната» (*англ. War Room*) и город в Огайо (*англ. East Palestine*), который был разрушен в результате крушения поезда с опасными отходами в 2023 г. Сенатор-республиканец от Южной Каролины и еще один союзник Трампа Линдси Грэм заявил, что все его коллеги по Сенату выступают против отправки войск в Газу⁴⁶. Другой сторонник Трампа, по свидетельству издания «The Hill», на вопрос о том, кто несет ответственность за восстановление Газы, заявил, что реакция большинства американцев: «Это не наше дело»⁴⁷. Такое фокусирование на внутренних проблемах США позволяет говорить о приоритизации традиционалистами вопросов национальной безопасности, в том числе и для создания благоприятного имиджа у электората.

Однако проблема заключается в том, что предложение Трампа противоречит усилиям Республиканской партии по сокращению военных расходов. Такие заявления могут вызывать саботаж в министерствах и ведомствах США. Можно заметить интересные параллели между разногласиями по миграционной политике и конфликтом изоляционистов с интервенционистами. MAGA-националисты делают акцент на «Америка превыше всего» и стремятся минимизировать военные расходы за рубежом. Традиционные «ястребы» исторически поддерживали американское военное присутствие, но в данном случае осторожно дистанцируются от инициативы Трампа. В обоих случаях — и в вопросе H-1B, и в ситуации с Газой — MAGA-фракция выступает против действий, которые, по их мнению, противоречат интересам американцев.

⁴⁴ Levine J. Trump supports immigration visas backed by Musk: ‘I have many H-1B visas on my properties’ // New York Post. 28.12.2024. URL: <https://nypost.com/2024/12/28/us-news/donald-trump-backs-h-1b-visa-program-supported-by-elon-musk/> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴⁵ США начнут продавать «золотые» ВНЖ за \$5 млн // РБК. 26.02.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/02/2025/67be66419a7947957eccf506> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴⁶ Trump doubles down on Gaza takeover proposal despite bipartisan opposition // The Guardian. 06.02.2025. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2025/feb/06/donald-trump-gaza-takeover-opposition> (дата обращения: 25.10.2025).

⁴⁷ Там же.

Технократическая реакция против экономического национализма: внутрипартийный раскол в США по вопросу высококвалифицированной миграции

Развитие событий во внутренней политике США после прихода второй администрации к власти значительно повлияли на программу H-1B и потенциал для проецирования технологического суверенитета страны. Программа H-1B стала предметом споров в политических кругах, этот внутренний конфликт привел к неопределенности в политике и дискуссиям о возможных реформах, включая сокращение количества выдаваемых виз или введение более строгих требований.

В декабре 2024 г. Министерство внутренней безопасности (*англ. Department of Homeland Security, DHS*) представило окончательное постановление, направленное на модернизацию программы H-1B⁴⁸. Это постановление, вступившее в силу 17 января 2025 г., направлено на оптимизацию процесса утверждения, повышение гибкости работодателей в удержании квалифицированных иностранных работников, а также на укрепление целостности программы и усиление контроля над ней. Изменения призваны привести программу H-1B в соответствие с современными потребностями в рабочей силе, что потенциально укрепит технологический сектор США за счет упрощения трудоустройства специалистов.

Здесь также стоит обратить внимание на Департамент эффективности государственного управления (DOGE) — временную организацию, созданную Трампом 20 января 2025 г. — с основной целью оптимизировать деятельность федеральных ведомств, сократить их расточительные расходы и модернизировать правительственные технологии для повышения эффективности и продуктивности. В то время руководить реализацией этих инициатив был назначен Илон Маск, который поделился своим опытом в технологической сфере с федеральным правительством. Несмотря на значительную экономию средств, методы и фактическое влияние инициатив DOGE стали предметом споров и судебных разбирательств, а общий внутривнутриполитический климат в США начал напоминать некий аналог «перестройки».

При этом агрессивное сокращение штата федеральных агентств, проводимое DOGE, может косвенно повлиять на реализацию программы H-1B. Если сокращение штата затронет такие агентства, как Миграционная служба США (*англ. United States Citizenship and Immigration Services, USCIS*), это может привести к увеличению сроков рассмотрения заявлений и их накоплению, из-за чего компаниям будет сложнее привлекать иностранных специалистов. Однако, если инициативы Трампа и его сторонников по визам

⁴⁸ Modernizing H-1B Requirements, Providing Flexibility in the F-1 Program, and Program Improvements Affecting Other Nonimmigrant Workers // Federal Register. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2024/12/18/2024-29354/modernizing-h-1b-requirements-providing-flexibility-in-the-f-1-program-and-program-improvements> (дата обращения: 25.10.2025).

принесут ожидаемых результаты, процесс выдачи виз может быть оптимизирован, что потенциально принесет пользу заявителям на получение визы за счет сокращения бюрократических проволочек. Илон Маск активно выступает за квалифицированную иммиграцию в США, учитывая его позиции в бизнес-сообществе США, бывшее лидерство в DOGE, вполне возможно, что он может повлиять на будущее программы H-1B для высококвалифицированных работников в областях STEM, несмотря на контрастирующее мнение сторонников MAGA. Это обстоятельство создает политический конфликт среди сторонников Д. Трампа, который приводит к достаточно противоречивой политике в отношении H-1B.

Рассуждения об иммиграционной политике демонстрируют разрыв между движением MAGA (склоняющемуся к экономическому национализму и ограничению иммиграции) и республиканцами, поддерживающими технологии (выступающими за квалифицированную иммиграцию и дерегулирование), который представляет собой фундаментальную проблему для платформы Республиканской партии. Примечательно, как ключевые принципы, закрепленные в уставе партии⁴⁹, согласуются — или противоречат — наметившемуся внутривнутриполитическому вектору второй администрации Трампа. Экономическое развитие и свободные рынки означают поощрение бизнес-инноваций и сокращение государственного вмешательства. Акцентирование же на возвращении доступности «американской мечты» через рост благосостояния граждан и противодействие политике, которая вытесняет американских рабочих иностранной рабочей силой, свидетельствует о необходимости ужесточения иммиграционного контроля (о чем говорит громкий заголовок главы 2 платформы о закрытии границ и приостановке вторжения мигрантов)⁵⁰. И хотя движение MAGA поддерживает сокращение бюрократии (что соответствует целям DOGE), оно также выступает за более активное вмешательство государства в такие отрасли как производство для защиты американских рабочих мест. Повышение эффективности DOGE в начале второго президентства Д. Трампа согласуется с экономической политикой республиканцев, но его усилия по сокращению рабочей силы могут иметь неблагоприятные последствия. Влияние И. Маска бросает вызов ортодоксальности MAGA, настаивая на проведении политики в интересах бизнеса и квалифицированной иммиграции. Таким образом, в современных реалиях протекционизм и популизм идут рука об руку в действиях республиканцев. Однако углубляясь в структуру их идеологических ориентаций и интересов, можно выделить несколько фракций (табл. 2).

⁴⁹ 2024 Republican Party Platform // The American Presidency Project. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2024-republican-party-platform> (дата обращения: 25.10.2025).

⁵⁰ Там же.

Фракции в Республиканской партии и их позиции по визам H-1B, иммиграции и экономической политике

Фракция	Ключевые фигуры	Технологическая политика	Позиция по программе H-1B	Позиция по действиям DOGE
MAGA-националисты	Дональд Трамп, Джей Ди Вэнс, Стивен Миллер, Джош Хоули, Том Коттон	Поддерживают антимонопольное регулирование Big Tech. Считают, что крупные IT-компании работают против интересов консерваторов. Продвигают государственные инвестиции в производство и критически важные отрасли	Выступают против программы H-1B, считая, что она снижает зарплаты американских рабочих и заменяет их дешевыми иностранными специалистами. Требуют жестких ограничений и проверок	Выступают за радикальное сокращение бюрократии, но требуют сохранения жесткого контроля за иммиграцией. Поддерживают реформу административного аппарата, но не в ущерб государственному регулированию экономики
Либертарианцы-технократы	Илон Маск, Питер Тиль, Вивек Рамасвами, Рэнд Пол	Отстаивают свободный рынок и минимальное вмешательство государства. Считают, что США должны ускорять инновации и поддерживать глобальную конкуренцию. Против антимонопольного давления на Big Tech	Активно поддерживают H-1B как инструмент привлечения мировых талантов. Выступают за упрощение визового процесса, особенно для STEM-специалистов. Против жестких квот и ограничений	Хотят радикально сократить бюрократию. Поддерживают автоматизацию и устранение регулирующих барьеров. DOGE рассматривают как инструмент для полной трансформации госаппарата
Бизнес-консерваторы	Митч Макконнелл, Майк Пенс, Торговая палата США	Фаворизируют стабильность бизнеса и умеренное регулирование. Против резкого усиления государственного контроля, но также не хотят жестких антимонопольных мер против IT-гигантов	Выступают за умеренную поддержку H-1B, но требуют механизмы контроля, предотвращающие злоупотребления. Поддерживают программу как способ заполнения дефицита квалифицированных кадров	Осторожны в реформах бюрократии. Считают, что реформы должны быть взвешенными, чтобы не нарушить работу государственных институтов. Поддерживают умеренные сокращения
Консерваторы в сфере национальной безопасности («hawkish right»)	Марко Рубио, Линдси Грэм	Считают, что государство должно инвестировать в оборонные технологии. Поддерживают субсидии на разработку ИИ, полупроводников и кибербезопасности. Критично относятся к сотрудничеству Big Tech с Китаем	Поддерживают H-1B, но с ограничениями. Одобряют привлечение ученых и инженеров, но выступают против выдачи виз специалистам из Китая, России и других потенциально враждебных стран. Требуют жесткой проверки заявителей	Выступают за реформу бюрократии, но требуют адекватного финансирования силовых структур. Поддерживают DOGE, если это не ослабляет обороноспособность страны

Источник: составлено А.С. Дербеневым.

Например, националисты-консерваторы MAGA, поддерживающие сокращение бюрократии, но только в том случае, если это не ослабит государственный контроль над иммиграцией и промышленностью. Позиция Маска, выступающего за Н-1В, является прямым вызовом их видению ограничения иностранной рабочей силы. Это создает напряженность между фракциями, выступающими за глобализацию свободного рынка, и теми, кто отдает предпочтение экономическому национализму.

Разумеется, этот внутренний раскол в Республиканской партии не выглядит фатальным, однако при ближайшем рассмотрении обнажает важные противоречия в лагере Трампа, которые могут быть использованы как внутриполитическими оппонентами, так и внешнеполитическими силами для смещения фокуса внимания американской администрации. В долгосрочной перспективе это может повлиять не только на политику Н-1В, но и на более масштабные миграционные и экономические реформы в ближайшие четыре года.

Исход этих политических дебатов имеет значительные последствия для технологического суверенитета США. Сторонники программы Н-1В утверждают, что она необходима для сохранения конкурентоспособности страны в области технологий и инноваций за счет восполнения критически важных пробелов в навыках. Критики, напротив, утверждают, что чрезмерная зависимость от иностранных специалистов может ослабить внутренний потенциал и сделать США более уязвимыми к колебаниям на мировом рынке⁵¹. Направление будущей политики, вероятно, повлияет на баланс между использованием мирового опыта и развитием местных талантов в технологической отрасли.

Заключение

Политические группировки в США по-разному смотрят на пути развития технологий ИИ, политику привлечения кадров. Однако практически все политические силы заинтересованы использовать передовые технологии и инновации. Немалые финансовые вливания в развитие ИИ, о которых объявила вторая администрация Трампа, свидетельствуют о том, что руководство страны ожидает высокую отдачу от технологических проектов для национальной экономики. Для реализации инициатив потребуется не один и даже не два десятка высокоспециализированных специалистов, что свидетельствует о хороших возможностях трудоустройства в США. Приверженцы MAGA акцентируют свое внимание на традиционных ценностях и патриотизме, а также выступают с критикой крупных технологических корпораций, поскольку последние полагают, что для США очень важно развивать

⁵¹ *Hackman M.* Trump Has Made America More Hostile to Immigrants. He Isn't Done Yet // *The Wall Street Journal*. 03.02.2025. URL: <https://www.wsj.com/politics/policy/trump-has-made-america-more-hostile-to-immigrants-he-isnt-done-yet-24a55269> (дата обращения: 25.10.2025).

либерализм, всякого рода разнообразие, привлекать в страну высококвалифицированную иностранную рабочую силу. Это создает благоприятную почву для культурного раскола, так как сторонники MAGA полагают, что технократы оторваны от «традиционной Америки».

Немаловажным фактором остается и то, что технологические корпорации нередко подвергаются критике за их влияние на СМИ, обвиняя в проведении цензуры и предвзятом отношении к тем или иным событиям в жизни страны, что сторонники MAGA используют для сплочения своего электората. Кроме того, адепты MAGA беспокоятся о недостаточно продуманном подходе в стране к перераспределению богатства и поддержке рабочего класса США. Они критикуют безмерный рост бизнесов Кремниевой долины, увеличение имущественного расслоения.

Вашингтон в целом и соратники Трампа в частности осознают, что страна должна быть мировым лидером в области искусственного интеллекта, что необходимо для сохранения национальной безопасности, укрепления экономики. ИИ постепенно становится мощной стратегической технологией XXI столетия. ИИ, разрабатываемый ведущими корпорациями мира, вероятно, будет способен решать немалое количество задач в большинстве областей науки и техники. ИИ используется для решения сложных задач, на выполнение которых у людей ушли бы много часов, месяцев, а именно: разработка нового оружия, создание лекарств для лечения заболеваний. Государства, которые первыми создадут передовые системы ИИ, получат стратегическое преимущество по его использованию. Окружение Трампа, сотрудники новой администрации президента США предпринимают шаги, чтобы США и их союзники возглавили передовые разработки этой технологии.

Если им это удастся, это может привести к прорывам в самых разных отраслях: военной сфере, медицине, энергетике, экономике и т.д., а также расширить американские военные возможности. Китай может превзойти США в развитии ИИ, у Российской Федерации также есть собственные конкурентные разработки. США испытывают психологическую потребность: для них крайне важно, чтобы демократические общества Запада с их ценностями, верховенством закона и т.п. устанавливали нормы и правила, в соответствии с которыми используется ИИ. В американском сознании невозможно допустить, чтобы «недемократические» (в их интерпретации) правительства вырвались вперед в гонке за доминированием в области ИИ. Все это может иметь долговременные последствия для экономики США, рынка труда, развития компетенций внутри страны, укрепляя ее позиции в качестве мирового технологического лидера.

Список литературы

1. Толкачев С.А. Промышленная политика и рещоринг: байденомика сменяет трапономику // США & Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 21–38. <https://doi.org/10.31857/S2686673022010023> EDN: IWTCWV

2. *Меньшикова А.М.* Экономика в системе национальной безопасности США // США & Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 10. С. 14–24. <https://doi.org/10.31857/S2686673023100024> EDN: PAVNYU
3. *Никольская Г.К.* Модель реализации американской иммиграционной политики в XXI веке // Международная экономика. 2022. № 7. С. 522–533. <https://doi.org/10.33920/vnc-04-2207-05> EDN: NVOYQP
4. *Петровская Н.Е.* Трудовая миграция в США // Экономика и предпринимательство. 2022. № 10 (147). С. 61–70. <https://doi.org/10.34925/EIP.2022.147.10.008> EDN: DEWSFP
5. *Тоганян А.С., Кеворкова Ж.А., Чирков А.В.* Миграционные процессы и регулирование трудовой миграции в интеграционных объединениях на примере ЮСМКА (НАФТА) // Экономические науки. 2023. № 223. С. 488–493. <https://doi.org/10.14451/1.223.488> EDN: KBFFPN
6. *Сытник А.* Трампин Трампа — 2024: постлиберальная повестка и технологические корпорации // Россия в глобальной политике. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tramplin-trampa-sytnik/> Дата обращения: 20.10.2025.
7. *Прошина В.И.* Применение искусственного интеллекта в разведке США // Восток — Запад: история и современность: Ежегодник. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2023. С. 329–336. https://doi.org/10.48344/9785833104750_329 EDN: MLOHUI
8. *Селянин Я.В.* Приоритеты госфинансирования и перспективы развития отрасли искусственного интеллекта в США // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 3. С. 65–93. <https://doi.org/10.20542/afj-2021-3-65-93> EDN: OMSGHW
9. *Выходец Р.С.* Стратегия США и Канады в области искусственного интеллекта // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 7. С. 110–122. <https://doi.org/10.31857/S2686673022070094> EDN: GTLHJS
10. *Савин Л.В.* Война и искусственный интеллект. Видение США // Информационные войны. 2020. № 4 (56). С. 38–47. EDN: OZXBVF
11. *Цветкова Н.А., Сытник А.Н.* Цифровая дипломатия и дипломатия данных в практике международных отношений // Цифровые международные отношения : в 2 томах. Т. 1 / под ред. Е.С. Зиновьевой, С.В. Шитькова. М. : Аспект Пресс, 2023. С. 137–164. EDN: KGVKEA
12. *Crandall E.K., Brown R.H., McMahon J.* Magicians of the twenty-first century: enchantment, domination, and the politics of work in Silicon Valley // Theory & Event. 2021. Vol. 24. № 3. P. 841–873. <https://doi.org/10.1353/tae.2021.0045> EDN: FSJXDW
13. *Weiner M.* Ethics, national sovereignty and the control of immigration // The International Migration Review. 1996. Vol. 30. № 1. P. 171–197. <https://doi.org/10.2307/2547466> EDN: HIDWJF
14. *Cory N.* China and the United States: digital protectionism vs. digital free trade // Perspectives on the Global Economic Order in 2019: A U.S.-China Essay Collection. Washington, DC : Center for Strategic and International Studies (CSIS), 2019. P. 40–43.
15. *Fuchs C.* Karl Marx in the age of Big Data capitalism // Digital Objects, Digital Subjects: Interdisciplinary Perspectives on Capitalism, Labour and Politics in the Age of Big Data / ed. by C. Fuchs, D. Chandler. London : University of Westminster Press, 2019. P. 53–72.
16. *Kumar S.* The digital frontier: infrastructures of control on the global Web. Bloomington : Indiana University Press, 2021.
17. *Hira R.* Is There Really a STEM Workforce Shortage? // Issues in Science and Technology. 2022. Vol. 38. No. 4. P. 31–35.

Информация об авторе:

Дербенев Андрей Сергеевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела внешнеполитических исследований, Институт Соединенных Штатов Америки и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук, Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3, e-mail: istfak_x_chelovek@mail.ru ORCID: 0000-0003-0355-5100. SPIN-код: 9419-4787.



DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-44-58

EDN: PEKHRA

Научная статья / Research article

Историческая политика в межпартийной борьбе в современной Индии: трансформация образа Индиры Ганди в 2014–2019 гг.

М.С. Анташева 

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

✉ msantasheva@hse.ru

Аннотация. Восприятие ключевых лидеров новейшей истории Индии и его трансформация в современной политической среде является значимым элементом политической борьбы между двумя крупнейшими партиями страны — Индийским национальным конгрессом (ИНК) и Бхаратия джаната парти (БДП). С приходом к власти БДП последовательно проводит стратегию исторического ревизионизма, направленную на пересмотр устоявшихся нарративов о лидерах ИНК. С использованием цифровых методов анализа больших данных, включая сентимент-анализ текстов из крупнейших индийских англоязычных СМИ за период 2014–2019 гг. изучалась трансформация образа Индиры Ганди. Гипотеза исследования заключается в том, что критический дискурс в отношении Индиры Ганди возрастает с приходом БДП к власти, а активизация критики приходится на предвыборные периоды, когда исторические фигуры используются в качестве инструмента политической борьбы. Метод сентимент-анализа позволил определить периоды наибольшей критики Индиры Ганди, связанные с юбилейными датами и предвыборными кампаниями. Результаты исследования показали практически симметричное распределение позитивного и негативного сентимента, что свидетельствует о поляризации мнений относительно исторического наследия лидеров ИНК среди индийских интеллектуальных элит — основных читателей анализируемых англоязычных СМИ. Результаты анализа медиадискурса оказались созвучны итогам парламентских выборов 2024 г., когда БДП столкнулась с серьезным сопротивлением оппозиции, получив меньшее количество мест, чем ожидалось. Исследование подтверждает эффективность использования цифровых методов для анализа политических процессов и демонстрирует, что историческая политика становится ключевой сферой современной политической борьбы в Индии.

Ключевые слова: Нарендра Моди, индусский национализм, Индийский национальный конгресс, Бхаратия джаната парти, большие данные

© Анташева М.С., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию: 30.04.2025; принята к публикации 03.11.2025.

Для цитирования: Анташева М.С. Историческая политика в межпартийной борьбе в современной Индии: трансформация образа Индиры Ганди в 2014–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 44–58. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-44-58> EDN: PEKHRA

The use of historical politics in interparty competition in contemporary India: the transformation of Indira Gandhi image in 2014–2019

Mariia S. Antasheva 

National Research University “Higher School of Economics”, *Moscow, Russian Federation*

✉ msantasheva@hse.ru

Abstract. The perception of key leaders in Indian modern history and its transformation within the contemporary political landscape constitutes a significant element of the political struggle between the country’s two major parties — the Indian National Congress (INC) and the Bharatiya Janata Party (BJP). Since coming to power, the BJP has consistently pursued a strategy of historical revisionism aimed at reassessing established narratives about INC leaders. This study focuses on examining the transformation of Indira Gandhi’s public image using digital big data analysis methods, including sentiment analysis of texts from major Indian English-language media sources from 2014 to 2019. The research hypothesis states that critical discourse concerning Indira Gandhi intensified following the BJP’s rise to power, with a particular surge in criticism during election periods, when historical figures are instrumentalized as tools of political contention. The application of sentiment analysis enabled the identification of periods of peak criticism of Indira Gandhi, which correlated with anniversary dates and election campaigns. The findings revealed an almost symmetrical distribution of positive and negative sentiment, indicating a polarization of views among Indian intellectual elites, who constitute the primary readership of the analyzed English-language media. The results of the media discourse analysis aligned with the outcomes of the 2024 parliamentary elections when BJP encountered substantial opposition resistance and got fewer Lok Sabha seats than expected. This study confirms the efficacy of digital methods for analyzing political processes and demonstrates that historical politics has become a key arena of contemporary political contestation in India.

Keywords: Narendra Modi, Hindu Nationalism, Historical Policy, Indian National Congress, Bharatiya Janata Party, Big Data

Funding. The article was prepared within the framework of the Basic Research Program of the HSE University.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 30.04.2025; accepted 03.11.2025.

For citation: Antasheva MS. The use of historical politics in interparty competition in contemporary India: The transformation of Indira Gandhi image in 2014–2019. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):44–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-44-58> EDN: PEKHRA

Введение

Трансформация восприятия ключевых фигур новейшей истории Индии на современной политической арене страны — актуальная проблема, исследование которой проливает свет не только на взаимоотношения между крупнейшими политическими партиями страны — Индийским национальным конгрессом (ИНК) и Бхаратия джаната парти (БДП), — но и на общую социально-политическую повестку в стране. Знаковые исторические события и образы становятся предметом споров и разногласий в трактовках, берущих корни в исторической политике партий и политических блоков, а история становится орудием в предвыборной гонке.

Особую роль в контексте актуальной исторической политики БДП (в переводе на русский — «Индийской народной партии») играет критика лидеров ИНК периода после обретения страной независимости. Наиболее активной эта критика становится в преддверии выборов, когда БДП, используя способ негативного позиционирования соперника, пытается обеспечить себе больший процент электората.

Данный процесс базируется на ряде теоретических подходов. Так, американские политологи Р.Р. Лау и И.Б. Ровнер [1] определяют теорию негативных предвыборных кампаний как стратегическое использование атак против политических оппонентов вместо самопродвижения в ходе избирательных кампаний. Негативная агитация включает персональные нападки и критику политического курса, чаще всего применяемые кандидатами, находящимися под электоральной угрозой или стремящимися переключить внимание с собственных уязвимостей [1. С. 286]. Авторы теории подчеркивают, что подобные стратегии особенно распространены в конкурентных выборах с высоким вниманием СМИ и небольшим разрывом между кандидатами.

Пример соперничества между БДП и ИНК в современной Индии демонстрирует активное применение стратегий негативных предвыборных кампаний, что подтверждает актуальность подхода Лау и Ровнера. Один из ключевых элементов предвыборной кампании «Индийской народной партии» — дискредитация лидеров оппозиции. БДП систематически формирует нарратив о некомпетентности руководства ИНК, акцентируя внимание на ошибках прежних лидеров партии. Религиозный и националистический дискурс также играют важную роль в политической агитации, особенно в поляризованной политической среде Индии: БДП активно использует риторику,

направленную на мобилизацию индуcского электората, обвиняя ИНК в «политике умиротворения» мусульман. Таким образом, использование теории негативных кампаний в контексте индийской политики подтверждается эмпирическими данными, свидетельствующими о систематической дискредитации лидеров прошлого и о поляризационной риторике.

В целях определения того, как БДП использует инструменты исторической политики, критикуя лидеров ИНК, в исследовании применен количественный метод анализа больших текстовых данных из крупнейших индийских англоязычных СМИ. Данная методология позволяет охватить широкий объем данных и оценить настроения индийских элит, являющихся основной группой читателей текстов, привлеченных нами в качестве источников количественного анализа. Расстановка сил, представленная в медиа при обсуждении острых вопросов недавнего прошлого Индии, отражает разделение взглядов элит, которые можно проследить на результатах всеобщих выборов 2024 г. Вопросы, связанные с деятельностью представителей семьи Неру-Ганди, вызывают острую полемику в СМИ и становятся той лакмусовой бумагой, где разделение элит по вопросам истории близко к реальным цифрам голосования на выборах: при планах Нарендры Моди получить 370 мест в нижней палате парламента Индии (Лок Сабхе) на БДП и более 400 мест на весь Национально-демократический альянс (НДА)¹, реальный исход оказался иным, и оппозиция в лице ведомого ИНК альянса INDIA (Indian National Developmental Inclusive Alliance) оказала серьезную конкуренцию, получив 234 места в Лок Сабхе против 293 полученных НДА мест².

К проблеме влияния индуcского национализма на межпартийную борьбу в современной Индии обращаются разные исследователи. Так, политологи П.Б. Мехта и К. Жаффрело в своих трудах рассматривают антиконгрессистскую риторику БДП, обвиняющей ИНК в «псевдосекуляризме» и потворстве меньшинствам, что ведет к пересмотру секулярного наследия Неру и переопределению индийской национальной идентичности через индуcский национализм [2; 3]. Напротив, саму БДП, как подчеркивает Хатидже Челик, оппозиция критикует за ущемление прав религиозных меньшинств, например, за отмену статьи 370 Конституции Индии, предусматривавшей автономию населенного преимущественно мусульманами Джамму и Кашмира [4. С. 107–108]. В то время как данные авторы концентрируются на идеологическом измерении, Т.Б. Ниязи рассматривает медиапространство

¹ *Hebbar N.* BJP alone will get at least 370 seats and NDA will cross the 400-seat mark: PM Modi // *The Hindu*. 06.02.2024. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/2024-general-election-pm-modi-predicts-at-least-370-seats-for-bjp-over-400-for-nda/article67814548.ece> (дата обращения: 04.09.2025).

² *Lok Sabha Election results 2024: India general election results & Assembly Election results* // *Times of India*. 2024. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/elections/results> (дата обращения: 04.09.2025).

как ключевой инструмент «хиндуизации» общественного сознания, уделяя особое внимание роли хиндиязычных СМИ [5]. Что касается англоязычных индийских СМИ и их потенциальных читателей, главным образом представленных индийскими интеллектуальными элитами, вопрос об их составе и трансформации поднимают исследователи Е.В. Круглова, С. Бару, С.В. Величкин и др., отмечая, что аудитория англоязычной прессы в Индии исторически формировалась как продукт колониального наследия и долгое время оставалась ограниченной преимущественно образованными слоями городского населения. Однако за первую четверть XXI в. эта аудитория значительно расширилась и стала более разнородной — как по социальному, так и по региональному признаку [6–8]. В совокупности эти работы показывают, что поступательное укрепление позиций БДП и трансформация характера межпартийной борьбы в Индии напрямую связаны с эволюцией индусского национализма как доминирующего социально-политического дискурса.

Индийские интеллектуальные элиты: кто формирует политическую повестку в стране

Индийские политические элиты составляют ту социальную основу, которая формирует общественный дискурс, разрабатывает стратегические направления государственной политики и задает тон политическому климату в стране. Состав политической и интеллектуальной элиты Индии представляет собой сложную картину. В период длительного политического доминирования ИНК элиты преимущественно состояли из политиков высших каст, идентифицировавших себя как либералов или социалистов [9. С. 117–118], с относительно небольшим числом консервативных или проиндусских публичных интеллектуалов (исключениями стали, например, историк Рамеш Чандра Маджумдар, один из крупнейших исследователей средневековой Индии, и социолог Говинд Садашив Гурье). Однако по мере ослабления политического влияния ИНК состав элит трансформировался, и избранная социально-политическая страта стала охватывать и представителей средних каст, и даже далитов, которые привнесли в общий дискурс собственную политическую повестку³. Сам премьер-министр Нарендра Моди является воплощением этого сдвига, происходя из касты гханчи, традиционно связанной с маслоделием.

Жесткая конкуренция между политическими партиями привела к заметной поляризации элит. Отношение элит к знаковым фигурам индийского прошлого демонстрирует, что внутри политического истеблишмента страны

³ *Wankhede H.S.* Possible revival of Dalit politics today // *The Hindu*. 12.08.2024. URL: <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/possible-revival-of-dalit-politics-today/article68516179.ece> (дата обращения: 04.09.2025).

существует большой диапазон мнений и позиций. В исследовании приводятся взгляды специфического среза общества, представленного интеллектуальными элитами страны. Стоит отметить, что взгляды элит далеко не всегда отражают все общество в целом, однако же, проецируют взгляды деятелей, принимающих стратегические решения в стране. Рассмотрение взглядов, преобладающих на более низовых общественных срезах, требует проведения отдельного исследования. Данные для количественного анализа в рамках настоящего исследования представлены на английском языке; таким образом, социальная выборка включает в себя высокообразованных читателей СМИ, владеющих английским языком и использующих его для общения и получения информации.

Трансформация оценки лидеров ИНК как одно из проявлений реализации исторической политики правительства Н. Моди

С момента прихода к власти в 2014 г. правительство БДП во главе с Нарендрой Моди последовательно проводит политику исторического ревизионизма, направленную на пересмотр долгое время преобладавшего конгрессистского мировоззрения, которое определяло историографию Индии после обретения независимости [10. С. 44]. Ключевым элементом этой политики стала радикальная переоценка роли лидеров ИНК, в особенности представителей династии Неру-Ганди, чье наследие подвергается критике в официальном дискурсе. Эта трансформация выходит за рамки исключительно академического переосмысления: она служит важным инструментом в более широкой политической стратегии БДП, направленной на пересмотр роли ИНК и его наследия и продвижение собственной идеологической платформы — национализма с акцентом на хиндутве [11. С. 248].

На протяжении десятилетий после обретения независимости семья Неру-Ганди занимала доминирующее место в национальном нарративе Индии. Джавахарлал Неру, первый премьер-министр страны (1947–1964 гг.), прославлялся как главный архитектор современной Индии, который утвердил Индию в роли лидера глобального Юга. Его дочь, Индира Ганди, также приобрела имидж сильного лидера как премьер-министр, приведший страну к победе в индийско-пакистанской войне, как автор Зеленой революции и экономических реформ. Этот дискурс, сформированный под влиянием ИНК, закрепил неразрывную связь семьи Неру-Ганди с постколониальной идентичностью Индии и стал ключевым инструментом легитимации власти Конгресса. БДП под руководством Моди подвергает сомнению это наследие, используя разнообразные стратегии: от политической риторики до институциональных реформ и пересмотра образовательных программ.

Современная историческая политика правительства БДП направлена на ослабление значительного влияния семьи Неру-Ганди на современную

Индию и, как следствие, на изменение коллективной памяти страны. С приходом к власти БДП во главе с Моди происходят серьезные тектонические изменения в политической жизни Индии: пересмотр роли семьи Неру-Ганди, продвижение новых национальных героев, переписывание учебников истории [12. С. 6]. Индуизм становится одним из ключевых факторов объединения общества, что идет вразрез с позицией ИНК, представляющей себя как светскую партию [13. С. 33–34].

Критика Индиры Ганди как часть современной индийской повестки

Предвыборные кампании БДП неоднократно затрагивали историческую фигуру Индиры Ганди, премьер-министра страны с 1966 по 1977 г. и с 1980 г. по 1984 г.

Гипотезой исследования стало предположение, что критический дискурс по отношению к Индире Ганди с приходом к власти БДП возрастает, а активизация критики приходится на предвыборные периоды.

Фигура Индиры Ганди является знаковой, так как деятельность премьер-министра стала одной из ключевых точек в политической истории Индии, вокруг которой БДП формирует свои нарративы о прошлом и настоящем страны. Индира Ганди нередко проводила противоречивую политику, которую БДП использует для критики династии Неру-Ганди и всей традиции «конгрессизма» [14. С. 54]. С одной стороны, популярность среди широких масс затрудняет прямую демонизацию Ганди. Однако в своих кампаниях БДП акцентирует внимание на авторитарных аспектах ее правления, в особенности, на введении чрезвычайного положения в 1975–1977 гг., и регулярно использует этот исторический прецедент, противопоставляя «авторитаризм» Конгресса «демократическому» лидерству Моди, несмотря на собственную тенденцию к централизации власти.

Кроме того, Индира Ганди сыграла ключевую роль в формировании индийской светской политики, что БДП интерпретирует как «предательство» про-индусских интересов⁴. Этот нарратив особенно актуализируется в контексте решения Ганди запретить деятельность «Раштрия сваямсевак сангх» (РСС), крупнейшей ультраправой индусской националистической организации. Причиной запрета стала активизация антиправительственной политики РСС во время чрезвычайного положения, а также вмешательство в конфликт в Пенджабе, кульминацией которого стала операция «Голубая звезда» в 1984 г. Упор критики Ганди на данные аспекты нацелен на придание БДП имиджа защитника интересов индусского большинства страны.

⁴ Jawaharlal Nehru and his successors: A legacy of Muslim appeasement // Save Hinduism Save India. 15.02.2025. URL: <https://saveindia108.in/jawaharlal-nehru-and-his-successors-a-legacy-of-muslim-appeasement/> (дата обращения: 04.09.2025).

Несмотря на критику, авторитарный стиль правления Ганди позволяет БДП легитимизировать собственное проявление жесткости в политическом курсе, а самого Нарендру Моди нередко сравнивают с Индирой Ганди за решительность⁵. Так образ Индиры Ганди используется и как мишень для критики политики ИНК, и как пример для оправдания собственных амбиций БДП.

Методология, алгоритм проведения исследования и материалы

Исследование проведено методом сентимент-анализа, который представляет собой процесс анализа текстов на предмет определения их эмоциональной окраски на основе интеллектуальной машинной обработки неструктурированной информации (больших данных). Метод использован для определения отношения современной индийской общественности к личности Индиры Ганди, а также предпринятым ею стратегическим решениям для изучения практического проявления исторической политики Н. Моди, отраженной в СМИ.

При работе с моделью машинного обучения, определяющей тональность текста по документам с помощью системы iFORA (разработка ИСИЭЗ НИУ ВШЭ), определялась эмоциональная оценка текста по предложениям, выраженная в числовом эквиваленте. На основе машинного анализа строятся графики сентимента, значения на которых также коррелируют с частотой упоминаемости анализируемого объекта исследования в массиве текстов. На графике сентимент-анализа представлены позитивные и негативные упоминания Индиры Ганди по месяцам.

На первом этапе исследования отобрали ключевые слова, отражающие тематику исследования и позволяющие отследить упоминаемость Индиры Ганди в прессе: (“Indira Gandhi” OR “Indira Priyadarshini Gandhi”); в качестве слов-маркеров как фильтра для выгрузки релевантных текстов, не содержащих тематические отклонения, были заданы термины [“Indira”, “Indira Gandhi”]. Использованы и стоп-слова для исключения из анализа нерелевантных предложений, которые могли быть ошибочно учтены моделью машинного обучения. Такой набор ключевых слов был разработан для преодоления части методологических ограничений.

В качестве временных рамок для проведения анализа выбран период с 2014 по 2019 г., соответствующий первому сроку нахождения Нарендры Моди на посту премьер-министра страны. В качестве метода расчета сентимента взят средний сентимент за месяц. Выгружено 20 881 релевантных

⁵ Gupta S. Modi's Bharat vs Indira's India: 11-yr report card of politics, diplomacy, economy, nationalism // The Print. 26.07.2025. URL: <https://theprint.in/national-interest/narendra-modi-indira-gandhi-longest-serving-prime-ministers/2702644/> (дата обращения: 04.09.2025).

запросу текстов из индийских англоязычных СМИ, входящих в базу источников системы iFORA. Именно англоязычные медиа задают рамку восприятия политических процессов для индийского общественно-политического истеблишмента, выступая для него основным источником информации. Анализируемые в рамках исследования перечень веб-сайтов СМИ включает такие наименования, как *The Indian Express*, *Hindustan Times*, *Financial Express*, *Firstpost*, *Jagran Josh*.

Крупнейшее из упомянутых СМИ, *Hindustan Times* является флагманским изданием медиакомпания HT Media Limited с ежемесячной аудиторией в 153,8 миллиона читателей⁶. Издающаяся с 1961 г. деловая газета на английском языке *Financial Express* специализируется на освещении национальных и международных экономических новостей и насчитывает порядка 29 миллионов читателей в месяц⁷. Цифровая медиаплатформа, известная всесторонним освещением новостей, политики и бизнеса, *Firstpost* основана в 2011 г. и превратилась в один из ведущих новостных онлайн-ресурсов страны, насчитывает свыше 5 миллионов посещений в месяц⁸. *Jagran Josh* — онлайн-медиа, созданное индийской издательской группой Jagran Prakashan Limited, насчитывает более 38 миллионов активных пользователей в месяц и входит в топ-5 образовательных веб-сайтов страны⁹.

По большей части описанные выше СМИ, взятые в анализ, публикуют контент, охватывающий тематики международных отношений, бизнеса, политики, науки и образования. Читателями данных СМИ являются представители высокообразованной политической элиты в основном либеральной направленности. Именно на страницах этих газет разворачиваются дискуссии, однако, судя по данным количественного анализа, пользователи этой категории СМИ не всегда разделяют взгляды правительства Индии на деятельность лидеров ИНК.

Используемый метод исследования повестки СМИ позволяет сформировать репрезентативную выборку публикаций за счет объема исследуемых текстов, а также оценить эмоциональную окраску новостных сообщений в измеримом, количественном выражении. Тем не менее, при всех своих достоинствах метод также обладает и рядом ограничений. Прежде всего, это относится к ограниченному числу индийских информационных ресурсов,

⁶ hindustantimes.com Website Analysis for April 2025 // Similar Web. URL: <https://www.similarweb.com/website/hindustantimes.com/#overview> (дата обращения: 15.04.2025).

⁷ financialexpress.com Website Analysis for April 2025 // Similar Web. <https://www.similarweb.com/website/financialexpress.com/#overview> (дата обращения: 15.04.2025).

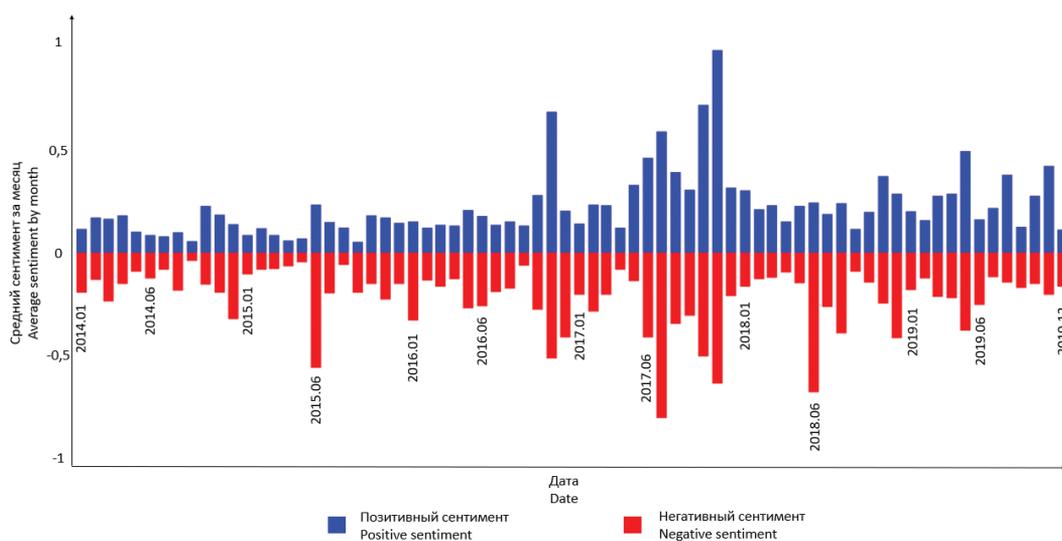
⁸ firstpost.com Website Analysis for September 2025 // Similar Web. https://pro.similarweb.com/#/digitalsuite/websiteanalysis/overview/website-performance/*/999/1m?webSource=Total&key=firtpost.com (дата обращения: 17.10.2025).

⁹ jagranjosh.com Website Analysis for April 2025 // Similar Web. <https://www.similarweb.com/website/jagranjosh.com/competitors/> (дата обращения: 15.04.2025).

с которых собирались данные для проведения исследования. Он обусловлен тем, что не все потенциально подходящие для анализа веб-сайты обладают необходимыми техническими характеристиками, позволяющими собирать с них данные, что сужает перечень источников для проведения анализа.

Результаты исследования

Результатом анализа стал график распределения сентимента по ключевым словам, отражающий отношение части индийского общества, читателей проанализированных англоязычных СМИ к фигуре Индиры Ганди (рис.). Синим цветом на графике обозначен позитивный сентимент, красным цветом — негативный.



Распределение сентимента с упоминанием Индиры Ганди в индийских СМИ по месяцам с 2014 по 2019 г.

Источник: расчеты на основе системы интеллектуального анализа больших данных iFORA (разработчик и правообладатель — ИСИЭЗ НИУ ВШЭ).

Indira Gandhi sentiment analysis in Indian media by month from year 2014 to 2019

Source: calculations based on iFORA big data analysis system (copyright — HSE ISSEK).

Рассмотрим отдельные части повестки, являющиеся примером реакции СМИ на значимые события в жизни Индиры Ганди и отражающие многогранность и неоднозначность взглядов читателей на деятельность премьер-министра.

Наиболее активную реакцию со стороны СМИ вызвал столетний юбилей со дня рождения Индиры Ганди в *ноябре 2017 года*. Так, в центральной части графика мы можем наблюдать всплеск позитивных настроений в адрес премьер-министра. Частые позитивные упоминания

в *октябре 2017 года* и в *ноябре 2016 года* также связаны с юбилейной датой. Независимо от политической конъюнктуры, память «отцов-основателей» современного индийского государства должна чтиться на официальном уровне: в честь Индиры проводятся образовательные мероприятия, выставки и торжественные церемонии.

При этом фигура Индиры Ганди активно подвергается критике. Наиболее серьезные претензии в ее адрес связаны с решением о введении в 1975 г. чрезвычайного положения, что рассматривается как злоупотребление конституционными полномочиями¹⁰. При обращении к графику мы можем видеть пик негативных настроений в отношении Ганди в *июле 2017 года* в связи с выходом болливудского фильма «Инду Саркар» режиссера Мадхура Бхандаркара, рассказывающего историю девушки, которая в рядах диссидентов выступила против чрезвычайного положения в 1975 г. Фильм стал яркой критикой в адрес премьер-министра, изображая Ганди главной «злодейкой», на что ИНК незамедлительно отреагировал, выступив против публичных показов и подав иск в Верховный суд Индии¹¹. Кинокартина стала одним из проявлений продвижения БДП своей исторической политики в массовом сознании: опираясь на впечатления миллионов индийских зрителей, правящая партия пытается закрепить негативный образ Индиры Ганди через массовую культуру [15. С. 56–57].

Жесткая критика в СМИ Индиры Ганди не является безобидной и зачастую приводит к реальным действиям: на волне негатива в адрес премьер-министра, в год 40-летия отмены чрезвычайного положения, *6 июля 2017 года* в городе Мератх (Уттар-Прадеш) осквернен памятник ей. ИНК возложил вину за этот инцидент на БДП¹². Помимо реагирования повестки на юбилей отмены чрезвычайного положения, год 40-летия со дня его введения, *2015 (июнь)*, также отмечается всплеском негативных упоминаний Ганди.

На графике еще один пик негативного отношения к Ганди приходится на *июнь 2018 года*, что совпадает с преддверием всеобщих выборов в парламент, когда критика со стороны БДП в адрес бывшего премьер-министра активизируется. По случаю 43-й годовщины введения И. Ганди чрезвычайного

¹⁰ Das Y.S. How Indira gave BJP a lethal weapon even before it was born // *India Today*. 27.06.2025. URL: <https://www.indiatoday.in/india/story/bjp-simply-loves-indira-gandhi-1975-national-emergency-50-years-narendra-modi-jana-sangh-janata-party-2745961-2025-06-25> (дата обращения: 31.10.2025).

¹¹ Choudhary A.A. SC refuses to stay release of film Indu Sarkar based on emergency era // *The Times of India*. 28.07.2017. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/sc-refuses-to-stay-release-of-film-indu-sarkar-based-on-emergency-era/articleshow/59791761.cms> (дата обращения: 30.04.2025).

¹² BJP supporters damaged Indira Gandhi's statue in Muzaffarnagar: Congress // *Financial Express*. 07.07.2017. URL: <https://www.financialexpress.com/india-news/bjp-supporters-damaged-indira-gandhis-statue-in-muzaffarnagar-congress/754397/> (дата обращения: 30.04.2025).

положения, бывший министр финансов Индии от БДП Арун Джетли опубликовал статью с резким критическим обзором как самого периода чрезвычайного положения, так и других действий Индиры Ганди в области внешней и внутренней политики¹³. Статья Джетли была размещена на сайте БДП, что подчеркивает связь личных взглядов бывшего министра финансов с официальной позицией партии.

Еще одним значимым пунктом критики в отношении Индиры Ганди является проведение операции «Голубая звезда», в повестке вспоминается и последовавшая за убийством Индиры Ганди серия антисикхских погромов, в результате которых погибло более 4000 представителей сикхской общины¹⁴. *Июнь* систематически сопровождается всплесками негатива из-за даты проведения операции «Голубая звезда» в первой половине июня 1984 г. Критические публикации об этой кампании, предпринятой Ганди, рассматривают «Голубую звезду» как фактор, спровоцировавший рост сикхского терроризма. Сикхский вопрос в конечном счете привел к смерти самой Ганди: по графику распределения сентимента можно заметить, что рост упоминаний Индиры Ганди в *октябре* носит циклический характер, поскольку совпадает с месяцем ее убийства в 1984 г.

Анализируя описанные выше всплески позитивных и негативных упоминаний Индиры Ганди в современной индийской прессе, можно сделать ряд выводов. Вне зависимости от года — мы видим единый набор критических аргументов, обращенных к Индире Ганди, на которые делается упор в случае наступления памятной даты. Набор претензий небольшой и повторяется из раза в раз: ошибки в борьбе с сикхским сепаратизмом, введение чрезвычайного положения 25 июня 1975 г., а также в целом авторитарный стиль правления [16. С. 23–27]. Эти вехи в политической карьере Индиры Ганди стали основой для продвижения критических идей в повестке как силами БДП, так и других националистических организаций. Обсуждение ошибок Индиры Ганди активно продвигается в массовую повестку через СМИ и популярную культуру. Таким образом БДП работает с массовой широкой аудиторией, транслируя свои идеи через упрощенные для восприятия популярные форматы.

Исходя из распределения новостных сообщений об Индире Ганди в СМИ, можно сделать вывод, что существенная активность в рамках дискурса о бывшем премьер-министре приходится на периоды,

¹³ *Jaitly A.* The Emergency Revisited — Part-2 (3-Part Series) The Tyranny of Emergency // BJP. 25.06.2018. URL: <https://www.bjp.org/interviews-and-articles/article-emergency-revisited-part-2-3-part-series-tyranny-emergency-union> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁴ *Sonwalkar P.* Operation Bluestar: Sikh group pushes for new probe into UK role // The Hindustan Times. 01.11.2017. URL: <https://www.hindustantimes.com/world-news/operation-bluestar-sikh-group-pushes-for-new-probe-into-uk-role/story-45kwBjUVFvGEAJxjoFHRxM.html> (дата обращения: 13.03.2025).

предшествующие всеобщим выборам в Индии. Образ Индиры Ганди и ее критика становятся инструментом политической борьбы, направленным на подрыв авторитета ИНК и ослабление позиций партии на выборах. На фигуры лидеров прошлого направлено пристальное внимание, а памятные даты используются для критики и переосмысления истории.

Важным результатом контент-анализа явилось то, что позитивные и негативные высказывания в отношении Индиры Ганди распределены относительно симметрично, без явного перевеса. Такой баланс мнений обусловлен нарастающей полярностью взглядов внутри индийского общества, а точнее — внутри целевой аудитории анализируемых СМИ. Таким образом, можно сказать, что критика Индиры Ганди — это не только переосмысление деятельности бывшего премьер-министра со стороны более радикальных правых националистических организаций, но и маркер расстановки сил в политической борьбе между БДП и ИНК, находящей отражение в выборах.

Заключение

В результате пребывания Нарендры Моди у власти хиндутва, или индусский национализм, фактически начинает превращаться в официальную идеологию, сформировавшую имидж Моди как лидера нации и ставшую стержнем его предвыборной кампании.

На основании количественного анализа можно сказать, что взгляды индийцев на хиндутву и навязываемые ею ценности не настолько однородны, как хотелось бы Нарендре Моди, и что в интеллектуально продвинутых слоях общества отсутствует единодушие в поддержке идей БДП в отношении ключевых лидеров ИНК. Стоит отметить, что жесткая конфронтация между двумя партиями присутствует и по множеству других вопросов. Но разногласия при оценке роли лидеров ИНК являются ярким маркером, отражающим расстановку сил и размежевание элит, за мнением которых зачастую следуют остальные слои населения. Именно поэтому результаты сентимент анализа стали своеобразным прогнозом ситуации, сложившейся на последних парламентских выборах, когда альянс во главе с БДП, хотя и получил большинство мест в Лок Сабхе, столкнулся с серьезным сопротивлением оппозиции, сплотившейся вокруг ИНК. Следует отметить эффективность применения метода анализа больших данных для оценки мнения индийского интеллектуального истеблишмента. Результаты анализа также позволяют сделать вывод, что историческая политика становится одной из ключевых сфер политической борьбы в современной Индии и активно используется политическими коалициями для завоевания власти.

Список литературы

1. Lau R.R., Rovner I.B. Negative campaigning // *Annual Review of Political Science*. 2009. Vol. 12. P. 285–306. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.071905.101448>
2. Mehta P.B. Hindu nationalism: From ethnic identity to authoritarian repression // *Studies in Indian Politics*. 2022. Vol. 10. № 1. P. 31–47. <https://doi.org/10.1177/23210230221082828> EDN: IAAFOH
3. Jaffrelot C., Verniers G. A new party system or a new political system? // *Contemporary South Asia*. 2020. Vol. 28. № 2. P. 141–154. <https://doi.org/10.1080/09584935.2020.1765990> EDN: EYMPVY
4. Челик Х. Решение парламента Индии от 5 августа 2019 г. по Кашмиру и его последствия для Южной Азии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12. № 2. С. 99–111. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-2-99-111> EDN: DKGZHZ
5. Neyazi T.A. Cultural imperialism or vernacular modernity? Hindi newspapers in a globalizing India // *Media, Culture & Society*. 2010. Vol. 32. № 6. P. 907–924. <https://doi.org/10.1177/0163443710379664>
6. Круглова Е.В. Некоторые особенности политического лидерства в Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2008. № 3. С. 3–15. EDN: JKGYZZ
7. Baru S. India's power elite: class, caste and a cultural revolution. New Delhi : Penguin Random House India (Viking), 2021. 264 p.
8. Величкин С.В. Внешняя политика Индии как отражение изменений в индийской правящей элите // *Международная аналитика*. 2024. Т. 15. № 1. С. 191–209. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209> EDN: HTEJPI
9. Beri S., Schneickert C. Social structure and globalization of political and economic elites in India // *Transcience*. 2016. Vol. 7. № 1. P. 115–130.
10. Guha R. India after Gandhi: the history of the world's largest democracy. Pan Macmillan, 2007. 952 p.
11. Jaffrelot C. Modi's India: Hindu nationalism and the rise of ethnic democracy. Princeton University Press, 2021. 656 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1dc9jzx>
12. Singh A. The great transition in Indian museums: from NMML to PMML // *The Journal of Indian and Asian Studies*. 2024. Vol. 5. № 2. P. 2440002. <https://doi.org/10.1142/S2717541324400023> EDN: OGDKIW
13. Солодкова О.Л. Рост христианской общины в Индии и хиндутва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2015. № 3. С. 30–39. EDN: ULXYAL
14. Sridharan E. The state of the two major parties: BJP and Congress // *The Troubling State of India's Democracy* / ed. by S. Ganguly, D. Mistree, L. Diamond. University of Michigan Press, 2024. P. 50–62. <https://doi.org/10.3998/mpub.12750150>
15. Глушкова И.П. Индия: медиафеномен «оскорбленных чувств» как политический проект // *Политическая наука*. 2013. № 2. С. 48–80. EDN: QZHTSJ
16. Солодкова О.Л., Анташева М.С. Новая историческая политика и критика Джавахарлала Неру и Индиры Ганди в современной индийской прессе // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 4. С. 20–28. <https://doi.org/10.31857/S032150750017717-0> EDN: ZTWCGJ

References

1. Lau RR, Rovner IB. Negative campaigning. *Annual Review of Political Science*. 2009;12:285–306. <https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.10.071905.101448>
2. Mehta PB. Hindu nationalism: From ethnic identity to authoritarian repression. *Studies in Indian Politics*. 2022;10(1):31–47. <https://doi.org/10.1177/23210230221082828> EDN: IAAFOH

3. Jaffrelot C, Verniers G. A new party system or a new political system? *Contemporary South Asia*. 2020;28(2):141–154. <https://doi.org/10.1080/09584935.2020.1765990> EDN: EYMPVY
4. Çelik H. Kashmir after August 5th decision and its implications for South Asia. *RUDN Journal of World History*. 2020;12(2):99–111. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2020-12-2-99-111> EDN: DKGZHZ
5. Neyazi TA. Cultural imperialism or vernacular modernity? Hindi newspapers in a globalizing India. *Media, Culture & Society*. 2010;32(6):907–924. <https://doi.org/10.1177/0163443710379664>
6. Kruglova EV. Some aspects of political leadership in India. *RUDN Journal of Political Science*. 2008;(3):3–15. (In Russ.). EDN: JKGYZZ
7. Baru S. *India's Power Elite: Class, Caste and a Cultural Revolution*. New Delhi: Penguin Random House India (Viking), 2021.
8. Velichkin SV. Foreign policy of India as the reflection of change in its ruling elite. *Journal of International Analytics*. 2024;15(1):191–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-191-209> EDN: HTEJPI
9. Beri S, Schneickert C. Social structure and globalization of political and economic elites in India. *Transcience*. 2016;7(1):115–130.
10. Guha R. *India After Gandhi: The History of the World's Largest Democracy*. Pan Macmillan, 2007.
11. Jaffrelot C. *Modi's India: Hindu Nationalism and the Rise of Ethnic Democracy*. Princeton University Press, 2021. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1dc9jzx>
12. Singh A. The great transition in Indian museums: from NMML to PMML. *The Journal of Indian and Asian Studies*. 2024;5(2):2440002. <https://doi.org/10.1142/S2717541324400023> EDN: OGDKIW
13. Solodkova OL. The Increase of the Christian community in India and Hindutva. *RUDN Journal of World History*. 2015;(3):30–39. (In Russ.). EDN: ULXYAL
14. Sridharan E. The state of the two major parties: BJP and Congress. In: Ganguly S, Mistree D, Diamond L, eds. *The troubling state of India's democracy*. Ann Arbor: University of Michigan Press; 2024. P. 50–62. <https://doi.org/10.3998/mpub.12750150>
15. Glushkova IP. India: media phenomenon of “Hurt sentiments” as the political project. *Political Science*. 2013;(2):48–80. (In Russ.). EDN: QZHTSJ
16. Solodkova OL, Antasheva MS. The new historical politics and criticism of Jawaharlal Nehru and Indira Gandhi in contemporary Indian press. *Asia and Africa Today*. 2022;(4):20–28. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S032150750017717-0> EDN: ZTWCGJ

Информация об авторе:

Антасьева Мария Сергеевна — преподаватель департамента зарубежного регионоведения факультета мировой экономики и мировой политики, эксперт центра стратегической аналитики и больших данных Института статистических исследований и экономики знаний, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17, e-mail: msantasheva@hse.ru ORCID: 0000-0002-5255-8773. ResearcherID: HTN-3351-2023. SPIN-код: 3654-2377.

Information about the author:

Mariia S. Antasheva — lecturer, School of International Regional Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, expert, Centre for Strategic Analysis and Big Data, Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University “Higher School of Economics”, 17 Malaya Ordynka St, Moscow, 119017, Russian Federation, e-mail: msantasheva@hse.ru ORCID: 0000-0002-5255-8773. ResearcherID: HTN-3351-2023. SPIN-code: 3654-2377.



DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74

EDN: OZYNLG

Научная статья / Research article

Алжир в начале XXI в.: внутренние противоречия и ориентиры региональной политики

Н.Л. Хамиди 

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

✉ naimkhamidi@mail.ru

Аннотация. Противоречивые процессы возрождения социально-политического ландшафта Алжира после окончания гражданской войны 1991–1999 гг. оказали значительное влияние на подходы администрации президента Алжира Абд аль-Азиза Бутефлики (1999–2019 гг.) к региональным конфликтам и сотрудничеству со странами Магриба и Сахеля. Цель исследования — проанализировать сочетание авторитарного режима и сравнительно инклюзивной партийно-политической системы как ведущий фактор успешной нейтрализации правительством Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) экстремистских сил и проведения сбалансированной внешней политики. В начале XXI в. послевоенная амнистия и легализация умеренного крыла алжирских исламистов стабилизировали политическую жизнь АНДР. Введение политической жизни Алжира в правовые рамки позволило Национальной народной армии и специальным службам страны наладить последовательное противостояние терроризму и организованной преступности в сахаро-сахельском регионе. Эти обстоятельства предопределили особый интерес руководства Алжира к военно-политическому сотрудничеству с Мали, Нигером и другими странами Сахеля. Выявлены глубинные причины и особенности обострения алжиро-марокканского противостояния в начале XXI в. Показаны политические аргументы и идеологические установки сторон в конфликте вокруг Западной Сахары. Дана авторская оценка роли ливийского кризиса в эволюции внешнеполитического курса АНДР в 2010-х гг. Доказана высокая значимость направления региональной политики в общем балансе взаимодействия АНДР с внешним миром.

Ключевые слова: Абд аль-Азиз Бутефлика, Африка, Сахель, дипломатия, военное влияние, организованная преступность, исламский радикализм

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 14.04.2025; принята к публикации 06.10.2025.

© Хамиди Н.Л., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: *Хамиди Н.Л.* Алжир в начале XXI в.: внутренние противоречия и ориентиры региональной политики // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2026. Т. 18. № 1. С. 59–74. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74> EDN: OZYNLG

Algeria at the beginning of the 21st century: internal contradictions and the guidelines of regional policy

Naïm L. Khamidi 

Lomonosov Moscow State University, *Moscow, Russian Federation*

✉ naimkhamidi@mail.ru

Abstract. The contradictory processes of the revival of Algeria’s socio-political landscape after the end of the 1991–1999 civil war had a significant impact on the approaches of the Administration of Algerian President Abd al-Aziz Bouteflika (1999–2019) to regional conflicts and cooperation with the Maghreb and Sahel countries. The purpose of this study is to analyze the combination of an authoritarian regime and a relatively inclusive party-political system as a leading factor in the successful neutralization of extremist forces by the Government of the People’s Democratic Republic of Algeria (PDRA) and the implementation of a balanced foreign policy. At the beginning of the 21st century, the post-war amnesty and the legalization of the moderate wing of Algerian Islamists stabilized the political life of PDRA. The introduction of Algeria’s political life into the legal framework has allowed the National People’s Army and the country’s special services to establish a consistent counter-terrorism and organized crime in the Sahara-Sahel region. These circumstances have predetermined the Algerian leadership’s special interest in military-political cooperation with Mali, Niger and other Sahel countries. The deep causes and features of the aggravation of the Algerian-Moroccan confrontation at the beginning of the XXI century are revealed. The political arguments and ideological attitudes of the parties to the conflict over Western Sahara are shown. The author gives an assessment of the role of the Libyan crisis in the evolution of the foreign policy course of the People’s Democratic Republic of Algeria in the 2010s. The high importance of the direction of regional policy in the overall balance of interaction between the Algeria and the outside world has been proved.

Keywords: Abd al-Aziz Bouteflika, Africa, Sahel, diplomacy, military control, organized crime, Islamic radicalism

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 14.10.2025; accepted 06.10.2025.

For citation: Khamidi NL. Algeria at the beginning of the 21st century: internal contradictions and the guidelines of regional policy. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):59–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-59-74> EDN: OZYNLG

Введение

Длительный, динамичный и драматический период руководства президента Абд аль-Азиза Бутефлики (1999–2019 гг.) вошел в историю Алжирской Народной Демократической Республики (АНДР) как время восстановления

и перенастройки государственной машины. Итоги «черного десятилетия» — гражданского конфликта между алжирскими властями и исламистскими группировками (1991–1999 гг.) — неоднократно возрождали в Алжире 2000-х гг. внутреннюю нестабильность. Тем не менее, в середине 2000-х гг. положение алжирской экономики заметно выправилось, возможности государства расширились, а военные операции против экстремистского подполья уступили место политическим и идеологическим мерам по размыванию сплоченности исламистского движения и ограничению его амбиций.

Одновременно алжирское руководство взялось за реставрацию и усиление региональных позиций АНДР. На этом пути администрация А. Бутефлики столкнулась со множеством угроз, вызовов и препятствий — как со стороны извечного оппонента Алжира, Королевства Марокко, так и исламистских структур, действующих в Магрибе и Сахеле. Проблемы незаконной миграции, терроризма, криминального оборота наркотиков и оружия на протяжении первых десятилетий XXI в. накладывались в североафриканском и сахаро-сахельском контексте на постоянные сложности в реализации интеграционных процессов, непоследовательную (а порой разрушительную) политику внерегиональных игроков и застарелые военно-политические противоречия между правительствами африканских стран.

Вызовы и успехи политики национального примирения

В первые годы руководства Абд аль-Азиза Бутефлики ослабление социальной напряженности в Алжире сопровождалось постепенным восстановлением экономики страны. Болезненный финансовый кризис последнего десятилетия XX в. остался позади. Многолетний гражданский конфликт окончательно разрушил социалистическую модель хозяйствования АНДР и способствовал распространению либеральных экономических подходов [1. С. 219]. К середине 2000-х гг. за счет интенсивного экспорта энергоносителей Алжир вывел темп роста ВВП на уровень 5,8 % в год, а в 2005 г. золотовалютные запасы страны превысили 63 млрд долл., при этом внешний долг не превышал 15,5 млрд долл. [2. С. 159]. Вплоть до начала 2010-х гг. устои алжирской политической сцены успешно поддерживались высокими доходами государства от добычи углеводородов и наличием всепроникающих репрессивных спецслужб. Кроме того, режим А. Бутефлики пользовался неизменной поддержкой со стороны внешних игроков: США, Евросоюза, России, КНР, — которые не желали резких перемен в послевоенном Алжире. Наконец, трагический опыт длительной гражданской войны вынуждал простых алжирцев всемерно остерегаться бурных революционных выступлений и избегать широкомасштабного применения насилия [3. С. 189–190].

При всех этих обстоятельствах алжирское общество, только начавшее свой выход из кровопролитного и многолетнего кризиса, было глубоко

разделено идеологически и политически. Его видение будущего опиралось, как представляется, на две противоречивые тенденции. С одной стороны, речь шла о смягченном варианте исламистского национал-консерватизма и принятии традиционных ценностей исламского общества. С другой стороны, значительная часть алжирцев видела путь к национальному примирению в скорейшем строительстве светского правового государства с более или менее развитыми элементами демократии европейского типа. Данная концепция уходит корнями в основы, заложенные Конституцией 1996 г., в преамбуле которой говорилось: «Алжир — страна ислама, неотъемлемая часть арабского Магриба, арабская, средиземноморская и африканская страна»¹. Администрация Абд аль-Азиза Бутефлики стремилась выступить в роли объединителя этих течений общественной мысли. Такой подход неминуемо приводил послевоенное руководство Алжира к сочетанию привычного авторитаризма с разработкой инклюзивного многопартийного представительства. В то же время, как показал французский историк и политолог Ж. Ларьеж, учет широкого спектра мнений алжирцев был чреват новыми всплесками разногласий и народного недовольства [4. Р. 9–10].

Президент Бутефлика, стремясь нейтрализовать влияние исламистского подполья и желая вовлечь в политическую жизнь АНДР умеренных сторонников политического ислама, вскоре после прихода к власти разработал и обнародовал закон «О гражданском согласии», вступивший в действие 13 июля 1999 г.² За этим документом последовала «Хартия мира и национального примирения», которая предполагала смягчение наказаний для раскаявшихся боевиков-исламистов. В то же время национальная амнистия не относилась к тем членам исламистского подполья, которые обвинялись в убийствах мирного населения и террористической деятельности. За время их действия властям сдалось около 1500 боевиков, что устранило угрозу «талибанизации» Алжира [5. С. 15]. Тем не менее, экстремистские элементы, которые не отступились от насильственных действий, в начале XXI в. объединились в составе Вооруженных исламских групп (ВИГ) и Салафитской группы проповеди и борьбы (СГПБ)³. ВИГ в 2000–2002 гг. понесла серьезные потери в ходе организованных против нее алжирскими спецслужбами специальных операций. Массовая утрата алжирских боевиков привела лидеров ВИГ к ее «интернационализации» за счет рекрутирования иностранных

¹ Аль-Джумхурийа аль-джаза'ирийа ад-димукратийа аш-ша'бийа. Аль-Джарида ар-расмийа (Алжирская Народная Демократическая Республика. Официальная газета). 08.12.1996. URL: <https://cjca-conf.org/wp-content/uploads/2022/10/رووتس-1996.pdf> (дата обращения: 29.07.2025). (на араб. яз.).

² Loi n° 99–08 du 13 juillet 1999. Loi sur la concorde civile // République Algérienne Démocratique et Populaire. Présidence de la République. URL: http://www.elmouradia.dz/francais/algerie/histoire/Dossier/loi_sur_la_concorde_civile.htm (дата обращения: 22.05.2025).

³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

террористов в Египте, Судане, Йемене, Афганистане и Боснии. Это обстоятельство привело к отчуждению отрядов ВИГ от населения Алжира и последующему распаду организации. Вторая радикальная исламистская сила в Алжире — Салафитская группа проповеди и борьбы (СГПБ)⁴ — в начале 2000-х гг. действовала в горных лесистых районах к востоку от алжирской столицы, а впоследствии расширила зону своих террористических действий в южных провинциях АНДР и на смежных территориях соседних стран.

Нельзя не отметить, что правительство Абд аль-Азиза Бутефлики в 2000-х гг. смогло успешно переориентировать остальные исламские силы Алжира на отстаивание своих интересов в пределах конституционного законодательства. Руководство Алжира отчетливо признавало необходимость учета голосов консервативно настроенных алжирцев в условиях стремительного расслоения общества, увеличения разрыва в благосостоянии между имущими и малообеспеченными, концентрации власти в руках военной элиты и в целом размывания традиционного исламского *этоса* и кризиса идентичности [6. С. 115–116]. Результаты электоральных циклов 1997–2002 и 2002–2007 гг. позволяют предположить, что в эту переходную от войны к миру эпоху в Алжире начал формироваться новый правящий альянс, ставший опорой президентской администрации в урегулировании гражданского конфликта. В этот слой входили как прежние представители военно-бюрократической верхушки, так и деятели технократического толка и прозападно настроенная деловая элита. Наконец, к ним по большинству вопросов жизни страны примыкали и умеренные исламские деятели. Об этом свидетельствует тот факт, что проправительственная партийная коалиция из Национального демократического объединения (НДО), Фронта национального освобождения (ФНО) и Движения общества за мир (ДОМ) устойчиво сохранялась на всем протяжении 2000-х гг. Участники коалиции удерживали под своим контролем 287 (выборы 1997 г.), 284 (выборы 2002 г.) и 249 мест (выборы 2007 г.) в Национальном народном собрании⁵. Более того, под руководством алжирского президента прошла успешная предвыборная кампания на второй президентский срок в 2004 г., в ходе которой были рассмотрены ключевые вопросы жизнедеятельности населения. Прежде всего, язык алжирских берберов (*амазигов*) официально признали в качестве одного из национальных языков страны. Также в программу кампании А. Бутефлики

⁴Террористическая организация, запрещенная в РФ.

⁵ См. обобщенные данные Международного парламентского союза по выборам в Национальное народное собрание АНДР: Inter-Parliamentary Union. URL: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_97.htm (избирательная кампания 1997 г.); http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2003_02.htm (избирательная кампания 2002 г.); <http://www.ipu.org/english/parline/reports/arc/2003%5Fe.htm> (избирательная кампания 2007 г.) (дата обращения: 14.03.2025).

вошли рассмотрение закона о семье и ведение борьбы с коррупцией⁶. Это указывает на тенденцию 2000-х гг., направленную на постепенную, хотя и непрочную стабилизацию общественно-политической жизни страны.

В то же время политика национального примирения, развернутая в первом десятилетии руководства А. Бутефлики, имела и слабые стороны. Еще весной 2001 г. попытки допуска исламистских сил в состав политической элиты вызвали массовые протестные выступления берберских активистов, традиционно настроенных крайне критически к деятелям политического ислама. К тому же активность алжирских избирателей на парламентских выборах 2000-х гг. была довольно слабой — 46,17 % избирателей в 2002 и 35,51 % в 2007 г. [7. С. 164]. Низкие показатели явки обусловили непоследовательные бойкоты выборов, объявленные лидерами влиятельных проберберских партий — Объединения за культуру и демократию (ОКД) в 2002 г. и Фронта социалистических сил (ФСС) в 2007 г. [8. С. 280]. Кроме того, алжирское общество в первом десятилетии XXI в. пережило заметную деполитизацию и отчуждение от электорального процесса. Наконец, по традиции, восходящей к эпохе «алжирского социализма», законодательный орган не пользовался авторитетом в социуме, а алжирцы не возлагали на парламентские выборы значительных надежд на перемены.

«Арабская весна» и закат эпохи Бутефлики

Новым испытанием политики диалога между алжирскими властями и умеренными исламистами стали события «Арабской весны» 2010–2011 гг. Само по себе «пробуждение» общественных настроений в Алжире продлилось сравнительно недолго. Оно вылилось в массовые манифестации, которые захватили около половины провинций страны и вовлекли порядка 10 тыс. граждан [9. С. 2]. При этом нарекания протестующих, как и в других арабских странах, вызывали, в первую очередь, общественно-экономические обстоятельства: неравномерное распределение национального дохода (при том, что в силу демографических показателей Алжир находился на 126-м месте в мире по размеру ВВП на душу населения), рост уровня безработицы среди молодых алжирцев (около 50 % безработных), жилищный кризис, повсеместное засилье коррупции и инфляционные процессы [10. С. 137–138; 11. С. 94–95]. В то же время идеологическая и политическая повестка, пригодная для противостояния населения правящим кругам, широкой поддержки у протестующих не нашла: вопросы о несменяемости власти и физическом состоянии

⁶ Абраз махаттат масират ар-ра'ис Бутафлика (Важнейшие вехи в карьере президента Бутефлики) // Ахбар аль-йаум. 18.04.2014. URL: <https://web.archive.org/web/20140916150752/http://www.akhbareyoum.dz/ar/200235/104060-2014-04-18-182456> (дата обращения: 18.06.2025). (на араб. яз.).

Абд аль-Азиза Бутефлики в тот момент еще не вышли на первый план⁷. Поэтому алжирский вариант «Арабской весны» оказался ближе к «весеннему» сценарию, реализовавшемуся в не-нефтяных конституционных монархиях Ближнего Востока и Северной Африки — Иордании и Марокко. В Алжире, как и в этих странах, сравнительно маломасштабные протестные выступления, вдохновленные ранними событиями в Тунисе и Египте, почти не затронули основ государственной власти. Однако руководство Алжира и государственный аппарат сумели чутко и оперативно отреагировать на эти выступления.

В первую очередь президент Бутефлика отменил действовавшее в Алжире на протяжении 18 лет чрезвычайное положение и пообещал провести коренные демократические реформы⁸. Затем, в январе 2012 г., он обратился к показательной демократизации. Был принят важный закон, регламентирующий электоральный процесс⁹, вкпе с целым пакетом законов, ориентированных на модернизацию политической системы (о политическом представительстве женщин, деятельности политических партий и ассоциаций, распространении информации и др.). Кроме того, в 2016 г. под эгидой А. Бутефлики прошла еще одна законодательная ревизия положений Конституции АНДР¹⁰. Шаги президентской администрации навстречу демократическим чаяниям манифестантов позволили правительству успешно сдержать общественное недовольство [12. Р. 108–109]. Да и исламистские структуры Алжира (в отличие от Египта и Туниса) в 2010-х гг. не могли решить проблемы избирателей. После трагического опыта «черного десятилетия» у них не было возможности пропагандировать себя как бунтарей и борцов за исламскую альтернативу действующей власти. Они были давно и глубоко интегрированы в политическую элиту Алжира. А вот их египетские и тунисские «товарищи по оружию», победившие в ходе революционных событий,

⁷ В 2013 г. у А. Бутефлики произошел микроинсульт. В апреле и июле 2013 г. он был госпитализирован и длительно пребывал на излечении во Франции. В Алжире неоднократно распространялись слухи о сокрытии властями его смерти. Эти обстоятельства не отвратили его от выдвижения своей кандидатуры на президентских выборах 2014 г. и выполнения четвертой президентской каденции.

⁸ *Daoud K.* Le président Bouteflika, le voleur de printemps // State Afrique. URL: <http://www.stateafrique.com/78291/bouteflika-algeriens-tournent-toujours-en-rond> (дата обращения: 18.12.2021).

⁹ Loi organique n° 12–01 du 18 Safar 1433 correspondant au 12 janvier 2012 relative au régime électoral // Journal officiel de la République Algérienne. №01. 20 saffar 1433 / 14 janvier 2012. P. 8–31. [Сайт]. URL: <http://www.joradp.dz/ftp/jo-francais/2012/f2012001.pdf> (дата обращения: 16.04.2025).

¹⁰ Loi n° 16–01 du 6 mars 2016 portant révision constitutionnelle // Journal officiel de la République Algérienne. № 14. 7 mars 2016 // Droit Afrique. Le droit des affaires en Afrique francophone. URL: <http://droit-afrique.com/uploads/algerie-constitution-revisee-loi-6-mars-2016.pdf> (дата обращения: 24.12.2024).

продемонстрировали в 2012–2013 гг. столь явную беспомощность перед кризисом своих государств, что вскоре и вовсе утратили завоеванные ими властные полномочия.

В силу этих обстоятельств на парламентских выборах 10 мая 2012 г. исламистский «Альянс зеленый Алжир», в котором объединились ДОМ, Партия возрождения (Хизб ан-нахда) и Движение за национальную реформу (ДНР), получил всего 48 мест в Национальной народной ассамблее и потерпел беспспорное электоральное поражение. В то же время светская пропрезидентская коалиция ФНО и НДО получила столь же явный успех: ФНО завоевал 220 депутатских мандатов, а НДО — 68, что заметно превысило их достижения на предыдущих парламентских выборах (2007 г.) [13. С. 176–177]. На этом победном фоне, на первый взгляд, очередное выдвижение А. Бутефлики на новый мандат и его убедительная победа в президентской кампании 2014 г. (81,53 % голосов избирателей) выглядели вполне логично. Действительно, жесткий контроль алжирских спецслужб над избирательными кампаниями 2010-х гг. и проявления воли президентской администрации к примирению сторон длительного гражданского конфликта все еще играли на руку властным структурам АНДР в ходе четвертой каденции А. Бутефлики (2014–2019 гг.).

Однако во второй половине 2010-х гг. политические акции и сама легитимность режима обесценились — в силу физического старения руководителя страны, произвола окружения президента во главе с его братом Са'идом, растущей интеллектуальной недееспособности самого А. Бутефлики и его крайне редких появлений в публичной сфере. Помимо этого, падение европейских цен на нефть и газ с конца 2015 г. осложнило все социальные проблемы. В итоге несостоятельная попытка А. Бутефлики выдвинуться в 2019 г. на пятый срок вызвала в Алжире массовые протесты под антикоррупционными и либеральными лозунгами, получившие название «революция улыбок». Тогда же сформировалось слабо оформленное демократическое движение Хирак — серия мирных протестных акций, проходивших по пятницам в крупных городах [14. С. 648]. Позже к давлению гражданских активистов присоединилось высшее армейское руководство, которое обвинило престарелого президента в коррупции и вынудило его к ожидавшейся отставке. Это событие произошло 2 апреля 2019 г., когда генералы воспользовались ситуацией, связанной с протестами. Они заявили, что прислушиваются к голосу народа и движения, стремясь остаться у власти, а заодно свести старые счета и усилить свой контроль над государственными органами¹¹.

¹¹ *Ибн Дурра Умар*. Ас-Султа аль-джаза'ирийа фи муваджахат «Хирак» 2019–2020 (Власть Алжира перед лицом движения «Хирак» в 2019–2020 гг.) // Ас-Сафир аль-арабий. 08.10.2020. URL: <https://assafirarabi.com/ar/33591/2020/10/08/2019-2020-السلطة-الجزائرية-في-مواجهة-حراك-> (дата обращения: 20.11.2024). (на араб. яз.).

Уход Абд аль-Азиза Бутефлики с поста президента оказался значительным потрясением для политической системы АНДР. Политика национального примирения, провозглашенная Бутефликой, стала важным, но далеко не единственным его успехом на государственной службе. Он наследовал трудному опыту президента военного времени Ламина Зеруаля (1994–1999 гг.) и принес мир и стабильность в разрушенную политическую систему. С другой стороны, ему удалось в начале XXI в. отступить от традиций конфликта и противопоставления, свойственной элитам социалистического Алжира, к которым он и сам принадлежал. Важно и то, что А. Бутефлика был широко признанным в мире многолетним дипломатическим представителем Алжира, политической фигурой крупного масштаба, пользовавшейся авторитетом в стране, в североафриканском регионе и в мире в целом.

Борьба с терроризмом и перемены в региональной политике

Руководство Абд аль-Азиза Бутефлики позволило Алжиру приступить к своеобразной реставрации своей довоенной роли — сильного геополитического игрока, контролирующего события на региональной арене. В начале XXI в. Алжир вошел в состав непостоянных членов Совета Безопасности ООН и вступил в ассоциацию с Европейским союзом. В эти же годы усилился вес мнения Алжира в арабских и глобальных организациях — Лиге арабских государств (ЛАГ), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Африканского союза (АС), Организации нефтеэкспортирующих стран (ОПЕК). Но подлинным прорывом на африканском направлении внешней политики АНДР 2000–2010-х гг. стало системное участие Алжира в антитеррористической борьбе в Магрибе и Сахеле.

В ходе первой каденции А. Бутефлики (1999–2004 гг.) фокус внимания алжирских спецслужб и Национальной Народной Армии был сосредоточен главным образом на нейтрализации остаточных явлений послевоенного терроризма. Несмотря на то, что сторонники радикального исламистского подполья еще периодически напоминали о себе нападениями на военные объекты и подрывами заминированных автомобилей, за годы гражданской войны их дело было глубоко дискредитировано. В то же время благоприятная для Алжира конъюнктура на европейском энергетическом рынке позволяла президентской администрации и правительству АНДР успешно финансировать внедрение новейших техник контртеррористической борьбы и независимо вести себя на региональной арене. Тем не менее руководители АНДР не могли игнорировать 26 статью Конституции страны 2008 г., в которой говорилось, что Алжир воздерживается от ведения войны с целью подрыва законного суверенитета

и свободы других народов¹². В этой связи гибкая внешняя политика Алжира притягивала внимание ведущих мировых держав, при этом позволила постепенно сдерживать угрозы насилия, исходящие из сахельского региона.

Начиная с середины 2000-х гг. правительство АНДР все чаще проецировало антитеррористические задачи на страны Сахеля. Спецслужбы Алжира отчетливо видели угрозу для безопасности страны, происходящую из гигантских и слабо контролируемых пространств Сахары, куда в годы гражданской войны вытеснялись боевики исламистских структур, действовавших в АНДР; там же вольготно чувствовали себя наркокурьеры и организаторы контрабандных сетей. Наиболее заметным региональным проектом сотрудничества в деле борьбы с исламо-экстремизмом стал совместный удар по позициям Аль-Ка'иды в странах исламского Магриба (АКИМ)¹³, нанесенный алжирскими и малийскими военными в 2008–2009 гг. В ответ на активизацию этой террористической структуры в северных провинциях Мали алжирские военные оказали материально-техническую помощь малийской армии, предоставив запасные части к авиационным комплексам и бронетехнике, горючее и боеприпасы. Эта поддержка дала малийскому руководству возможность мобилизовать против джихадистов часть арабских племен в районе Гао и нанести к весне 2009 г. чувствительные потери их вооруженным формированиям [15. С. 343–344].

События «Арабской весны», в особенности крушение режима Джамахирии в Ливии, наглядно показали обоснованность и стратегическую ценность такого подхода. В 2010–2014 гг. центр тяжести криминальной и террористической деятельности переместился из южной части Алжира в присахарские регионы Мали и Нигера. Речь здесь шла не только о трансграничном, но и трансрегиональном явлении, поскольку сахаро-сахельские территории все чаще превращались в зоны вербовки и вооружения профессиональных боевиков, действовавших вне Африканского континента [16. Р. 39–45]. Так, например, в 2012 г. АКИМ¹⁴ вступила в тайный сговор с латиноамериканскими криминальными группировками и занималась «реэкспортом» поставляемого ими кокаина в обмен на вооружение [17. С. 5]¹⁵. Более того, сращивание исламистских и контрабандистских

¹² Аль-Джумхурийа аль-джаза'ирийа ад-димукратийа аш-ша'бийа. Аль-махкама ад-дустурийа (Алжирская Народная Демократическая Республика. Конституционный суд). 10.03.2021. [Сайт]. URL: <https://cour-constitutionnelle.dz/ar/2021/03/10/ليديعت-2008/#1617786193755-47ba539c-78ab> (дата обращения: 27.06.2025) (на араб. яз.).

¹³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁵ Трансрегиональное сотрудничество было присуще многим формам общественной деятельности в исламской истории, например, движению за восстановление халифата в первой трети XX в. [18]. После «Арабской весны» экстремистские группировки, действовавшие в Мали — в первую очередь, «Ансар ад-дин» (террористическая организация, запрещенная в РФ) — набирали новые кадры в основном за счет массовой миграции из Сирии, присахарского региона и Тропической Африки [19. С. 24–25].

группировок в странах сахельского пояса на протяжении 2010-х гг. бросило вызов алжирскому государству и косвенно угрожало безопасности Магриба в целом [20. С. 53–54]¹⁶. Об этом со всей очевидностью свидетельствовали трагические события на газовых промыслах в Ин Аменас, расположенных на востоке страны вблизи алжиро-ливийской границы. 16 января 2013 г. исламистская бандгруппа под руководством Мухтара Бельмухтара захватила центральную часть комплекса и взяла в заложники 700 алжирцев и 134 иностранца — сотрудников алжирской компании СОНАТРАК, британской «Бритиш Петролеум» и норвежской «Статойл». Алжирские власти отказались выполнить требования экстремистов и провели 50-часовую осадно-штурмовую операцию, в ходе которой армейский спецназ при поддержке ВВС освободил 685 алжирцев и 101 иностранца; остальные заложники погибли [21. С. 123].

Нападения магрибских и сахельских исламских радикалов на объекты газодобычи и газораспределительные центры поставили перед администрацией А. Бутефлики вопрос о безопасности центральных и южных провинций Присахарья. Эта угроза не только подрывала работоспособность экспортных отраслей алжирской экономики, но и ставила под сомнение репутацию Алжира как регионального лидера и гаранта безопасности. В результате лидеры Алжира избрали проактивный подход к джихадистским вызовам из Сахеля. В ходе своей второй каденции (2004–2009 гг.) А. Бутефлика продвигал план создания Африканских сил быстрого реагирования (АСБР), которые, по его представлениям, должны были применяться для борьбы с экстремистскими группировками и урегулирования конфликтов на Африканском континенте. Участники проекта — страны Африканского союза — планировали сформировать три компонента АСБР (военный, полицейский и гражданский), причем военная группировка должна была состоять из пяти региональных бригад. Несмотря на то что этот проект не был воплощен, Национальная Народная Армия в 2013 г. перешла к тактике ограниченного контроля над северными окраинами Сахары: в приграничных районах АНДР развернуто более 100 тыс. военнослужащих, национальных гвардейцев и жандармов; на юго-восточных рубежах сформирован новый пограничный округ, усиленный авиационной группировкой; периодически проводилось вмешательство в сахельские конфликты для упреждения новых джихадистских вызовов¹⁷. В 2010-х гг. расширилась география союзнических контактов АНДР в Магрибе и Сахеле: проводились совместные

¹⁶ *Ould Mohamedou M.M.* The Many Faces of “Al Qaeda in the Islamic Maghreb”. Paper № 15. Geneva : Centre for Security Policy, 2011. P. 3. “Al Qaeda in the Islamic Maghreb” — террористическая организация, запрещенная в РФ.

¹⁷ *Algeria and its Neighbours.* Middle East and North Africa Report № 164. Brussels : International Crisis Group, 2015. P. 7.

операции с вооруженными силами Мавритании, Мали и Нигера, учения пограничных служб Алжира и Туниса¹⁸. Антитеррористическая мобилизация Алжира в сахаро-сахельской зоне воспринималась Абд аль-Азизом Бутефликой и его преемником Абд аль-Маджидом Теббуном как существенный фактор противостояния в региональных делах постоянному сопернику — Марокко¹⁹.

Заключение

Большинство тенденций политической жизни АНДР, заложенных при руководстве Абд аль-Азиза Бутефлики, первоначально воспринимались в Магрибе как переходный этап от авторитарного контроля армии времен гражданского конфликта к более жизнеспособной и демократически ориентированной модели управления. Однако, сравнительно благополучно пройдя через потрясшие Северную Африку пертурбации «Арабской весны», президент Бутефлика так и не смог выступить в роли архитектора современного Алжира. Его все более авторитарный персоналистский режим в конечном счете оказался и более хрупким, чем прошедшая испытание войной политическая система страны. В итоге массовые низовые протесты («революция улыбок») 2019 г. ослабили и низвергли власть заслуженного лидера, но не разрушили твердый и последовательный контроль над Алжиром со стороны его высшего военного руководства, которое впоследствии обвинило А. Бутефлику и его окружение в широкомасштабной коррупции и превышении президентских полномочий.

В сфере региональной политики наследие двух «десятилетий Бутефлики» оказалось намного более позитивным, чем на внутренней арене. В начале его первой каденции Алжир был в значительной степени изолирован и пользовался лишь непоследовательной поддержкой

¹⁸ Приграничное сотрудничество представляется важной теоретической проблемой, расширяющей научные подходы к интерпретации истории международных отношений [22. С. 241–242]. Это обстоятельство тем более существенно, что современные границы в Северо-Западной Африке проводились без отчетливой мотивации, не были исторически и культурно обоснованы и к тому же были слабо утверждены в массовом сознании граждан магрибинских стран [23. С. 10–11].

¹⁹ Истоки алжиро-марокканского регионального соперничества восходят к XVII–XVIII вв. [24. С. 75–76] и объясняются, среди прочего, различием традиционных общественно-политических моделей двух стран. В частности, легитимность марокканского престола была обусловлена клятвой верности населения султану-потомку Пророка, расцениваемой подданными как договор [25. С. 165–166]. Стремление А. Бутефлики и А. Теббуна восстановить положение АНДР как ключевого государства в Магрибе и одного из африканских лидеров приводило к соперничеству с Королевством Марокко, которое в 2021 г. в очередной раз завершилось разрывом дипломатических отношений.

Франции и России, при нейтральной позиции администрации США. Однако в 2000-х гг. ему удалось заметно поднять международный престиж страны, особенно на африканском и ближневосточном направлениях. Во многом перенастройка внешнеполитических приоритетов Алжира прошла успешно благодаря личности и профессионализму Абд аль-Азиза Бутефлики. Многолетний опыт дипломатической работы и руководства МИД Алжира, достойные навыки коммуникации и тактического мышления, отработанные личные связи с лидерами Европы, США, России и арабских стран позволили А. Бутефлике и его внешнеполитической команде ввести свою страну в клуб значимых региональных держав.

Список литературы

1. *Martínez L.* La guerre civile en Algérie: 1990–1998. Paris : Éditions Karthala, 1998. 429 p.
2. *Смирнова Г.И.* Союз Арабского Магриба: проблемы и перспективы возрождения // Ближний Восток и современность : сб. ст. Вып. 31 / отв. ред. А.О. Филоник, М.Р. Арунова. М. : ИВ РАН, Институт Ближнего Востока, 2007. С. 145–167.
3. *Долгов Б.В.* Алжир // Ближний Восток, Арабское пробуждение и Россия: что дальше? / отв. ред. В.В. Наумкин, В.В. Попов, В.А. Кузнецов. М. : ИВ РАН, 2012. С. 189–203.
4. *Lariège J.* Algérie: Fin de règne, alternances et recompositions politiques // Les Cahiers de l’Orient. 2014. № 3 (115). P. 9–18. <https://doi.org/10.3917/lcdlo.115.0009>
5. *Martínez L.* Why the Violence in Algeria? // The Journal of North African Studies. 2004. Vol. 9. № 2. P. 14–27. <https://doi.org/10.1080/1362938042000323310>
6. *Орлов В.В.* Суфийские братства в общественно-политической жизни исламского мира (50–90-е годы) // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). М. : ИВ РАН, Крафт+, 2001. С. 114–134. EDN: ZCXDFB
7. *Видясова М.Ф., Орлов В.В.* Алжир у трех дорог : монография. М. : Садра, 2019. 224 с. EDN: SRWBJA
8. *Сафронова М.А.* Политический процесс в арабских странах / под ред. Л.М. Ефимовой. М. : МГИМО-Университет, 2017. 312 с. EDN: YQMRYB
9. *Attour L.A.* Algeria’s role in the Sahelian security crisis // Stability: International Journal of Security & Development. 2013. Vol. 2. № 2. Art. 28. <https://doi.org/10.5334/sta.bp>
10. *Долгов Б.В.* Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир : монография / отв. ред. И.Д. Звягельская. М. : Ленанд, 2017. 200 с. EDN: ZBVVDB
11. *Видясова М.Ф., Мельянцева В.А., Орлов В.В., Бочарова Л.С., Исаев В.А., Сафронова А.Л., Фридман Л.А., Гевелинг Л.В., Мейер М.С.* Круглый стол: социально-экономические аспекты событий на Арабском Востоке // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2011. Т. 13. № 3. С. 92–111. EDN: OKDXSL
12. *Volpi F.* Algeria versus the Arab Spring // Journal of Democracy. 2013. Vol. 24. № 3. P. 104–115. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0040>
13. *Долгов Б.В.* Исламистское движение в Алжире и Тунисе: 1970–2020-е годы. Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. Р.Г. Ланда. М. : Ленанд, 2022. 300 с.
14. *Кузнецов В.А., Василенко А.И.* Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654> EDN: PTEPGK

15. Куделев В.В. «Аль-Каида в странах исламского Магриба»²⁰ и др. в Северной Африке: хроника событий. М. : Институт Ближнего Востока, 2014. 507 с.
16. Guidère M. Al-Qaïda à la conquête du Maghreb²¹: le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco : Éditions du Rocher, 2007. 281 p.
17. Alexander Y. Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication. Arlington (VA) : Inter-University Centre for Terrorism Studies, 2013. 33 p.
18. Кириллина С.А., Сафронова А.Л., Орлов В.В. Халифатизм в панисламском идейном наследии: трансрегиональное измерение // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2020. № 2. С. 85–95. <https://doi.org/10.31857/S086919080009038-8> EDN: QMIGYI
19. Bensaad A. Agadez, carrefour migratoire Sahélo-Maghébin // Revue Européenne des Migrations Internationales. 2003. Vol. 19. № 1. P. 7–28. <https://doi.org/10.4000/remi.336>
20. Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба — Сахеля (взгляд через призму теорий символической политики и социального движения) // Ислам в современном мире. 2011. № 3–4 (23–24). С. 47–56. EDN: VXLMTX
21. Кузнецов В.А. Безопасность государств Северной Африки в условиях политической трансформации // Конфликты и войны XXI века. Ближний Восток и Северная Африка. М. : ИВ РАН, 2015. С. 102–129. EDN: WEWQZF
22. Тарасова А.С. Развитие концепции приграничного сотрудничества в российской и зарубежной историографии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 240–259. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: FPLMXP
23. Орлов В.В. Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17> EDN: DWXOLC
24. Соловьева Д.В. «Кочующий двор» в Марокко: незабытое старое // Азия и Африка сегодня. 2019. № 8. С. 75–79. <https://doi.org/10.31857/S032150750005790-1> EDN: REKFTI
25. Соловьева Д.В. Основания султанской власти в Алауитском Марокко XVII–XVIII вв. : торжество военной силы или поиск консенсуса? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2025. Т. 17. № 2. С. 159–171. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2025-17-2-159-171> EDN: UGSNOE

References

1. Martínez L. *La guerre civile en Algérie: 1990–1998*. Paris: Éditions Karthala; 1998.
2. Smirnova GI. The Arab Maghreb Union: Problems and Prospects of Revival. *Blizhniy Vostok i sovremennost'*. No. 31. Moscow: IV RAN, Institut Blizhnego Vostoka publ., 2007, p. 145–167. (In Russ.).
3. Dolgov BV. Algeria. *Blizhniy Vostok, Arabskoye probuzhdenie i Rossiya: chto dal'she?* Moscow: IV RAN publ.; 2012, p. 189–203. (In Russ.).
4. Lariège J. Algérie: Fin de règne, alternances et recompositions politiques. *Les Cahiers de l'Orient*. 2014;(3):9–18. <https://doi.org/10.3917/lcdlo.115.0009>
5. Martínez L. Why the Violence in Algeria? *The Journal of North African Studies*. 2004;9(2):14–27. <https://doi.org/10.1080/1362938042000323310>
6. Orlov VV. Sufi Brotherhoods in the Socio-Political Life of the Islamic World (50–90s). *Islam i politika (vzaimodeystvie islama i politiki v stranah Blizhnego i Srednego Vostoka, na Kavkaze i v Tsentral'noy Azii)*. Moscow: IV RAN, Kraft+ publ., 2001, p. 114–134. (In Russ.). EDN: ZCXDFB

²⁰ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²¹ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

7. Vidiassova MF, Orlov VV. *Alzhir u treh dorog* [Algeria at Three Roads]. Moscow: Sadra publ.; 2019. (In Russ.). EDN: SRWBJA
8. Sapronova MA. *Politicheskiy protsess v arabskikh stranah* [The Political Process in the Arab Countries]. Moscow: MGIMO-Universitet publ.; 2017. (In Russ.). EDN: YQMRYB
9. Ammour LA. Algeria's role in the Sahelian security crisis. *Stability: International Journal of Security & Development*. 2013;2(2):28. <https://doi.org/10.5334/sta.bp>
10. Dolgov BV. *Fenomen «Arabskoy vesny» 2011–2016 gg.: prichiny, razvitiye, perspektivy. Tunis, Egipet, Liviya, Siriya, Alzhir* [The Phenomenon of the “Arab Spring”, 2011–2016: Causes, Developments, Prospects. Tunisia, Egypt, Libya, Syria, Algeria]. Moscow: Lenand publ.; 2017. (In Russ.). EDN: ZBXVDB
11. Vidiassova MF, Meliantsev VA, Orlov VV, Bocharova LS, Isaev VA, Safronova AL, Fridman LA, Geveling LV, Meyer MS. The round table: The Arab world events in their social and economic aspects]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria 13: Vostokovedenie*. 2011;13(3):92–111. (In Russ.). EDN: OKDXSL
12. Volpi F. Algeria versus the Arab Spring. *Journal of Democracy*. 2013;24(3):104–115. <https://doi.org/10.1353/jod.2013.0040>
13. Dolgov BV. *Islamistskoe dvizhenie v Alzhire i Tunisie: 1970–2020-e gody* [The Islamist Movement in Algeria and Tunisia: the 1970s — the 2020s]. 2nd ed. Moscow: Lenand publ., 2022. (In Russ.).
14. Kuznetsov VA, Vasilenko AI. Maghreb 2021: political development impasses and threats to the subregional system. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2021;21(4):642–654. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654> EDN: PTEPGK
15. Kudlev VV. «Al-Kaida v stranah islamskogo Magriba»²² i dr. v Severnoy Afrike: hronika sobyitiy [“Al-Qaeda in the Islamic Maghreb”²³ and Others in North Africa: Chronicle of Events]. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka publ.; 2014. (In Russ.).
16. Guidère M. *Al-Qaïda à la conquête du Maghreb*²⁴: le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco: Éditions du Rocher; 2007.
17. Alexander Y. *Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication*. Arlington (VA): Inter-University Centre for Terrorism Studies; 2013.
18. Kirillina SA, Safronova AL, Orlov VV. Caliphatism in Pan-Islamic ideological heritage: transregional dimension. *Vostok. Afro-aziatskie obschestva: istoriia i sovremennost'*. 2020;(2):85–95. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S086919080009038-8> EDN: QMIGYI
19. Bensaad A. Agadez, carrefour migratoire Sahélo-maghrébin. *Revue Européenne des Migrations Internationales*. 2003;19(1):7–28. <https://doi.org/10.4000/remi.336>
20. Naumkin VV. “Algerian transit” in the Maghreb-Sahel Zone (a look through the prism of symbolic politics and social movement theories). *Islam in the Modern World*. 2011;(3–4):47–56. (In Russ.). EDN: VXLMTX
21. Kuznetsov VA. The Security of North African States in Terms of Political Transformation. In *Konflikty i voyny XXI veka. Blizhniy Vostok i Severnaya Afrika*. Moscow: IV RAN publ.; 2015, p. 102–129. (In Russ.). EDN: WEWQZF
22. Tarasova AS. Evolution of the concept of cross-border cooperation in Russian and foreign historiography. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(2):240–259. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: FPLMPX
23. Orlov VV. Traditions of Maghrebi-Saheli statehood and islamic radicalism in Early XXI century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):7–17. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: DWXOLC
24. Solovyeva DV. “Itinerant Court” in Morocco: the unforgotten past. *Asia and Africa Today*. 2019;(8):75–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.31857/S032150750005790-1> EDN: REKFTI

²² Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²³ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

²⁴ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

25. Solovieva DV. The bases of Sultan's power in Alawi Morocco during XVII–XVIII centuries: the triumph of military force or the search of consensus? *RUDN Journal of World History*. 2025;17(2):159–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-2-240-259> EDN: UGSNOE

Информация об авторе:

Хамиди Наим Лиесович — аспирант кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: naimkhamidi@mail.ru ORCID: 0009-0001-6605-0567.

Information about the author:

Naïm L. Khamidi — PhD student, Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11 Mokhovaya st, bldg. 1, Moscow, 125009, Russian Federation, e-mail: naimkhamidi@mail.ru ORCID: 0009-0001-6605-0567.



DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-75-85

EDN: OXCJTO

Научная статья / Research article

Отражение роли СССР в освобождении Польши от немецкой оккупации в материалах Института национальной памяти Польши

Н.А. Петухов-Панагушин 

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская Федерация*

✉ nikita.petukhov.panagushin@gmail.com

Аннотация. Современный миропорядок во многом сложился под влиянием итогов Второй мировой войны. Ее события, затронувшие судьбы миллионов, легли в основу национальной памяти многих стран, особенно — в Центрально-Восточной Европе. В международной дискуссии нередко обращаются к историческому прошлому, поскольку оно остается ключевым элементом коллективной идентичности. В этом контексте особое значение приобретает вопрос о роли СССР в разгроме нацизма и освобождении Европы, включая Польшу. Исследование посвящено анализу того, как Институт национальной памяти Польши интерпретирует участие Советского союза в освобождении Польши от немецкой оккупации. Несмотря на бесспорный вклад СССР в победу над Третьим рейхом, его роль в судьбе Польши остается предметом острых исторических и политических споров. С применением комплексного подхода автор рассмотрел основные нарративы и оценки, представленные в современных материалах Института национальной памяти Польши, позволяющих реконструировать точку зрения польских властей на прошлое. Исследователь приходит к выводу, что актуальный исторический нарратив Института национальной памяти Польши вызван потребностями формирования национальной идентичности.

Ключевые слова: историческая память, национальная идентичность, Вторая мировая война, Армия Крайова

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 23.07.2025; принята к публикации 03.11.2025.

Для цитирования: *Петухов-Панагушин Н.А.* Отражение роли СССР в освобождении Польши от немецкой оккупации в материалах Института национальной памяти Польши // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 75–85. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-75-85>
EDN: OXCJTO

© Петухов-Панагушин Н.А., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The depiction of the USSR's role in the liberation of Poland from German occupation in the materials of the Institute of national remembrance of Poland

Nikita A. Petukhov-Panagushin 

Saint Petersburg State University, *Saint Petersburg, Russian Federation*

✉ nikita.petukhov.panagushin@gmail.com

Abstract. The modern world order has been largely shaped by the outcomes of World War II. Its events, which affected the lives of millions, became the foundation of national memory in many countries, particularly in Central and Eastern Europe. Historical past is often referenced in international discussions, as it remains a key element of collective identity. In this context, the question of the USSR's role in the defeat of Nazism and the liberation of Europe, including Poland, takes on a special significance. This study examines how Poland's Institute of National Remembrance interprets the Soviet Union's participation in liberating Poland from German occupation. Despite the USSR's undeniable contribution to the victory over the Third Reich, its role in Poland's fate remains a subject of intense historical and political debate. Using an integrated approach, the author examined the main narratives and assessments presented in the modern materials of the Institute of National Memory of Poland, which allow reconstructing the point of view of the Polish authorities on the past. The researcher concludes that the current historical narrative promoted by Poland's Institute of National Remembrance is driven by the need to shape national identity.

Keywords: historical memory, national identity, Second World War, Home Army

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 23.07.2025; accepted 03.11.2025.

For citation: Petukhov-Panagushin NA. The depiction of the USSR's role in the liberation of Poland from German occupation in the materials of the Institute of national remembrance of Poland. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):75–85. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-75-85> EDN: OXCJTO

Введение

Любое сообщество, стремящееся к консолидации и стабильному функционированию, уделяет особое внимание идентичности. Идентичность как основополагающий элемент для любого сообщества крайне требовательна к источникам, обозначающим происхождение. Как показывает история, все национальные мифы ориентируются в первую очередь на прошлое, которое зачастую представлено в героических тонах. Современные европейские нации используют события Второй мировой войны как наиболее актуальный источник сюжетов, полезных для формирования национального нарратива. Особый интерес вызывают моменты пересечения двух и более нарративов, причем пересечения не всегда подразумевают консолидированный взгляд

на прошлое. Яркий тому пример — соотнесение взглядов на роль СССР в освобождении Польши. Согласно советской (позже — российской) точке зрения, Советский союз героически принес свободу в Восточную Европу, однако современные восточноевропейские нации подвергают критике данную позицию. Как пример, предлагаем рассмотреть польскую точку зрения через призму материалов Института национальной памяти Польши.

Материалом исследования стали новейшие публикации упомянутого учреждения, относящиеся к периоду 2010–2025 гг. Хронологические рамки источников обусловлены двумя причинами. Во-первых, период после 1989 г. характеризуется в польской общественности и исторической науке поиском и становлением новых идеологических ориентиров, поскольку нарративы прошлой эпохи свою актуальность утратили. Интересным явлением была совместная работа польско-российской комиссии по вопросам прошлого, которая прекратилась в 2000-е гг. Во-вторых, анализируемые материалы предстают фактором, прямо влияющим, формирующим мировоззрение поколений, рожденных с конца 1990-х гг. Это дает возможность предположить, какими будут последствия нарратива, продвигаемого Институтом национальной памяти Польши, когда эти поколения станут главными действующими лицами в польской политике 2020–2040-х гг. Материалы, авторами которых зачастую являются доктора наук, представлены в виде различных книг, брошюр, комиксов и визуальных материалов, произведенных либо в издательстве Института национальной памяти Польши, либо при его явной поддержке.

Цель исследования — анализ интерпретации роли СССР в освобождении Польши от немецкой оккупации на основании изучения нарративов, формируемых Институтом национальной памяти Польши и касающихся событий 1939–1945 гг. В центре исследования располагается историческая память, которая находится в процессе методологического становления, особенно в области практического применения в политике. В связи с тем, что данная сфера еще не сформировала универсальных методов для изучения инструментализации памяти в государственной исторической политике, в исследовании применен комплексный подход, комбинирующий различные приемы для критического анализа нарративов, представленных источниками различного вида, в целях выявления идеологических установок и механизмов, конструируемого учреждением, исторического дискурса.

Анализ материалов Института национальной памяти Польши

Институт национальной памяти Польши (далее — Институт) является государственным учреждением, созданным в 1998 г., его основные задачи — исследование и документирование истории Польши в XX в., особенно периода нацистской и советской оккупаций, т.е. 1939–1980-е гг. В сфере деятельности

Института входит архивная и исследовательская работа, просвещение и коммеморация, а также преследование преступлений против польского народа. Центральным направлением работы Института необходимо считать формирование официальной исторической политики в Польше, включая реализацию идеологической функции. Подобные учреждения имеются во многих современных государствах (например, Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации, Украинский институт национальной памяти, Венгерский комитет национальной памяти, Институт памяти нации в Словакии и пр.), и везде их главной целью является поддержание официального национального нарратива. Существование данных учреждений служит яркой иллюстрацией заинтересованности политических элит в продвижении определенного исторического нарратива (например, ради легитимации своей власти), что ясно подчеркивает инструментальный характер истории и памяти в современном мире.

Современный польский исторический нарратив создает особый образ Польши во Второй мировой войне, который строится на двух главных столпах. Во-первых, современная Польша воспринимает Вторую Речь Посполитую как собственный эталон в рамках национального исторического нарратива, что во многом объясняет трепетное отношение к польской истории межвоенного периода. Во-вторых, Польша считается жертвой внешней агрессии. В материалах Института особенно отмечается, что Польша стала первой страной, отказавшейся повиноваться Гитлеру, и начала вооруженную борьбу [1. S. 79]; с 17 сентября 1939 г. *«судьба героически оборонявшейся страны была решена»* [2. S. 10], а причиной этого авторы источника считают советское вторжение, из-за которого началась война уже на два фронта. Авторы материалов недвусмысленно определяют характер действий Третьего рейха и Советского союза: *«...22 сентября оба оккупанта отпраздновали победу совместным парадом в Бресте. Немного позже, 28 сентября, Советы и Германия подтвердили союз Московским договором „О границах и дружбе“»* [2. S. 10]. В материалах Института Советский союз изначально предстает как агрессор, который также ответственен за начало мировой войны, как и Третий рейх [3. S. 22, 29–30]. Любая страна в данной трактовке (борьба против двух внешних агрессоров) автоматически приобретает в глазах общественности не только роль жертвы, но и роль героя, сопротивляющегося несправедливости, что способствует укреплению национальной мифологии.

Вторая Речь Посполитая стала одной из наиболее ярких представительниц движения Соппротивления немецким войскам: *«...она никогда не попадала в положение государства, сотрудничающего с немцами во время войны... (и. — Н.П.-П.) заплатила за это огромную цену»* [1. S. 82]. В том же героическом ключе подчеркивается активное участие польских граждан в освобождении от немецких войск территорий от Британии и до Африки [1. S. 83–84, 90], что содействует образу страны, борющейся с тоталитарными системами (в рамках

польского исторического нарратива таковыми принято считать Третий рейх и Советский союз). Акцентирование внимания на том, что польские подразделения также активно участвовали в освобождении Европы от оккупации [4], — вполне ожидаемый шаг, ведь данное действие так или иначе включает Польшу в ассоциативную связку со вкладом ведущих стран антигитлеровской коалиции, таких как США, Великобритания и СССР. Мы можем предположить, что с той же целью поддержания репутации страны в глазах мировой общественности отмечаются преступления против польских граждан не только со стороны немецких властей, но и коллаборационистских движений [5].

В материалах по событиям Второй мировой войны уделяется особое внимание защите еврейского населения польским государством. Нередко упоминается судьба семьи Юзефа и Виктории Ульмов, убитых вместе с детьми за помощь евреям [6; 7], а также часто встречаются фрагменты о том, что только в Польше был смертный приговор за выдачу евреев нацистам. В современных европейских исторических нарративах тема Холокоста занимает особое место и сопровождается защитой одной официальной точки зрения, не допуская пересмотра и отрицания. Развитие темы геноцида евреев в рамках национального нарратива становится необходимым шагом для формирования правильного имиджа истории страны, особенно когда данная тема включена в нарративы соседних европейских стран.

Важно понимать, что СССР, в целом, объективно воспринимается польской стороной как враг, претендующий на Восточные Кресы — важную часть польского культурного мира и национальной идентичности [8. С. 262–266]. Негативный образ Советского Союза подкрепляется выпускаемыми Институтом материалами, в которых освещаются репрессии советских властей против польского населения [1. С. 84–85]. Эффективным инструментом воздействия становятся истории из жизни людей, насыщенные красочными подробностями, а также статистические данные¹. Образ Советского союза дополняется *«беспрецедентным в мировой истории решением об убийстве более 20000 польских офицеров, полицейских и чиновников, содержащихся... в лагерях и тюрьмах НКВД»* [1. С. 85], так авторы материалов обращаются к истории Катынского преступления. Катынская трагедия, ее репрезентация, встречается крайне часто в материалах Института и историческом нарративе Польши, где при малейшей связи Катынский расстрел будет обязательно отмечен [9. С. 9]. Данное событие также работает в пользу негативизации образа СССР, особенно учитывая его сложный путь от полного отрицания до признания на государственном уровне [10. С. 422–427].

¹ См.: Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 году. Москва — Варшава : Федеральная служба безопасности Российской Федерации, Министерство внутренних дел и администрации Республики Польша, Институт национальной памяти — Комиссия по преследованию преступлений против польского народа, 2003. 752 с.

Нападение Германии на СССР стало важным моментом, ведь, с польской точки зрения, *«пока Красная Армия терпела поражения, советский тоталитаризм не угрожал Польше напрямую»* [1. S. 90]. Материалы Института отмечают стремление Польши нормализовать отношения с враждебным СССР, чтобы вызволить своих граждан и создать польские военные части, подчиненные польским властям [1. S. 91]. Согласно материалам Института, Сталин *«саботировал советско-польские отношения», «препятствовал освобождению польских граждан»* и расширил свою агентуру на польских территориях [1. S. 91], начав уже летом 1941 г. диверсию против польского подпольного государства [3. S. 102]. Конечным штрихом к формируемому образу стал разрыв польско-советских отношений в 1943 г., что *«фактически... стало началом новой советской агрессии против (Польши. — Н.П.-П.)»* [1. S. 96]. Наконец, авторы материалов отмечают, что *«к сожалению, преступная природа советского тоталитаризма не изменилась»* [1. S. 91]. Таким образом, в материалах конструируется следующая картина: польская сторона всячески стремилась к нормализации отношений, но Советский союз все равно продолжал враждебные действия против Польши в формах агрессивной дипломатии и военно-полицейского террора [1. S. 97], отсюда проистекает постоянное недоверие.

Материалы Института заявляют, что с января 1944 г. начинается новый этап порабощения страны [3. S. 44]. *«С 1944 года Советские Вооруженные Силы и НКВД принимали участие в ликвидации движения Сопротивления, его независимости и подпольных структур, подчиняющихся конституционным властям Республики Польши в изгнании»* [1. S. 101] — данные замечания подчеркивают враждебность советской стороны по отношению к легитимным польским властям, что имеет свою функциональную роль в рамках исторического нарратива Польши.

Действия СССР против нацистской Германии, включая ключевые события на Восточном фронте, в материалах Института практически не освещаются и зачастую представляются в негативном ключе. Упоминается перелом в ходе Сталинградской битвы 1942–1943 гг., но в особом контексте: *«...для Сталина это открывало путь к реализации имперских планов в Европе. В них не было места для свободной и независимой Польши»* [1. S. 96]. Интересна оценка советского способа ведения войны: *«Со временем русские стали требовать, чтобы отдельные польские дивизии отправлялись на фронт быстро, не дожидаясь формирования остальных, что привело бы к их уничтожению в короткие сроки — особенно с учетом советского способа ведения боевых действий, не учитывающего собственные потери»* [3. S. 95]. Фигурирует также Висло-Одерская (Январская) операция Красной армии в 1945 г., но важным являются не военно-стратегические особенности ее осуществления, а то, что она, как заявляется в материалах, приведет *«к оккупации центральных и западных территорий послеялтинской Польши»* [11. S. 23–24].

Материалы в своем содержании акцентируют внимание на ущербе от советских войск. Институт выделяет два типа преступлений Красной армии: 1) преступления против гражданского населения и 2) преступления против польского подпольного государства [11. С. 25]. *«Советы систематически грабили новые территории страны, опустошенные войной, вывозя в СССР промышленное, энергетическое и коммуникационное оборудование»* [1. С. 101] — заявляется в материалах. Современные публикации Института конструируют облик Красной армии следующим образом: Красная армия не считается с правом собственности и конфискует для себя все, что пожелает [11. С. 40]; *«после изгнания немцев солдаты Красной армии уничтожили культурные ценности в десятках оккупированных польских поместьях и дворцах»* [3. С. 137]; *«...коммунисты начали отбирать у польских помещиков их имущество и уничтожать его. Это был первый этап разрушения существующей социальной структуры страны»* [3. С. 137]; *«красноармейцы относились к полякам как к покоренной нации»* [11. С. 31–32]; солдаты Красной армии терроризировали польское население [11. С. 31]; марш частей Красной армии через Польшу, вместе с советскими гарнизонами, госпиталями и тыловыми формированиями поднимал уровень преступности [11. С. 22]. Заметим, что Институт уделяет немалое внимание источникам, имеющим происхождение из среды Армии Крайовой, оставляя без внимания источники Армии Людовой, нивелируя роль последней.

Институтом активно сохраняются сведения о героических подвигах и деятельности отдельных людей в страшнейших условиях войны и вражеской оккупации. Например, нередко встречаются биографические материалы о таких героях, как Кшиштоф Камиль Бачинский (1921–1944) [12], св. Максимилиан Мария Кольбе (1894–1941), Ванда Мадлер (1890–1969) [13], Мариан Реевский (1905–1980) [1. С. 101], Матильда Гетгер (1870–1968) [14] и др. Однако многие герои войны против нацистов были также активными участниками антикоммунистического движения, что отчетливо видно в современной польской исторической памяти и материалах Института. Таковыми фигурами, часть из которых представлена в особой серии «Архив польских судеб», являются: Витольд Пилецкий (1901–1948), Тадеуш Гайда (1924–1946) [9], Веслав Будзик (1920–1946) [9], Адам Домалик (1925–1948) [15], Антоний Вонсович (1922–1948) [15], Тадеуш Радваньский (1925–1948) [16], Феликс Сельманович (1904–1946) [17], Юзеф Курась (1915–1947) [18], кс. Владыслав Гургач (1914–1949) [19], Станислав Лудзя (1923–1950) [20], Войцех Стыпула (1904–1944) [21], Миколай Мазур (1918–1951) [22], Владыслав Новак (1921–1951) [22], Мечислав Соколовский (1908–1946) [23], Здзислав Бадеха (1925–1946) [24], Тадеуш Зайончковский (1924–1946) [25] и др. Выборка героев, составляющих национальный нарратив, — один из важнейших элементов исторической памяти и хорошо иллюстрирует актуальные идеи. «Проклятые солдаты», участники

послевоенного антикоммунистического движения в Польше, в современной Польше реабилитируются на основании того, что их «*деятельность осуществлялась во имя независимого существования польского государства*» [23. S. 36].

Активно используется для негативизации действий советской армии отдельный болезненный сюжет — события Варшавского восстания 1944 г. Институт имеет следующий взгляд на произошедшее: «*Повстанцы сражались в одиночку, несмотря на непосредственную близость советского фронта. Москва делала все, чтобы обеспечить падение восстания. Сталин остановил наступление Красной армии под Варшавой, отказавшись от своих прежних планов атаковать город. Он дал Гитлеру время полностью уничтожить польские войска. Во время величайших успехов восстания СССР не позволил союзникам усилить авиационную поддержку сражающейся Армии Крайовой. Советы жестоко уничтожили части Армии Крайовой, которые шли на помощь восстанию. Немцы делали то же самое на своей стороне фронта... Воспользовавшись советским бездействием, в последующие месяцы по приказу Гитлера они (немецкие войска — Н.П.-П.) беспрепятственно уничтожали целые районы Варшавы*» [1. S. 99–100].

Данная точка зрения активно преподносится молодому поколению, приобщая его к национальному историческому нарративу, который станет базой для формирования особой идентичности. Образ антисоветского сопротивления 1944–1947 гг. хорошо дополняется молодыми лицами борцов с «советской оккупацией» [26], что оправдывает их деятельность и располагает к восприятию молодежью. Институт умело использует визуальные приемы в коммеморации прошлого (например, различные изображения и карты, отражающие определенную точку зрения и сопровождающиеся методическими рекомендациями для учителей [27]). Важно понимать, что визуальные материалы наиболее эффективны как инструмент для трансляции информации в среде молодого поколения. Отметим комикс «Освобождение? 1945» [28], в котором активно проводятся героизация образа проклятых солдат и укрепление образа СССР не как страны-освободительницы, а как оккупанта. В материалах недвусмысленно дается характеристика роли СССР в событиях 1939–1945 гг.: «*В глазах поляков трагический опыт советской оккупации 1939–1941 годов утвердил образ диктатуры Иосифа Сталина как не менее деспотичного государства, чем государство Адольфа Гитлера*» [3. S. 101]; «*Советы принесли новое порабощение в Центральную и Восточную Европу, а покоренные народы подвергались террору, одним из элементов которого были преступления и правонарушения, совершаемые в основном безнаказанными советскими солдатами*» [11. S. 23]. Все вышеперечисленные материалы работают в пользу польской концепции двух оккупаций [1. S. 88–89]: первая оккупация была

со стороны Третьего рейха (1939–1944 гг.), а вторая — со стороны СССР (1944–1980-е гг.). Для современных польских историков данная концепция если не стала определяющей, то выполняет корректирующую функцию. Учитывая же активную государственную поддержку Института, можно утверждать, что она носит обязательный характер.

В данном контексте особенно примечательна и показательна риторика относительно итогов войны. Результат продвижения советских войск обозначил К. Навроцкий, директор Института: *«Хотя Польша и возвращалась на карту Европы (по итогам войны — Н.П.-П.), но была усечена территориально и не была суверенной. С помощью советских штыков была установлена новая коммунистическая власть»* [2. С. 16]. Схожий нарратив есть и у других авторов: *«В последние годы войны (Польша — Н.П.-П.) стала жертвой новой советской агрессии. Почти половина ее территории была вновь аннексирована СССР, а остальная часть была порабощена коммунистической диктатурой, зависимой от Москвы»* [1. С. 102]. Появившаяся социалистическая Польша современными авторами воспринимается как чужеродная, насажденная извне и не имеющая поддержки у населения: *«Коммунисты имели маргинальную социальную базу, и только благодаря Советам они смогли удержаться у власти»* [1. С. 102].

Заключение

Анализ материалов Института национальной памяти Польши показывает принципиальное расхождение польской и советской точек зрения в оценках роли СССР в освобождении Польши от немецкой оккупации. Современный исторический нарратив Польши активно конструируется Институтом национальной памяти вокруг идеи национальной свободы и сопротивления тоталитарным империям (согласно концепции «двух оккупаций»), в числе которых однозначно фигурирует СССР, действия которого приравниваются к преступлениям Третьего рейха. Траектория данного процесса направлена на укрепление символической связи с наследием Второй Речи Посполитой и отказ от идеологического наследия Польской Народной Республики, которая воспринимается как чуждая система, навязанная агрессором. В рамках данного подхода героями становятся борцы с коммунистическим режимом, такие как бойцы Армии Крайовой и «проклятые солдаты», а вклад СССР в освобождение Польши от нацистской оккупации либо замалчивается, либо подвергается резкой критике и подается исключительно через призму последующей «советизации». Положительные аспекты, такие как послевоенное восстановление страны, игнорируются, а любые попытки пересмотра роли СССР ограничиваются законом о запрете пропаганды

коммунизма². Институт национальной памяти Польши, регулируя исторические исследования и формируя образ межвоенной Польши как «потерянного рая», строит национальную идентичность на противопоставлении независимой Польши тоталитарным режимам, что соответствует современному единому общеевропейскому историческому нарративу. Однако данный подход не оставляет места для свободной оценки сложных и противоречивых событий прошлого, включая роль СССР в освобождении Польши.

Список литературы / References

1. Kamiński Ł, Korcuć M. *Przewodnik po historii Polski*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2022. (In Pol.).
2. Nawrocki K. *Pakt zbrodniarzy. Toast za Hitlera, który zmienił świat*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2022. 16 s. (In Pol.).
3. Korcuć M. *Walcząca Rzeczpospolita 1939–1945*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2019. (In Pol.)
4. Voorde JV, Verbeke D. *Zapomniani bohaterowie. Śladami polskich wyzwolicieli: z Arromanches do Wilhelmshaven*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2024. (In Pol.).
5. Tomkiewicz M. *The Ponary Crime 1941–1944*. Warszawa: The Institute of National Remembrance — Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation, 2025.
6. *Pomoc niesiona ludności żydowskiej na Kresach Południowo-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1941–1944*. Wrocław: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2022. (In Pol.).
7. Domański T, Gontarek A. *Nie tylko o Ulmach. O pomocy udzielanej Żydom przez Polaków podczas okupacji niemieckiej w latach 1939–1945*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2023. (In Pol.).
8. Petukhov-Panagushin NA. “Lost but not lost”: Eastern Borderlands in modern Polish historical memory. *Sciff. Questions of Students Science*. 2024;(4):262–266. (In Russ.). EDN: FPHHJE
Петухов-Панагушин Н.А. «Потеряно, но не утрачено»: Восточные Кресы в современной польской исторической памяти // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. №4 (80). С. 262–266. EDN: FPHHJE
9. Wenklar M. *Tadeusz Gajda „Tarzan”. Wiesław Budzik „Roland”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2019. (In Pol.).
10. Petukhov-Panagushin NA. The Katyn massacre as an example of the development of historical memory and the recognition of responsibility for a crime. In: *Student — Issledovatel' — Uchitel' : materialy 24-y mezhvuzovskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii*. 2023. P. 422–427. (In Russ.). EDN: AAWOJC
Петухов-Панагушин Н.А. Катынский расстрел как пример развития исторической памяти и признания ответственности за преступление // Студент — Исследователь — Учитель : материалы 24-й межвуз. студ. науч. конф. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2023. С. 422–427. EDN: AAWOJC

² Ustawa z dnia 1 kwietnia 2016 r. o zakazie propagowania komunizmu lub innego ustroju totalitarnego przez nazwy jednostek organizacyjnych, jednostek pomocniczych gminy, budowli, obiektów i urządzeń użyteczności publicznej oraz pomniki. Sejm Rzeczypospolitej Polskiej. URL: <https://isap.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU20160000744/U/D20160744Lj.pdf> (дата обращения: 18.06.2025).

11. Golik D, Musiał F, Pięciak K. *Armia Czerwona w Małopolsce w 1945 roku*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2024. (In Pol.).
12. Klimczak P. *Krzysztof Kamil Baczyński*. Łomża: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2022. (In Pol.).
13. Woś W. *Wanda Madler (1890–1969)*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2025. (In Pol.).
14. Frącek TA. *Mother Matylda Getter*. Warsaw: The Institute of National Remembrance — Commission for the Prosecution of Crimes against the Polish Nation; 2022.
15. Golik D. *Adam Domalik „Kowboj”. Antoni Wąsowicz „Roch”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2020. (In Pol.).
16. Surdacki R. *Tadeusz Radwański „Kostek”. „Wyklęty” z Annopola (1925–1948)*. Lublin: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2021. (In Pol.).
17. Rychert I. *Jeden z „wyklętych”. Feliks Selmanowicz „Zagończyk” (1904–1946)*. Gdańsk: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2016. (In Pol.).
18. Korcuć M. *Józef Kuraś „Ogień”. Podhalańska wojna 1939–1935*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2011. 407 s. (In Pol.).
19. Golik D, Szczypta-Szczęch RKs. *Władysław Gurgacz SJ*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2017. (In Pol.).
20. Golik D. *Stanisław Ludzia „Harnaś”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2019. (In Pol.).
21. Siewiec-Cielebon M. *Wojciech Stypuła „Bartek”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2020. (In Pol.).
22. Pięciak K. *Mikołaj Mazur „Pasek”. Władysław Nowak „Groźny”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2019. (In Pol.).
23. Chrzanowska-Pietrzak A. *Mieczysław Sokołowski 1908–1946*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2025. (In Pol.).
24. Borkowski Ł. *Zdzisław Badocha „Żelazny” 1925–1946. Niezłomny z Zagłębia*. Katowice: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2020. (In Pol.).
25. Pięciak K. *Tadeusz Zajączkowski „Mokry” i oddział partyzancki „Błyskawica” — „Huragan”*. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2020. (In Pol.).
26. Mysiakowska-Muszyńska J, Muszyński WJ. *Polska pod reżimem komunistycznym. Sprawdzanie z sytuacji w kraju 1944–1949*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej; 2015. (In Pol.).
27. Jaczyńska A, Poleszak S. *Polskie podziemie niepodległościowe 1944–1963*. Instytut Pamięci Narodowej. Available from: <https://edukacja.ipn.gov.pl/edu/materialy-edukacyjne/teki-edukacyjne/polskie-podziemie-niepodleglos> (Accessed: 18 July 2025). (In Pol.).
28. Zajączkowski S, Wyrzykowski K, Krajewski K, Łabuszewski T. *Wyzwolenie? 1945*. Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Pamięci Narodowej, 2010. (In Pol.).

Информация об авторе:

Петухов-Панагушин Никита Александрович — студент магистерской программы «История и теория наций и проблемы национализма», Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, e-mail: nikita.petukhov.panagushin@gmail.com ORCID: 0009-0006-0822-4174. SPIN-код: 1199-8474.

Information about the author:

Nikita A. Petukhov-Panagushin — master’s student in the program “History and Theory of Nations and the Issues of Nationalism”, Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation, e-mail: nikita.petukhov.panagushin@gmail.com ORCID: 0009-0006-0822-4174. SPIN-code: 1199-8474.



ВОСТОК — ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104

EDN: OUOXGK

Научная статья / Research article

Российские банковские учреждения и торговые интересы в Персии на рубеже XIX–XX вв.

Г.Г. Корноухова 

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Аннотация. Рассмотрена история возникновения в Персии сети банковских учреждений, принадлежавших соперничавшим между собой державам — Российской империи, Великобритании и Германии. Анализ документов по проекту открытия в Персии российскими предпринимателями агентств Тифлисского коммерческого банка помог выявить наличие больших рисков, которые присутствовали на персидском рынке, что удержало закавказское купечество от реализации намеченного плана. Показано, что со всеми ними пришлось столкнуться действовавшему под контролем российского правительства Учетно-судному банку Персии. Автор приходит к выводу о плодотворности работы российского банковского учреждения в Тегеране — благодаря усилиям банковского руководства к началу XX в. треть тегеранского рынка была представлена российскими товарами, в то время как традиционно этот город был закрыт для российских экспортеров. Однако выбранная банком стратегия поведения, нацеленная на соперничество с российскими предпринимателями в Персии, негативно сказывалась на состоянии российской торговли в этой стране в целом. В деле поддержки частных коммерсантов банк продемонстрировал недостаточно большую эффективность, а в годы Первой мировой войны, по объективным причинам, данная функция и вовсе сошла на нет.

Ключевые слова: банки Российской империи, колониальные банки, империализм, Средний Восток, Иран, экономическая история, внешняя торговля России, экономическая инфраструктура, российско-иранское трансграничье

© Корноухова Г.Г., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00648 «Развитие экономической инфраструктуры российско-иранского трансграничья (вторая половина XIX — начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 15.09.2025; принята к публикации 10.11.2025.

Для цитирования: Корноухова Г.Г. Российские банковские учреждения и торговые интересы в Персии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 86–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104> EDN: OUOXGK

Russian banking institutions and trade interests in Persia at the turn of 19th — 20th centuries

Gadilya G. Kornoukhova 

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ Kornoukhova-gg@rudn.ru

Abstract. The author examines the history of the emergence of a network of banking institutions in Persia belonging to rival powers — the Russian Empire, Great Britain, and Germany. An analysis of documents on the project to open agencies of the Tiflis Commercial Bank in Persia by Russian entrepreneurs revealed the significant risks inherent in the Persian market, which deterred Transcaucasian merchants from implementing their plan. It is shown that the Discount and Loan Bank of Persia, operating under the control of the Russian government, had to face all of these risks. The author concludes that the Russian banking institution's work in Tehran was fruitful — thanks to its efforts, by the early 20th century, a third of the Tehran market was represented by Russian goods, whereas traditionally it was closed to Russian exporters. However, the bank's chosen strategy of competing with Russian entrepreneurs in Persia negatively impacted Russian trade in that country as a whole. The bank demonstrated insufficient effectiveness in supporting private merchants, and during the First World War, for objective reasons, this function ceased to exist altogether.

Keywords: banks of the Russian Empire, colonial banks, imperialism, Middle East, Iran, economic history, Russian foreign trade, economic infrastructure, Russian-Iranian borderland

Funding. The study is supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-00648 “Development of the economic infrastructure of the Russian-Iranian cross-border (second half of the 19th — early 20th century),” <https://rscf.ru/project/24-28-00648/>

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 15.09.2025; accepted 12.11.2025.

For citation: Kornoukhova GG. Banking institutions in Persia and the interests of Russian trade at the turn of the 19th — 20th centuries. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):86–104. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-86-104> EDN: OUOXGK

Введение

Обращение к банковскому кредиту в современной предпринимательской деятельности является естественной и обыденной практикой. В Российской империи банковские учреждения начали активно открываться во второй половине XIX в., что, безусловно, способствовало оживлению экономической жизни страны [1]. Постепенно кредитные организации стали возникать и в районе южного фронта (в первую десятку по кредитным операциям входили банки в Баку и Тифлисе, заметный кластер расчетов был у среднеазиатских банков) [2. С. 85, 89], тесно связанного в торговом отношении с соседним государством — Персией.

В современной историографии плодотворным изучением темы функционирования российских банков в Центральной Азии занимается узбекский исследователь Б.А. Алимджанов [3–5]. Свое внимание он уделяет в т.ч. и Русско-Азиатскому банку, имевшему отделение в Асхабаде, купечество которого вело бойкую торговлю с северо-восточной провинцией Персии — Хорасаном. Автор также указывает, что банк пытался вести торговые операции за собственный счет: в 1916 г. он экспортировал в Персию 34 вагона сахара-рафинада и 23 вагона сахарного песка, в то время как на внутреннем рынке было продано лишь 10 вагонов рафинада [6. С. 19].

Гораздо меньше внимания уделяется развитию банковской системы в Закавказье [7], хотя сам регион в экономическом отношении привлекает к себе внимание современных исследователей [8–10].

Что касается работы российских банковских учреждений на территории Персии, то эта тема получила основательное освещение уже в советский период в публикациях крупного ученого Б.В. Ананьича. Автором раскрывается роль банка в организации займов и концессионной политике царского правительства в Персии на рубеже XIX и XX в. [11; 12]. Исследование в основном посвящено рассмотрению проблемы усиления политического влияния России в соседней стране на фоне ее борьбы с Великобританией. Развитие же российско-персидской торговли имеет подчиненный характер.

В этом же ключе анализ российско-персидских отношений представила И.К. Павлова [13].

Другой подход использует С.А. Саломатина, которая рассматривает деятельность Учетно-ссудного банка Персии в экономическом аспекте, сосредоточившись на сопоставлении финансовых показателей данного учреждения с другими «имперскими банками» — Русско-Китайским и Русско-Азиатским. Исследователь приходит к выводу, что сходство Учетно-ссудного банка Персии по размерам активов со средним провинциальным акционерным банком, уступавшим многофилиальным универсальным банкам Петербурга и Москвы, несколько смягчает сложившийся его образ как «мощного оружия» в руках царизма в «экспансионистской политике» России на Среднем Востоке [14. С. 576].

Цель исследования — реконструировав историю создания и функционирования российских банковских учреждений на территории Северной Персии, определить эффективность их деятельности в развитии российско-персидской торговли на рубеже XIX–XX вв.

Условия кредитования в Персии и попытка открытия агентств Тифлисского коммерческого банка

Низкая платежеспособность персидских купцов значительно тормозила развитие российско-персидской торговли. При этом русское купечество явно проигрывало своим британским конкурентам в вопросе кредитования персидских деловых партнеров. Так, в отчете Нижегородского губернатора о ходе ярмарочной торговли в 1889 г. сообщалось, что русские фабриканты передают персам свои товары в кредит на срок от 7 до 12 месяцев под 15 % годовых, тогда как английские товары в Персии продавались на срок 24 месяца всего под 4–5 % годовых¹.

В то же время в самой Персии отсутствовали кредитные учреждения, которые помогали бы иранским предпринимателям получать финансовую поддержку. В этих условиях кредитование в Персии имело ростовщический характер. Оно осуществлялось под выдаваемые за высокие проценты залого, стоимость которых намного превышала предоставленную в займы сумму.

Продажа товара в долг осуществлялась обыкновенно под вексели (тамассук) с раскладкой уплаты на несколько сроков, составлявших в совокупности от 6 до 20 и более месяцев. Перевод денег производился при помощи переводных писем (бератов), действовавших 15, 20, 30 и более дней по предъявлении. Все переводы денежных сумм из одного места в другое совершались при посредстве частных лиц, принадлежавших исключительно к купеческому сословию.

Чрезвычайно оживленно российско-персидская торговля велась через Закавказье. Усилиями местного купечества в 1872 г. здесь открылся Тифлиссский коммерческий банк с капиталом в 2 млн руб. серебром. В информационной записке сообщалось, что значение банка заключается в том, что учредители планируют установить правильные денежные сношения с Персией и открыть агентства или конторы банка в таких персидских городах как Тавриз, Тегеран, Решт, а также в Мазендеранской провинции. Прежде чем приступить к этому учредители сделали запрос в Министерство иностранных дел Российской империи о возможности получить от персидского правительства ряд льгот, а именно: 1) избавление банка, его контор и агентств в пределах Персии от платежа всяких налогов и повинностей

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

в пользу государства и городов в течение 25 лет; 2) предоставление банку на это же время исключительной привилегии на открытие банкирских контор в городах Персии; 3) предоставление банку на тот же срок выпуска акций и облигаций промышленных и других предприятий в пределах Персии; 4) осуществление персидским правительством денежных переводов, платежей и получение наличных средств во всех европейских городах; 5) предоставление банку преимуществ в случае постройки в Персии, в течение означенного срока, железных дорог².

Через некоторое время последовал ответ от трех российских дипломатических представителей: из Гиляна, Тавриза и Зергенде. Ни один из них не рекомендовал открывать банковские учреждения в запланированных для этого городах. Даже относительно такого бойкого в торговом отношении Тавриза в донесении говорилось, что «при всеобщем недостатке денег во всей Персии вряд ли возможно надеяться, чтобы банк мог делать сколько-нибудь выгодные обороты. Устройство здесь агентства или конторы потребует значительных годовых постоянных издержек и нельзя надеяться, чтобы обороты конторы покрывали их»³.

Столичный город Тегеран также характеризовался как не представлявший собой ценности с точки зрения денежных оборотов: «Торговля здесь с Европою ограничивается привозом незначительного количества товаров собственно для шаха и для его гарема. Переводы же из Европы в Персию денег, причитающихся пребывающим здесь иностранным миссиям, обыкновенно производятся через находящихся в Персии 2–3 европейских торговых дома. Как эти последние, так и миссия с трудом откажутся от этих операций, представляющих обоюдные выгоды при дисконте векселей»⁴.

Что касается остальных льгот, то из Российского Генерального консульства в Азербайджане последовали четкие ответы в порядке их упоминания в запросе. По первому пункту было написано, что «не представляется решительно никаких затруднений», поскольку на основании административной системы Персии, не только европейские, но и сами персидские коммерсанты не платили абсолютно никаких налогов и не несли никаких повинностей в пользу государства или городов.

Однако, что касается предоставления исключительных привилегий банку на открытие банкирских контор в Персии, то на это, напротив, был дан отрицательный ответ. Генеральный консул сообщил, что это «вещь невозможная», поскольку все торговые переводы и вексельные обороты производились здесь почти исключительно европейскими торговыми домами,

² Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 144. Оп. 488. Д. 1807. Л. 1–1 об.

³ Там же. Л. 6 об. — 7.

⁴ Там же. Л. 10.

и персидское правительство не имело возможности «принудить частных лиц прекратить свои коммерческие обороты»⁵.

Относительно выпуска облигаций было сказано, что данная операция вообще невозможна из-за отсутствия в Персии каких-либо промышленных предприятий.

По четвертому пункту поступил ответ следующего содержания: «Персидское правительство <...> с удовольствием согласилось бы производить свои денежные уплаты через посредство банка в разные места Европы, но едва ли подобного рода сделка может быть выгодна для банка». Далее следовало разъяснение, что сумма высылаемых персидским правительством денег на содержание своих дипломатических и коммерческих агентств в Европе не превышала 50 тыс. туманов. Деньги эти получались обыкновенно поверенными этих агентств с Тавризской таможни со значительными промедлениями, которых банк не будет иметь возможности допускать⁶.

В донесении Российской императорской миссии в Персии, поступившем из Зергенде, также подтверждалось, что размеры денежных оборотов Персии с Европой крайне ограничены. По поводу же передачи Тифлисскому банку железнодорожной концессии были высказаны большие сомнения⁷.

В завершении содержалась рекомендация банку «ограничиться тесным кругом деятельности, принимая на себя операции лишь вполне верные» и не распространять их на внутреннюю персидскую торговлю. Предостережение рисовало печальную перспективу в случае отказа внять совету: «...при крайней недобросовестности персиян, затрудняющей чрезвычайно все кредитные дела с туземцами, и в виду полного отсутствия судебных учреждений, могущих понудить неисправных должников к немедленной уплате, с одной стороны, банк будет терпеть значительные убытки, с другой — императорская миссия вынуждена будет непрестанно иметь с персидским правительством самые неприятные и запутанные дела...»⁸.

Таким образом, российские представители в Персии, трезво оценивая ситуацию в стране, предостерегали своих соотечественников от неоправданных рисков.

Английский Имперский банк Персии vs российское Ссудное общество Персии и Московский международный торговый банк

Попытки европейцев учредить банковское дело в Персии также не сразу увенчались успехом. Первой из них стало британское предприятие Oriental Bank, основанное в 1845 г., но просуществовавшее недолго. В 1888 г. свои

⁵ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 1807. Л. 5

⁶ Там же. Л. 6–6 об.

⁷ Там же. Л. 8 об., 10 об.

⁸ Там же. Л. 12–12 об.

отделения в Персии открыл New Oriental Bank, который тоже через год закрылся [15. С. 118].

В 1889 г. британский концессионер Юлиус Рейтер учредил Imperial Bank of Persia (Имперский банк Персии или Шахиншахских банк Ирана). Его правление размещалось в Лондоне; в Персии же правление и главная контора находились в Тегеране, а отделения — в Тавризе, Мешхеде, Реште, Иезде, Исфагане, Ширазе и Бушире. Главная деятельность Имперского банка Персии заключалась в продаже и покупке переводов, как внутренних, так и заграничных, операции наиболее важной и необходимой для персидской торговли [15. С. 119, 123].

Между тем появление Имперского банка не покрыло потребность Персии в предоставлении коммерческого кредита местным предпринимателям.

С течением времени для российского правительства все более очевидным становилось, что тормозило развитие российско-персидских торговых отношений отсутствие в Персии сильного кредитного учреждения. Эти выводы были сделаны в т.ч. и в результате общения министра финансов И.А. Вышнеградского с персидскими купцами во время его пребывания в августе 1890 г. на Нижегородской ярмарке. Последние ходатайствовали о разрешении Бакинскому отделению Государственного банка производить выдачу ссуд кредитными билетами под залог персидских серебряных монет (кранов и туманов). Это побудило министра финансов по возвращении в Санкт-Петербург передать на обсуждение правления Государственного банка вопрос о том, «не может ли быть допущена и на каких основаниях выдача ссуд из банка, <...>, под более крупную персидскую монету (туманы)»⁹.

1870-е — 1890-е гг. было временем восхождения в предпринимательской сфере звезды братьев Поляковых. Старший из них, Яков Соломонович Поляков смог получить 21 апреля 1890 г. от персидского шаха концессию на учреждение Ссудного общества Персии, которое начало действовать в Тегеране с 1891 г.

Уставом, утвержденным персидским правительством 6 мая 1891 г., банку было предоставлено производство ссудных операций под залог всякого рода процентных бумаг, векселей, товаров и всяких других ценностей и предметов; производство аукционов и продаж по вольной цене; устройство товарных складов; учет и переучет и всякого рода операции¹⁰.

Согласно параграфу 7 концессионного договора, шахская казна получала 10 %, а учредитель или его наследники, или правопреемники — 25 % чистой прибыли. Остальные 65 % должны были выплачиваться акционерам. Кроме того, за дарованную ему монополию аукционных продаж, банк должен

⁹ РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 6–6 об.

был уплачивать по прошествии каждого операционного года 1 тыс. туманов в тегеранскую казну¹¹.

За три года своей работы банк так и не успел развить свои операции, на что было несколько причин. В отличие от английского Имперского банка Персии российское Ссудное общество Персии не имело отделений в других городах страны, из-за чего не могло заниматься переводами, а выдача ссуд под товары не была востребованной в столичном городе, поскольку из Тегерана ничего не вывозилось. К этим обстоятельствам следует прибавить большие расходы, связанные с предоставлением подарков персидским сановникам за содействие в приобретении концессии: в первые годы работы банка его основной капитал был наполовину поглощен расходами этого вида. Убытки банку принесло и падение курса серебра в 1893 г., к которому была привязана персидская валюта [15. С. 125].

В 1892 г. в Тегеране свое отделение открыл также Московский международный торговый банк, принадлежавший Лазарю Соломоновичу Полякову¹². Но коммерческих операций, несмотря на свое название, это учреждение практически не осуществляло. Его открытие было связано с необходимостью обеспечить другие персидские предприятия Полякова (Товарищество для торговли и промышленности, страховое и транспортное общество) денежными переводами. Поэтому тегеранское отделение Московского Международного торгового банка следовало считать дополнением к другим, принадлежавшим Л.С. Полякову предприятиям [15. С. 125]. Постепенно персидское направление этого банка полностью перешло в ведение государственного Учетно-ссудного банка Персии [14. С. 572].

Таким образом, работа двух российских банков не оказала никакого заметного влияния на улучшение ситуации в вопросе кредитования участников российско-персидской торговли.

Ссудный банк Персии

Вступивший 30 августа 1892 г. на пост министра финансов С.Ю. Витте распорядился «войти в соображение» по поводу командирования в Персию «особого лица» для изучения денежного рынка, дабы решить, «что безопасней всего сделать для воспособления русской торговле» и не представляется ли возможным учреждение в Персии отделения Государственного банка¹³.

К апрелю 1894 г. у С.Ю. Витте уже было ясное представление о стратегии дальнейшего поведения. В этом же году Я.С. Поляков обратился к министру финансов с предложением о приобретении Государственным банком

¹¹ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 8.

¹² РГИА. Ф. 20. Оп. 7. Д. 183. Л. 118 об.

¹³ Там же.

учрежденного им акционерного дела в Тегеране¹⁴. Поступившее предложение получило немедленный положительный отклик — Витте составил служебную записку о необходимости сделать это. 4 апреля 1894 г. на заседании Комитета финансов содержание записки было рассмотрено и одобрено.

В своей записке С.Ю. Витте указал на неудовлетворительные результаты российской торговли в Персии, несмотря на непосредственное соседство ее с Россией, даже «в ближайших к российским пределам северных и самых богатых провинциях Персии — Азербайджане, Гиляне, Мазендеране и Хорасане». Причин такого «ненормального положения» министр считал несколько: плохие пути сообщения, отсутствие товарных складов, дороговизна капиталов в обеих странах и, наконец, «отсутствие сильного русского кредитного учреждения»¹⁵.

С.Ю. Витте пояснял в своей записке, что имеющиеся частные акционерные предприятия, «по недостаточности средств», не могли самостоятельно переломить ситуацию, а московские торговые фирмы, обладавшие значительными средствами, уклонялись «от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка». Наконец, Государственный банк не мог открыть в Тегеране своего отделения «без возбуждения политических затруднений». Поэтому самым лучшим способом образовать в Персии кредитное учреждение с большими средствами, «достаточно могущественное для служения развитию русской торговли в Персии и укреплению за Россией подобающего ей преобладания», с точки зрения С.Ю. Витте, было приобретение Государственным банком ссудного общества Я.С. Полякова к этому времени получившего название «Ссудный банк Персии»¹⁶.

Говоря о задачах банка министр финансов настаивал, что основным должно было быть содействие российской торговле в Персии и сбыту туда «русских фабрикатов». Для этого банку надлежало облегчить переводы из России в Персию и обратно, производить учет векселей российских торговцев и выдавать ссуды под отечественные товары, ввозившихся в Персию.

Развив свои операции в Тегеране, банк в дальнейшем должен был открыть отделение в Тавризе и в Мешехе и таким образом «содействовать упрочению русского торгового преобладания во всей северной Персии и вытеснению оттуда английских произведений»¹⁷.

Предложение С.Ю. Витте члены Комитета финансов поддержали, и 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управление Ссудным банком Персии [12. С. 17].

Позиции российской торговли в Тегеране к этому времени были очень слабыми. Еще 1880-е гг. ситуацию в пользу России собственными силами

¹⁴ РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 331. Л. 2.

¹⁵ Там же. Л. 2 об., 3 об.

¹⁶ Там же. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 9.

попытался изменить российский текстильный производитель Н.Н. Коншин. В 1884 г. он открыл там свой склад и приступил к заводу хлопчатобумажных тканей, которые продавались по образцам или наличным товаром. Однако торговля не приносила прибыли, и в 1890 г. ее пришлось свернуть [16]. С тех пор картина на тегеранском рынке мало поменялась, и появление там такого сильного игрока, как Учетно-ссудный банк Персии, должно было переломить ситуацию в пользу России. Действительно, показатели 1901 г. свидетельствуют о серьезном увеличении объема ввозимых в Тегеран российских товаров Ссудным банком Персии. Так, если в 1900 г. им было выписано товаров на сумму 74 024 руб., то в 1901 г. (с 1 мая по 15 декабря) уже на сумму 1 183 140 руб. Основной род товаров составляли мануфактура (725 680 руб.) и сахар (243 600)¹⁸. Банк закупал товары у российских производителей и транспортировал их в Тегеран — город, который традиционно не пользовался вниманием у российских предпринимателей и где господствующие позиции оставались у англичан.

За счет усилий банка российские товары стали поступать на тегеранский рынок и получать свою реализацию. Фамилии конкретных российских производителей и вид тканей, приобретаемых у них ссудным банком Персии, приведены в таблице.

Данные по товарным операциям Тегеранского отделения Ссудного банка Персии за период с 1 мая по 15 декабря 1901 г.

Производители и вид товаров	Число кип	Средняя стоимость кип, руб.	Всего, руб.
Людвиг Рабенец (красный ситец)	2383	130	309 790
Бр. Баранович (красный ситец)	476	130	61 750
Савва Морозов (гл. образ. полубархат)	720	300	216 000
Захар Морозов (гл. образ. полубархат)	442	145	64 090
Бр. Щербаковы (шведская материя)	273	140	38 220
Гюбнер (ситец)	68	130	8 840
Коншин (ситец)	9	130	1 170
Серебряников (ситец)	69	110	7 690
Гандурин (ситец)	22	110	2 420
Петров (солдатское сукно)	10	220	2 200
Михайлов (шерстяные товары)	4	250	1 000
Белов (шерстяные товары)	1	250	250
Деревщиков, Сапожников, Бр. Брашнины, Кусков	206	60	12 360
Всего кип	4476	—	725 680
Всего кусков	206		

Источник: РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15 об.

¹⁸ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15.

Закупая экспортные товары у российских производителей, Ссудные банк Персии делал многочисленные встречные шаги в их сторону: полностью выплачивал всю стоимость товара уже при заказе, безвозмездно хранил товары на своих складах, и, кроме того, финансировал дело, учитывая вексели персидских купцов, выписывавших российские товары, используя пониженный процент (8–10 вместо обычных 12 %)¹⁹.

Несмотря на все приложенные усилия процесс завоевания тегеранского рынка продвигался довольно медленно. Количество российских тканей, продававшихся в городе к 1902 г., составляло только 1/3 всех тканей на столичном рынке Персии. Остальные две трети по-прежнему составляли английские текстильные изделия. Российское же сукно и шерстяные ткани совершенно не имели сбыта, а господствующие позиции в этом рыночном секторе занимали австрийские производители²⁰.

Контролер Ссудного банка Персии А.С. Остроградский изложил свое видение причин недостаточного успеха российской торговли тканями в Тегеране товарищу министра финансов В.И. Ковалевскому в своей докладной записке от 27 ноября 1902 г.

Первая причина кажется весьма странной — высокое качество российских тканей, значительно превосходивших в этом английские аналоги. Но это достоинство российского товара нивелировалось более высокой ценой на него. Особенность же персидского рынка заключалась в том, что покупатели основное внимание обращали как раз не на качество, а на дешевизну. А.С. Остроградский указывал на случаи, когда купец отказывался от товара вдвое лучше по добротности полотна, по красоте рисунка, крепости красок в силу существовавшей разницы в 1–2 коп. за аршин.

Во-вторых, по наблюдению контролера Ссудного банка Персии, московские фирмы делали слишком незначительную разницу между оптовым покупателем, забиравшим 500–1000 кип, и мелким, покупавшим 5–10 кип. Ссудный банк, оплачивавший наличными наперед всю сумму заказа, был поставлен в менее благоприятные условия, чем мелкий персидский комиссионер, бравший прямо со склада из Москвы несколько кип. Ссудный банк получал обычную оптовую скидку, а комиссионер кроме нее выговаривал себе 1 % комиссии и расплату за товар по наложенному платежу со сроком в 6–8 месяцев без начисления процентов, что в общем составляло 3–4 % разницы между ценой Ссудного банка и комиссионера.

А.С. Остроградский при этом подчеркивал, что английские фабриканты никогда не продавали свой товар непосредственно купцу и на изделиях, предназначенных для «экзотических рынков», даже не ставили своего клейма, предоставляя это право комиссионеру, забиравшему у него определенную

¹⁹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 15 об.

²⁰ Там же. Л. 16.

партию. Таким образом, купец не мог обратиться непосредственно на фабрику, а обязательно действовал через ее представителя в Персии, «который сидя на месте» легко мог «регулировать количество и время выпуска на рынок партии товара, а равно и устанавливать цену соответственно местным условиям»²¹.

С российским же товаром подобного урегулирования совершать было нельзя. Каждый мелочный торговец мог обратиться к С.Т. Морозову, купцам Щербаковым и др. и получить нужную ему кипу товара подчас на более выгодных условиях, чем оптовик, рассчитывавший на этого мелочного купца, как на покупателя²².

В своей докладной записке А.С. Остроградский резюмировал, что для развития российского экспорта в Тегеране необходимо было направлять самые дешевые по стоимости хлопчатобумажные ткани, а для экспорта шерстяных тканей привлечь производителей из Лодзи, поскольку Москва не вырабатывала конкурентноспособный товар данной категории. Также Ссудному банку Персии российские производители должны были предоставлять дополнительные льготные условия и прекратить мелкие продажи из московских складов персидским коммерсантам²³.

Учетно-ссудный банк Персии

В 1902 г. Ссудный банк Персии стал называться Учетно-ссудный банк Персии, а в 1903 г. перешел в собственность казны с возмещением Госбанку из государственного казначейства сумм, затраченных самим банком на приобретение предприятия от учредителей и на производство по акциям дополнительного взноса в сумме 1 млн франков²⁴.

Начав свою деятельность в Тегеране в дальнейшем банк открыл свои отделения и агентства в Реште, Тавризе, Мешедде, Энзели, Казвине, Себзеваре, Урмии, Хамадане, Мешедессере, Сеистане, Кучане, Барфруше, Сари, Ашрафе, Астрабаде, Бендер-Гязе, Исфагане, Куме, Наине, Иезде, Кермане, Кашане, Султанабаде. В России он имел свои учреждения в Москве, Баку, Асхабаде и Джульфе²⁵.

Видимо, решив следовать заданному курсу, изложенному в докладной записке А.С. Остроградского, и позиционируя себя посредником между российскими производителями и персидскими коммерсантами, Учетно-ссудный банк приступил к методичной зачистке рыночного пространства

²¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 16–16 об.

²² Там же. Л. 16 об.

²³ Там же.

²⁴ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4546. Л. 4.

²⁵ Центральный государственный архив города Москвы (далее — ЦГА Москвы). Ф. 341. Оп. 1. Д. 341. Л. 249.

от российского купечества, решившегося самостоятельно представлять свой товар в Тегеране. Так произошло с группой крупных предпринимателей — товариществами Эмиль Циндель, В. Морозова с С-ми, Барановых и В.Е. и А. Ясунинских²⁶. Еще в 1901 г. совместными усилиями они открыли в городе торговые склады, но вынуждены были закрыть их в 1903 г. под давлением банка, который лишил эти торговые предприятия возможности пользоваться льготным кредитом и даже распространил среди персидского купечества слухи об их якобы несостоятельности [11. С. 286].

Министр финансов С.Ю. Витте был крайне недоволен таким поведением Учетно-ссудного банка Персии и распорядился «строго» разъяснить агенту Министерства финансов в Персии Э.К. Грубе действительные задачи банка [11. С. 287].

Однако, характер торговой деятельности банка не поменялся и в дальнейшем. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что товарищество Прохоровской Трехгорной мануфактуры вынужденно ликвидировало свои дела в Исфагане в виду того, что банк с середины 1905 г. открыл там свой склад²⁷.

В 1907 г. открылись корреспондентские учреждения в Барфруше и Бндер-Гязи в Астрабадской провинции. Здесь под прицел Учетно-ссудного банка Персии попали уже армянские фирмы — традиционные дистрибьюторы российских товаров в Персии. За многие годы своей коммерческой деятельности в стране они монополизировали всю торговлю и банковские операции Мазендерана и Астрабада с Шахрудом, поэтому справиться с ними оказалось нелегким делом. Согласно донесению управляющего российским императорским консульством в Астрабаде Б. Долгополова, по прошествии года банк «провалился самым печальным образом». После объявления об открытии гязского отделения банка никто не принес денег для вклада и не оказалось желающих получить ссуду: «Банк ежедневно открывался, аккуратно лежали в тепле под кошмами краны, и персонал служащих получал <...> жалование и ждал... Дел не было никаких. <...>. Корреспондентство всю зиму продержало под войлоками сумму в 50 тыс. кран, не пустив их в оборот»²⁸.

Происходило это вследствие весьма низкого процента по вкладам — 4 %, в то время как армянские фирмы Карапетянца, Туманянца и Насибьянца предлагали по 10–12 %. А под хлопок они не только выдавали ссуды, но и сами покупали его, за год и более вперед выдавая деньги крестьянам, занимавшимся его выращиванием. В их руках также находились вывоз ячменя, риса, экспорт рыбы, сушеных фруктов, кунжута, козлиных и свиных кож, свежих плодов, шелка-сырца, коконов, шерсти и др. Ввоз керосина, нефти,

²⁶ ЦГА Москвы. Ф. 341. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.

²⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 83.

²⁸ АВПРИ. Ф.144. Оп. 488. Д. 4020. Л. 294, 295.

железных и стальных изделий, мануфактуры, галантереи, сахара, чая, консервов и т.п. также производилось при деятельном участии и преобладании армянских предпринимателей²⁹.

Узкие же рамки операций российского корреспондентского учреждения не позволяли ему конкурировать с армянами, прекрасно изучившими местные рынки и сосредоточившими в своих руках торговлю.

Управляющий Астрабадским консульством Б. Долгополов с горечью писал: «Постоянное бездействие отделений, их убыточность и неудачи вряд ли в интересах Учетно-ссудного банка. В теперешнем своем положении они сильно подрывают его репутацию и несомненно вредят всему русскому делу, поселая сомнение в нашей энергии и предприимчивости среди и без того недоверчиво к нам относящихся подозрительных персиян»³⁰.

Следует при этом добавить, что общая экономическая ситуация как в России, так и в Персии, в начале XX в. сильно осложнилась: Русско-японская война и Первая русская революция дестабилизировали экономическую ситуацию в России; начавшиеся военно-политические события в Персии также с 1905 г. пагубно отражались на коммерческой жизни страны. В этих условиях товары сбывались Учетно-ссудным банком Персии очень тяжело: на складах сохранялся большой неиспользованный запас тканей, отчасти уже вышедших из моды, а с другой стороны — российские комиссионеры задолжали банку значительные суммы и с трудом их возвращали³¹.

На этом фоне свое проникновение на персидский рынок активизировала Германия. 11 июля 1907 г. персидский меджлис утвердил текст Немецкой банковской конвенции. Согласно ей, Германский банк с капиталом не менее 1 млн туманов и правлением в Тегеране должен был открыться не позднее трех лет со дня подписания соглашения. Банк обязывался производить заграничные платежи без начисления комиссионных и со взиманием не более 10 % за таковые операции³².

Параллельно Германия стала проводить в Персии энергичные меры с целью улучшения сбыта продукции своей промышленности: при консульствах учредили должности «сведущих по торговле лиц», задача которых заключалась во всестороннем изучении рынка и оказании содействия реализации немецких товаров; в Тавризе и Тегеране открывали вместительные склады для хранения образцов и самих товаров, «начиная с иголки и кончая автомобилем»³³.

К 1908 г. российское правительство стало настолько тревожно воспринимать ситуацию, что 19 и 23 июня состоялось Особое

²⁹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4020. Л. 295 об. — 296.

³⁰ Там же. Л. 296.

³¹ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 20.

³² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4489. Л. 348–349.

³³ ЦГА Москвы. Ф. 341. Оп. 1. Д. 185. Л. 2.

междуведомственное совещание при Министерстве торговли и промышленности по вопросу «о главных основаниях коммерческой деятельности Учетно-ссудного банка Персии». На заседании было озвучено, что «в настоящее время банк не располагает свободными ресурсами» и нуждается в пересмотре своей прежней политики³⁴.

Присутствовавший на заседаниях товарищ управляющего Государственным банком А.В. Коншин предложил Учетно-ссудному банку Персии обратиться помимо экспортных, также и к операциям по импортированию персидских товаров в Россию. Он заявил об односторонности предшествующей коммерческой деятельности банка — содействии вывозу в Персию российской продукции при полном игнорировании вывоза в Россию персидских товаров, — приведшей к отрицательным последствиям. С одной стороны, банк вынужден был нести значительные убытки, так как под влиянием неблагоприятных политических условий русские товары сбывались туго, значительный запас их остался за банком и комиссионеры и торговцы, распространявшие эти товары по стране, задолжали банку внушительные суммы. С другой стороны, банк получал в свое распоряжение только краны, не имея рублей. А краны между тем представляли собой валюту с весьма колеблющимся и неустойчивым курсом³⁵.

Доводы А.В. Коншина нашли понимание среди собравшихся, и Совещание пришло к выводу о необходимости разрешить банку совершать операции, связанные с отправкой в Россию персидских грузов. Было отмечено также, что помимо экономической выгоды, это повысит одновременно политическое влияние банка, «так как он приобретет симпатии местного населения, без которых деятельность иностранного кредитного учреждения <...> будет поставлена в крайне тяжелые условия»³⁶.

Расширение торговой деятельности банка в связи с началом ввоза персидских товаров в Россию не решило всех его проблем, в частности, одну из самых больших среди них — неплатежи со стороны частных лиц. Причем речь шла о вполне состоятельных иранцах, стоимость имущества которых могла покрыть их задолженности по займам³⁷. Иными словами, недобросовестность персидских клиентов обуславливалась не столько безденежьем, сколько их нежеланием расплачиваться по долгам. Выяснив это обстоятельство, банк приступил к передаче векселей и прочих документов в Императорскую российскую миссию в Тегеране. Ее представители через персидского чиновника (каргузара) стали требовать с должников уплаты обязательствам. Но и эти меры не приводили

³⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 303. Л. 21.

³⁵ Там же. Л. 22 об.

³⁶ Там же. Л. 24.

³⁷ АВПРИ. Ф.144. Оп. 488. Д. 4021. Л. 100.

к желаемым результатам, так как либо сами российские дипломаты действовали неэнергично, либо иски оставались без движения у персидских чиновников, откладываявших под разными предлогами разбор дела на неопределенное время³⁸.

23 мая 1909 г. министр финансов В.Н. Коковцов писал по этому поводу министру иностранных дел А.П. Извольскому: «Такое ненормальное положение, продолжающееся в течение трехлетнего периода, вселяя и прочим клиентам банка уверенность в возможности неисполнения данных ими обязательств, грозит банку серьезным материальным ущербом и не дает ему уверенности в успешности и планомерности его работы в будущем, лишая его в то же время в глазах персов всякого уважения, столь необходимого в восточных странах»³⁹.

Находя ситуацию критической, В.Н. Коковцов призывал А.П. Извольского использовать имевшиеся у него возможности для «указания представителям императорского правительства в Персии» на необходимость принять действительные меры к взысканию долгов по искам банка, направлявшимся в миссию и консульства⁴⁰.

Однако, документы за 1913 г. свидетельствуют о сохранении указанной проблемы в прежнем состоянии. В своем обращении к новому министру иностранных дел С.Д. Сазонову В.Н. Коковцов сообщал еще об одном факторе, препятствовавшем успешному разрешению вопроса. Это была недостаточная квалификация младших чинов Генерального российского консульства в Тегеране. Именно они должны были защищать права Учетно-ссудного банка Персии в местных судебных учреждениях, но не обладали необходимыми юридическими познаниями и не знали местных законов и обычаев. Они не имели достаточного авторитета и легко поддавались влиянию местных советников консульства из числа иранцев, например, купеческого старшины (таджир-баши) и его помощников. Последние же являлись для сотрудников консульства единственными консультантами по местному праву, и потому решение дел при их участии зависело не столько от юридической обоснованности претензии, сколько от выступлений иранских сотрудников консульства. В результате присутствие на суде российского представителя сводилось к его молчаливому согласию, что с точки зрения В.Н. Коковцова лишь роняло престиж России⁴¹.

Убедившись в бесполезности обращения в суд, банк в 1912 г. начал использовать персидскую практику «выколачивания долгов» — направлять к должнику специальных людей — феррашей, которые, неотступно следуя за должниками по пятам, требовали от них платежа по обязательствам. Этот

³⁸ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4021. Л. 114–114 об.

³⁹ Там же. Л. 114 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4022. Л. 700–700 об.

прием, примененный однажды с полным успехом Императорской миссией по отношению к персидскому министру иностранных дел для того, чтобы добиться уплаты жалования бывшему шаху, оказался очень действенным, и клиенты начали являться в банк для расчета. Однако миссия неожиданно потребовала прекращения посылки феррашей, и дело взыскания долгов вернулось в прежнее безнадежное положение⁴².

С началом Первой мировой войны Учетно-ссудный банк Персии оказался в еще более сложной ситуации. Из-за стремительного сокращения обращения серебряных монет внутри страны и панического изъятия денег вкладчиками российский банк начал испытывать недостаток в персидской денежной единице — кранах. По состоянию на март 1915 г. в распоряжении банка имелись наличные средства в количестве лишь 1 млн 10,5 тыс. кранов, в то время как для покрытия текущих счетов ему необходима была сумма равная 7 млн 366,5 тыс. кранов⁴³.

Крановый голод негативным образом сказывался на состоянии российско-персидской торговли. Предприниматели нуждались в персидской звонкой монете для закупки товаров, экспортировавшихся в Россию, и обращались для ее получения в отделения Учетно-ссудного банка Персии, но получали отказ. Так, московская фирма «Стукен», занимавшаяся скупкой шерсти в Хорасане, неоднократно обращаясь к банку с просьбой о размене рублей и в результате заявила, что прекращает свои закупочные операции в Персии. Владелец крупно предприятия Торговый дом «Бр. Арзумановы» также настоятельно просил продать ему краны на несколько сотен тысяч рублей, предлагая уплатить банку золотом в металле, но правление вынуждено было ему отказать за недостатком персидской валюты. Неоднократно обращалась в правление с просьбой о кранах российская рыбопромышленная фирма Лианозовых для расчетов с персидскими рабочими. В сложившихся тяжелых финансовых условиях правление банка не смогло ответить иначе как отказом⁴⁴.

Финансовые проблемы охватили также и главного конкурента русского банка — Имперский банк Персии. 15 апреля 1915 г. английский банк прекратил размен банкнот на серебро, а британский посол в Петрограде обратился к российскому правительству за помощью. Поддержка «конкурирующей фирме» была оказана — Имперский банк Персии получил из запасов русского правительства около 840 пуд. серебра. Это дало в распоряжение английского банка монеты на сумму свыше 3 млн кран⁴⁵, что тоже, конечно, не могло серьезно стабилизировать финансовую ситуацию Имперского банка Персии.

⁴² АВПРИ. Ф. 144. Оп. 488. Д. 4022. Л. 701 об., Л. 702.

⁴³ Там же. Л. 735.

⁴⁴ Там же. Л. 747–747 об.

⁴⁵ Там же. Д. 4022. Л. 748 об.

Заключение

Практические полное отсутствие банковских учреждений и коммерческого кредита в Персии являлись сильным тормозящим фактором в развитии российско-персидских торговых отношений во второй половине XIX в. Наличие незанятой рыночной ниши подталкивало российских предпринимателей к тому, чтобы открыть в этой стране агентства Тифлисского коммерческого банка. Однако осознание чрезвычайно высокого уровня рисков остановило их. Банковские учреждения братьев Поляковых не проявляли должной активности в развитии банковских операций. В этих условиях нагрузку на себя взяло российское правительство, выкупив у Я.С. Полякова открытое им предприятие, в дальнейшем действовавшее под названием «Учетно-ссудный банк Персии».

Безусловной заслугой банка стало усиление торгового присутствия России в таком, ранее закрытом для российских товаров, городе как Тегеран. Спорными были методы, с помощью которых банк добивался своего монопольного положения в этом и других персидских городах, выдавливая оттуда частных российских предпринимателей. В непростых условиях персидского рынка, при наличии сильных конкурентов в лице британских коммерсантов и Имперского банка Персии, а также начавшей свое методичное вторжение в пределы Персии Германии, тоже открывшей свое банковское учреждение, Учетно-ссудному банку Персии и российскому купечеству, безусловно, следовало объединить усилия в общем деле. Однако банк выбрал другую стратегию поведения.

Рассмотренные материалы показали большую уязвимость Учетно-ссудного банка Персии, наличие многочисленных проблем, которые необходимо было решать на протяжении всей его работы и недостаточную эффективность в деле поддержки частных коммерсантов. В период Первой мировой войны финансовое положение банка еще более ухудшилось и его помощь российским предпринимателям сократилась до такой степени, что даже крупным фирмам пришлось покинуть персидский рынок. Однако в этих тяжелых условиях оказался и главный соперник российского учреждения — английский Имперский банк Персии.

Список литературы

1. Петров Ю.А. Коммерческие банки и экономическое развитие России в конце XIX — начале XX века // Экономическая история. 2010. № 3 (10). С. 25–33. EDN: NHTRAN
2. Саломатина С.А. Региональные финансовые центры Российской империи во второй половине XIX — начале XX века // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 82–92. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2\(83\)-82-92](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2024-2(83)-82-92) EDN: UTDFUX
3. Алимджанов Б.А. История деятельности Бухарского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. № 2. С. 597–613. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.216597> EDN: QKWLAN

4. *Алимджанов Б.А., Чориев Ш.Х.* Служащие среднеазиатских филиалов Волжско-Камского коммерческого банка: биографии и деятельность на рубеже XIX — начала XX в. в контексте имперской периферии // *Вестник архивиста*. 2021. № 2. С. 450–468. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-2-450-468> EDN: VOSBJQ
5. *Алимджанов Б.А.* Деятельность Ашхабадского отделения Государственного банка в первой половине XX в.: основные операции, клиенты и персонал // *Новый исторический вестник*. 2025. № 1 (83). С. 76–92. <https://doi.org/10.54770/20729286-2025-1-76> EDN: LBGDA
6. *Алимджанов Б.А.* Активные операции Ашхабадского отделения Русско-Азиатского коммерческого банка (1905–1917) // *Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность*. 2021. Т. 6. № 3. С. 15–21. <https://doi.org/10.25206/2542-0488-2021-6-3-15-21> EDN: LUNWCR
7. *Исмаилова А.М.* Банки и банковские учреждения Закавказского края (последняя треть XIX — начало XX века) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 24 (379). С. 50–54. EDN: VJLTWR
8. *Павлина Т.В.* «По тарифу астраханскому»: применение Российской системы таможенного обложения в Закавказье в начале XIX в. // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2021. № 4 (69). С. 9–16. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2021-69-4-009-016> EDN: RNSOWO
9. *Плиева З.Т., Туаева Б.В., Канукова З.В., Калирад А.* Деятельность консульских служб Ирана на Кавказе в 1905–1911 гг.: по иранским источникам // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2022. Т. 21. № 4. С. 568–580. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-568-580> EDN: CUOVIK
10. *Колпаков П.А.* Развитие дорожной инфраструктуры Закавказья во второй половине XIX — начале XX века // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*. 2025. Т. 24. № 3. С. 389–401. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-3-389-401> EDN: OXCPIT
11. *Ананьич Б.В.* Учетно-ссудный банк Персии в 1894–1907 гг. // *Монополии и иностранный капитал в России : сб. статей. М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, Ленингр. отд-ние, 1962. Вып. 4. С. 274–314. EDN: EZUMLL*
12. *Ананьич Б.В.* Российское самодержавие и вывоз капиталов, 1895–1914 гг.: (по материалам Учетно-ссудного банка Персии) : монография. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. 211 с. EDN: YUONXS
13. *Павлова И.К.* Из истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии (по материалам русских архивов) // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 22. № 2. С. 47–60. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2017.2.5> EDN: YRJZL
14. *Саломатина С.А.* Российские и советские банки в странах Среднего и Дальнего Востока, 1890–1920-е гг.: трансформация имперских традиций // *Экономическая история : ежегодник*. 2014. Т. 2013. С. 568–624. EDN: YJCECN
15. *Томара М.Л.* Экономическое положение Персии: отчет командированного в 1893–1894 гг. в Персию для исследования положения русско-персидской торговли. СПб. : Типография В. Киришбаума, 1896. 172 с.
16. *Корноухова Г.Г.* Торговая деятельность Н.Н. Коншина в Персии во второй половине 1880-х гг. // *Вестник архивиста*. 2021. № 3. С. 791–802. <https://doi.org/10.28995/2073-0101-2021-3-791-802> EDN: ZBTHQP

Информация об авторе:

Корноухова Гадия Гизатуллаевна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, доцент кафедры истории России, Российский университет дружбы народов, 117198, Российская Федерация, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, e-mail: kornoukhova-gg@rudn.ru ORCID: 0000-0002-7553-1856. SPIN-код: 1256-9117.



ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЕВРОПЫ POLITICAL HISTORY OF EUROPE

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-105-116

EDN: OQUPAA

Научная статья / Research article

Парламентские дебаты о колониальной политике Великобритании в период министерства У. Питта Старшего (1766–1768 гг.)

М.А. Ковалёв 

Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Владимир, Российская Федерация

✉ mkovalyov.89@mail.ru

Аннотация. Проанализированы парламентские дебаты в Великобритании середины 1760-х гг., вызванные кризисом колониальной системы после Семилетней войны. Основное внимание уделяется двум ключевым аспектам: отмене Акта о гербовом сборе (1765–1766) и полемике вокруг регулирования деятельности Ост-Индской компании (1766–1767). На основе анализа парламентских выступлений и расстановки политических сил продемонстрировано, что традиционная двухпартийная схема (тори — виги) неадекватно описывает реальную политическую динамику эпохи. Вместо четкого идеологического противостояния наблюдаются ситуативные коалиции: так, виги-рокингеиты (Э. Бёрк) и прокоролевские сторонники Дж. Гренвилла объединялись для защиты принципа частной собственности и «священности» королевских хартий против радикалов (У. Бекфорд) и правительственной коалиции У. Питта Старшего, выступавших за усиление государственного контроля над компанией. Сделан вывод о том, что парламентские дискуссии по колониальным вопросам определялись не столько партийной принадлежностью, сколько прагматическими интересами, риторическими стратегиями и личными связями. Подчеркнута необходимость дальнейшего пересмотра устоявшихся интерпретаций британской политической жизни XVIII в. через призму исследования политических языков.

Ключевые слова: парламент, тори, виги, двухпартийная система, колониализм, Ост-Индская компания, Акт о гербовом сборе, Акты Тауншенда

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16.09.2025; принята к публикации 03.11.2025.

© Ковалёв М.А., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Ковалёв М.А. Парламентские дебаты о колониальной политике Великобритании в период министерства У. Питта Старшего (1766–1768 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 105–116. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-105-116> EDN: OQUPAA

Parliamentary debates on British colonial policy during the Ministry of W. Pitt the Elder (1766–1768)

Maxim A. Kovalyov 

Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, *Vladimir, Russian Federation*

✉ mkovalyov.89@mail.ru

Abstract. The study is devoted to the analysis of the parliamentary debates in Great Britain in the mid-1760s, caused by the crisis of the colonial system after the Seven Years' War. The focus is on two key aspects: the repeal of the Stamp Act (1765–1766) and the controversy surrounding the regulation of the East India Company (1766–1767). Based on the analysis of parliamentary speeches and the alignment of political forces, the author demonstrates that the traditional two-party scheme (Tory — Whig) inadequately describes the real political dynamics of the era. Instead of a clear ideological confrontation, situational coalitions are observed: for example, Rockinghamite Whigs (E. Burke) and John Grenville's pro-royal supporters united to defend the principle of private property and the “sanctity” of the royal charters against radicals (W. Beckford) and the government coalition of W. Pitt the Elder, who advocated strengthening state control over the company. It is concluded that parliamentary discussions on colonial issues were determined not so much by party affiliation as by pragmatic interests, rhetorical strategies, and personal connections. The study highlights the need for further revision of the established interpretations of British political life of the 18th century through the prism of political language research.

Keywords: parliament, Tories, Whigs, two-party system, colonialism, East India Company, Stamp Act, Townshend Acts

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 16.09.2025; accepted 03.11.2025.

For citation: Kovalyov MA. Parliamentary debates on British colonial policy during the Ministry of W. Pitt the Elder (1766–1768). *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):105–116. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-105-116> EDN: OQUPAA

Введение

Шестидесятые годы XVIII в. — знаменательный период в истории Британии. Дело не только в том, что по итогам Семилетней войны (1756–1763 гг.) островная держава превратилась во владычицу морей. Подходила к концу эпоха «первой Британской империи», начавшейся

с высадки британцев на о. Роанок (1585 г.) и завершившейся образованием США¹. В самой метрополии правление Георга III отмечено последними попытками возродить королевскую прерогативу.

Британский колониализм — тема, хорошо изученная как за рубежом, так и в России. В монографиях и даже учебных пособиях, написанных ведущими российским специалистами по данному вопросу, во вводных и библиографических разделах, подстрочных сносках приводятся обширные списки научной литературы [1–3]². Иначе обстоит дело с изучением внутренней политики Великобритании XVIII в., особенно партий. В большом количестве англоязычных исследований детально воссоздается картина политической жизни страны [5; 6]. Затрагиваются и политические дискуссии по вопросам колониализма. К сожалению, авторы концентрируются на частных вопросах либо, подобно Л. Нэмиру, его последователям и критикам, ставя вопрос о формировании двухпартийной системы, ограничиваются короткими периодами [7; 8]. Между тем, пресловутая раздробленность интересов, представленных в парламенте, имеет явные признаки консолидации по типам политических языков как способов легитимации групповых намерений [9]. С этой точки зрения плодотворным было бы применение методов Кембриджской школы интеллектуальной истории.

1765-й г. связан с первым значительным кризисом Британской колониальной системы. Акт о гербовом сборе, принятый в министерство Дж. Гренвилла, ставленника короля, вызвал массовые протесты в Америке, затем повлиял на расклад политических сил в самой метрополии. Оппозиционное министерство Ч. Уотсон-Уэнтворта, маркиза Рокингема, пребывавшего в должности с июля 1765 по июль 1766 гг., отменило указ. Хотя главный идеолог вигов-рокингемитов Э. Бёрк расценил данное событие как успех своей фракции³, Георг III имел иное мнение на этот счет. Кабинет Рокингема был отправлен в отставку и заменен смешанной командой У. Питта Старшего (1708–1778). К тому времени «великий коммонер» Питт, ставший графом Четэмом, был уже тяжело больным человеком. Значительную роль в новом министерстве играл канцлер казначейства Ч. Тауншенд, чей курс характеризовался усилением влияния метрополии. Именно на 1767–1768 гг. приходится принятие знаменитых «актов Тауншенда», ограничивавших американскую торговлю, а также постановка документооборота Ост-Индской компании под контроль

¹ The Cambridge History of the British Empire. In 2 vols. Vol. 1. / Ed. Holland Rose J.N.-Y. : The Macmillan Company, 1929. 931 p.

² Британская империя: становление, эволюция, распад : учеб. пособие / под общ. ред. В.В. Высоковой. Екатеринбург : Волот, 2010. 194 с.; *Грудзинский В.В.* Англия: общественная трансформация и эволюция имперской политики 1689–1815: учеб. пособие. Челябинск : Энциклопедия, 2019. 288 с. EDN: XQXYNG

³ *Burke E.* A short account of a late short administration // The Works of the Right Honourable Edmund Burke. Vol. I. London, 1887. P. 266.

парламента [10. С. 151–152]. Можно констатировать, что министерство графа Четэма 1766–1768 гг. представляло собой в отношении колоний первую стабилизацию после значительного кризиса колониальной империи. В свете этого особый интерес вызывают парламентские дебаты данного периода, расклад политических сил в процессе принятия решений.

После принятия 22 марта 1765 г. Акта о гербовом сборе, введившего налог на печатную продукцию и издание документов⁴, североамериканские колонии захлестнула волна беспорядков. Волнения затронули и английское купечество, тесно связанное с заморской торговлей. В начале следующего 1766 г. рокингемиты поставили в палате общин вопрос об отмене закона [11. С. 153]. Уже на данном этапе обсуждения колониальных вопросов в парламенте имела место ожесточенная фракционная борьба. Историк П. Томас отмечал, что к началу 1760-х гг. монополия «пелхэмитов», сторонников Г. Пелэма и Т. Пелэм-Холлса, герцога Ньюкасла — братьев, возглавлявших правительство соответственно в 1743–1754 и 1757–1762 гг., подрывалась оппозиционной группой «вигов-патриотов». Последнюю составляли две субфракции, одна из которых концентрировалась вокруг У. Питта Ст., другая — Дж. Рассела, 4-го герцога Бедфорда [12. Р. 24–25]. Партия тори, по мнению Дж. Кларка, давно находившаяся в состоянии упадка, в течение Семилетней войны оказалась ассимилирована своими соперниками во многом из-за патриотического подъема, сопровождавшего этот конфликт [13. С. 455]. Король же, как хорошо известно, подбирал себе сторонников по принципу личной преданности. Одним из таких стал инициатор Гербового акта, премьер-министр в 1763–1765 гг. Дж. Гренвилл — бывший «чатэмит».

Парламентские дебаты, состоявшиеся 9 февраля 1766 г., выявили три группировки в палате общин на тот момент. Наиболее непримиримую позицию в отношении «мятежников» занимали гренвиллиты (сам бывший премьер, Э. Наджент, Х. Стенли и др.). В их риторике большую роль играло такое понятие, как достоинство британской конституции. В целом, их позицию можно считать легалистской. На противоположном фланге находился У. Бекфорд, вигский радикал, поддержку которому оказал Ф. Кемпбелл из шотландского клана Аргайл, известного традиционно вигскими симпатиями. Здесь главным аргументом стала апелляция к правам британских подданных. Наиболее интересна точка зрения фракции рокингемитов (Ч. Йорк, Э. Бёрк, У. Додсвелл). Они также заботились прежде всего о правах,

⁴ An act for granting and applying certain stamp duties, and other duties, in the British colonies and plantations in America, towards further defraying the expences of defending, protecting, and securing the same; and for amending such parts of the several acts of parliament relating to the trade and revenues of the said colonies and plantations, as direct the manner of determining and recovering the penalties and forfeitures therein mentioned // *The Statutes at Large. From Magna Charta To the End of the Eleventh Parliament of Great Britain*. Vol. XXVI. London, 1765. Pp. 179–204.

но не граждан, а Лондонского парламента как корпорации и империи как социально-политического организма⁵. 18 марта усилиями правящей группы маркиза Рокингема издан указ об отмене Гербового сбора именно как противоречащий интересам метрополии⁶. В то же время вовсе не следует преувеличивать «идейность» ораторов. Знаменитая речь У. Питта от 14 января 1766 г., когда он еще находился в оппозиции, интересна не только принципом «нет налогов без правительства». Он подчеркивает суверенитет Великобритании и привилегии лондонского парламента, использует не столько императив «естественного права», сколько формальные юридические аргументы. Империя именуется у него «коллективным телом», а права колоний имеют историческую основу⁷.

Осложнения между Англией и ее североамериканскими колониями по поводу ограничения торговли имели место и до знаменитых «актов Тауншенда». Когда представитель «вест-индского интереса» Р. Фуллер в конце апреля 1766 г. предложил передать в парламентский комитет соответствующие петиции от купцов, в палате общин поднялось обсуждение протекционистской политики. Гренвилл резко отозвался о петиции, назвав ее первым шагом к отмене «священного» Навигационного акта 1651 г. Бекфорд в союзе с рокингемистами высмеяли его речь, поскольку ранее оратор говорил о смягчении акта. Бёрк указывал на противоречивость позиции Гренвилла, ведь «священные» законы не нуждаются в исправлении. Все же, ряд выступавших, включая и Тауншенда, поддержали идею внесения поправок в закон. Им претила пустая риторика о «достоинстве» конституции, вредящая экономической целесообразности⁸.

Собственно говоря, «акты Тауншенда» открываются законом о доходах от 15 апреля 1767 г. Цель его принятия состояла в увеличении доходов казны посредством введения косвенных налогов для Америки. В мае Тауншенд предложил в парламенте новые налоги. Он произнес внушительную речь, в которой раскритиковал принципы, на основании которых колонисты предъявляли претензии метрополии. Никакая власть, по его мнению, не делегирует свободу снизу вверх. В обществе имеет место естественная иерархия, где простолудин уважает пэра, пэр — короля, а американцы — Вестминстерский парламент. Канцлер казначейства обвинил американских поселенцев в эгоистическом понимании свободы: «Каждый американский

⁵ *Walpole H.* Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London, 1845. Pp. 279–281.

⁶ An Act for the better securing the Dependency of His Majesty's Dominions in America upon the Crown and Parliament of Great Britain // *The Statutes at Large. From Magna Charta To the End of the Eleventh Parliament of Great Britain.* Vol. XXVII. London, 1767. Pp. 19–20.

⁷ *Pitt W.* The American Stamp Act // *The Speeches of the Right Honourable the Earl of Chatham in the Houses of Lords and Commons. With a Biographical Memoir, and Introductions and Explanatory Notes to the Speeches.* London, 1848. P. 77.

⁸ *Walpole H.* Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London, 1845. P. 316.

торговец считает себя Брутом и Гемпденом, пока борется с палатой общин. Но его негры считают его худшим тираном, чем Нерон. Если бы английский парламент освободил всех рабов в колониях, американские патриоты протестовали бы против посягательств на их собственность»⁹.

Рокингемиты и Г. Сеймур-Конвей, государственный секретарь Южного департамента, ранее яростно противостоявший Гербовому акту, заняли умеренную позицию. В то же время идеолог «партии Рокингема» Э. Бёрк осуждал двуличие министров. На словах граф Четэм поддерживал колонистов, тогда как его правительство ущемляло их свободы. Бёрк допускал даже возможность роспуска ассамблей как меру против усиления беспорядков¹⁰. Такой подход действительно применялся в отношении мятежных ассамблей [4. С. 149]. Надо заметить, что принципиальность рокингемитов имела под собой социальное основание. В период министерства Рокингема его сторонники ввели в обиход переписку с купечеством для получения информации об интересах и нуждах коммерческого класса. Одно из таких писем, отправленных крупным коммерсантом из Глазго А. Хендерсоном Э. Бёрку 9 февраля 1766 г., рисует картину недовольства упомянутых кругов колониальной политикой Великобритании. Хендерсон пишет, что разорение американцев делает невозможным взыскать с них долги, от чего страдают кредиторы в Шотландии¹¹. Тем самым, обе эти проблемы оказываются связаны в рамках единого имперского экономического организма. Подобные же взгляды проводятся и в других материалах, связанных с фракцией — в письме Э. Бёрка к ирландскому другу, а также в редактируемом им лондонском журнале «Эньюэл Реджистер»¹².

Позиция правительственной фракции по вопросу об Америке отражена также в переписке У. Питта с его сторонником У. Петти, графом Шелборном, тогдашним министром по делам колоний. Шелборн в письме от 1 февраля критикует предложения Ч. Тауншенда об установлении таможенных пошлин¹³. В целом соглашаясь с позицией единомышленника, глава правительства в ответном письме возлагает значительную долю ответственности и на сами колонии, чьи притязания считает чрезмерными¹⁴.

Если оставаться на традиционной позиции, постулирующей существование двухпартийной системы в Англии на протяжении всего XVIII в.,

⁹ *Walpole H.* Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London, 1845. Pp. 32–34.

¹⁰ *Ibid.* Pp. 34–36.

¹¹ *Henderson A.* Mr. Archibald Henderson to Edm. Burke, esq // Correspondence of the Right Honourable Edmund Burke : in 2 vols / E. Burke. London, 1844. Vol. I. Pp. 100–101.

¹² *Burke E.* To Charles O'Hara. 31 Dec. [1765] // Selected letters of Edmund Burke. Chicago, 1984. P. 217; The Annual Register, For the Year 1766. London, 1767. P. 77.

¹³ *Shelburne W.* The earl of Shelburne to the earl of Chatham. February 1, 1767 // Correspondence of William Pitt, earl of Chatham / W. Pitt. Vol. III. L., 1839. P. 185.

¹⁴ *Pitt W.* The earl of Chatham to the earl of Shelburne. February 3, 1767 // *Ibid.* Pp. 188–189.

картина остается логичной. Правда, следует иметь в виду, что виги дробились на разные группы (наибольшей активностью отличались здесь чатэмиты и рокингемиты), а под тори нужно понимать новую генерацию политиков, поддерживавших курс Георга III.

Однако иную ситуацию демонстрирует полемика о полномочиях Ост-Индской компании. После захвата Р. Клайвом Бенгалии в 1757 г. это «государство в государстве» превратилось в одного из крупнейших игроков на Индийском субконтиненте. Закономерно встал вопрос о регулировании деятельности компании. Историк А.А. Киселёв полагает, что парламентская борьба по этому вопросу отражала два варианта огосударствления компании: королевский и парламентский. Следовательно, торийско-вигская дихотомия имела место быть [14. С. 75].

В бытность Тауншенда канцлером казначейства, а Рокингема — премьер-министром, 2 июля 1766 г. прошел Билль о компенсации. Речь идет об отмене внутренней пошлины на чай, что касалось интересов Ост-Индской компании. В данном вопросе защитникам строгой законности (Гренвилл и Р. Ригби) удалось прийти к консенсусу с представителями денежного интереса (Бёрк, Додсвелл)¹⁵. Однако в дальнейшем комбинация парламентских сил изменится до неузнаваемости.

28 августа 1766 г. на заседании кабинета министров принимается решение о расследовании приобретений директоров Ост-индской компании в Бенгалии. Такое предложение выдвинул сам премьер граф Четэм, в то время как Ч. Тауншенд не одобрил данную меру. Дело в том, что последний занимался спекуляциями с курсами акций компаний. Кроме того, деловые отношения главы правительства и канцлера казначейства развивались неудачно. Во всяком случае, У. Бекфорд как доверенное лицо графа Четэма 25 ноября того же года вынес данное предложение в палату общин для обсуждения. Надо сказать, инициатива произвела фурор в представительном органе Великобритании. Традиционные противники объединились во имя защиты частной собственности (Э. Бёрк и Дж. Гренвилл). Старые коалиции, напротив, распались: группа вигов отделилась от умеренного Г. Сеймур-Конвея, который, как указывает мемуарист Х. Уолпол, стремился сочетать благополучие нации с выгодами компании. С другой стороны, в такой перекомбинации нет ничего странного, ведь удар по привилегиям компании наносила не оппозиция, а правительство. Гренвилл как-то сравнил «ост-индское дело» с миной, на которой подорвется кабинет У. Питта. В конечном счете предложение о расследовании поддержали 129 голосовавших против 76¹⁶.

¹⁵ *Walpole H.* Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London, 1845. P. 404.

¹⁶ *Ibid.* Pp. 391–395.

Настойчивость графа Четэма и Бекфорда заставила оппозицию консолидироваться. Уже в декабре они столкнулись с лавиной критики. Именно «ост-индское дело» заставило объединиться враждующие фракции.

Один из братьев спикера парламента Дж. Каста, связанный с компанией, счел нужным признать зависимость этой организации от правительства, поскольку ее фактории охраняются флотом. И в то же время расследование коррупции, по его мнению, входит в компетенцию Генерального суда собственников. Кроме того, доход компании по его подсчетам насчитывал от 1 200 000 до 1 700 00 ф.ст. в год. А на форты и вооружения она истратила целых 5 миллионов. Его поддержал в своем блестящем выступлении Э. Бёрк, вложивший в акции компании состояние своего кузена Уильяма [15. С. 54]. Коммонер заявил, что привлечение к суду столь высокопоставленных лиц было первым случаем подобного рода. Угроза конфискации имущества, меры самой по себе довольно бесполезной, послужит также плохим прецедентом. Затем оратор обрушился на методы управления У. Питта, который, подобно «великой неведомой силе», манипулирует палатой общин, подавляя ее к тому же своим авторитетом борца за общественное благо. Дж. Гренвилл снова выступил в связке в рокингемитами, продолжая настаивать на «священности» королевской хартии (определявшей устав компании), принципа частной собственности и общественного доверия¹⁷.

Отвечая Э. Бёрку и Дж. Гренвиллу, государственный секретарь Г. Сеймур-Конвей, ужесточивший свои требования к Ост-Индской компании, указал на факт расследования дела компании Гудзонова залива парламентом. Очевидно, он занимал промежуточную позицию, как и другой известный рокингемит Ч. Йорк, который заметил, что хартия не предоставляла право завоевания. Близкую к ним позицию высказал парламентарий Болтон, член компании. Несмотря на свой деловой интерес, он считал, что компания не может управляться без вмешательства правительства. Ораторы из числа чатэмитов, в число которых входили Ч. Пратт (барон Кэмден), полковник И. Барре и другие, не представили развернутой аргументации своей позиции. Точка зрения права и здравого смысла, к которой они апеллировали, была, по словам Барре, «обстреляна со всех сторон»¹⁸.

Нетрудно заметить, как принцип частной собственности объединил защитников компании. Хорошо известно, что ост-индское лобби представляло собой влиятельную фракцию в британском парламенте. Вместе с тем его границы не всегда совпадали с реальным раскладом политических сил. Заинтересованные лица могли относиться к умеренным, а незаинтересованные — к ярким защитникам компании.

¹⁷ *Walpole H. Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London. Pp. 407–408.*

¹⁸ *Ibid.*

Полемика возобновилась в марте следующего 1767 г. Позиция У. Питта оставалась непреклонной: не довольствоваться никакими уступками от компании и довести дело до конца. Бекфорд со своей стороны рекомендовал представить в парламент все документы, которые циркулировали между компанией и правительством в последние месяцы. Члены кабинета одобрили данную меру, оппозиция же закономерно осудила ее. Рокингемиты Ч. Йорк и Э. Бёрк, а также представители «друзей короля» Дж. Гренвилл и А. Уэддербёрн подняли в парламенте агитацию против Бекфорда¹⁹.

14-го марта 1767 г. рокингемит У. Мередит вновь вынес на рассмотрение дело Ост-Индской компании, с намерением окончательно закрыть его. Бекфорд уведомил коммонеров, что вопрос о конфискации собственности компании снят с повестки. Несмотря на ослабление позиций кабинета Питта Ст., в парламенте его курс продолжала поддерживать сильная «популярная» антимонопольная фракция, имевшая связи в лондонском Сити [16. С. 361]. Ф. Нортон, соратник Гренвилла, указывал на невозможность привлечь членов компании к ответственности, поскольку нарушения ее устава не было. Помимо того, он высказал довольно циничную мысль, что, поскольку Англия не объявляла войну Империи Моголов, речь может идти лишь о банальном грабеже. А значит, приобретения компании не являются завоеваниями и факт их существования не нарушает хартию. Юридическая же казуистика сведет дело к абсурду, поскольку должна означать восстановление Моголов в их владельческих правах.

Упомянув о наличии изъянов в хартии, Бёрк склонился к экономическим аргументам. Ост-Индская компания в его понимании нуждается в компенсации своих убытков, к которым, по его мнению, относятся территории, доходы и право торговли²⁰. Дело завершилось беспрецедентным компромиссом: Тауншенд обязал Совет директоров компании выплачивать в казну в течение двух лет сумму, равную 400 тыс. ф.ст. ежегодно²¹. В 1769 г. эта мера будет продлена еще на пять лет, за чем последует реорганизация компании, проводимая под руководством премьер-министра Ф. Норта [14. С. 73–74, 77–78].

Чтобы подстраховать бесперебойные выплаты, правительство в 1767 и 1768 гг. продолжало вмешиваться в распределение прибылей внутри компании [10. С. 154]. В частности, 26 июня 1767 г. в парламенте прошел Билль о дивидендах²². Согласно ему, дивиденды акционеров снижались до 10%. Правительство к тому времени окончательно раскололось. Глава палаты

¹⁹ *Walpole H. Memoirs of the reign of king George the Third. Vol. II. London, 1845. Pp. 429–430, 436.*

²⁰ *Ibid. Pp. 1–5.*

²¹ *East India Company Act, 1767 // Speeches and Documents on Indian Policy 1750–1921. Delhi, 1922. Vol. 1. Pp. 30–34.*

²² *Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman conquest in 1066 to the Year 1803. Vol. XVI. London, 1813. 6. P. 351.*

общин Дайсон, а также представители фракции «двора» (гренвиллиты) действовали единодушно с вигами Питта и Бекфорда. Хотя даже канцлер казначейства Ч. Тауншенд (который скончается в сентябре того же года) склонялись к смягчению курса. Э. Бёрк составил протест, исправленный лорд-главным судьёй У. Мюрреем, графом Мэнсфилдом, который подписали девятнадцать влиятельных членов парламента, включая Рокингема. В тексте протеста указывалось, что подписанты опасаются за состояние права собственности и общественного доверия к правительству²³.

Заключение

Дебаты о полномочиях Ост-Индской компании не дают оснований для либерально-марксистской (вигской) интерпретации бурных 1760-х гг. британской истории. Возглавляемое бывшим вигом-патриотом У. Питтом коалиционное правительство осуществило беспрецедентный для того времени нажим на монопольную компанию. Условные прокоролевские «тори» Гренвилла, оказавшись в оппозиции, объединились со своими недавними противниками, рокингемитами. В их риторике защита частной собственности соединилась с апологией священности хартий и британского владычества в Индии. Те и другие оказались в «консервативной оппозиции» к вигу Питту и радикалу Бекфорду.

Логика голосования «за» или «против» конкретного билля структурирует дебаты вокруг него и политические силы в парламенте в духе бинарной оппозиции. При этом содержательное наполнение конкретных фракций в каждом отдельном случае может варьироваться. На рассмотренных примерах видно, как британская парламентская модель постоянно генерирует иллюзию двухпартийности. В то время как политический язык играл куда более значимую роль при формировании групп интересов, нежели размытые и примерно общие для всего правящего класса Великобритании политические принципы.

Список литературы

1. *Айзенштат М.П., Гелла Т.Н.* Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 — середина 1870-х гг.). М. : ИВИ РАН, 1999. 217 с.
2. «Жесткая» и «мягкая сила» британского льва. Из истории колониальной политики / под ред. Т.Л. Лабутиной. СПб. : Алетейя, 2024. 586 с.
3. *Киселёв А.А.* Рождение империи. Британское государство и колониализм в XVII–XVIII вв. : монография. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. 332 с. EDN: QPVOHB

²³ Cobbett's Parliamentary History of England from the Norman conquest in 1066 to the Year 1803. Vol. XVI. London, 1813. 6. P. 359.

4. Соколов А.Б. Правь, Британия, морями? Политические дискуссии в Англии по вопросам внешней и колониальной политики в XVIII веке : монография. СПб. : Алетейя, 2019. 296 с.
5. Ерохин В.Н. Политические партии и общество в Великобритании в конце XVII — начале XIX вв.: историографический очерк // Политические партии Англии. Исторические очерки : монография / под ред. М.П. Айзенштат. СПб. : Алетейя, 2017. С. 16–30.
6. Киселёв А.А. Проблема формирования английской двухпартийной системы в историографии // Политические партии Англии. Исторические очерки : монография / под ред. М.П. Айзенштат. СПб. : Алетейя, 2017. 358 с. С. 31–42.
7. Namier L. The Structure of Politics at the Accession of George III. London : The Macmillan Press Ltd, 1963. 514 p.
8. Namier L. England in the Age of the American Revolution. London : Macmillan and Co., 1930. 518 p.
9. Велижнев М.Б., Атнашев Т.М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 22.
10. Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской ост-индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М. : Товарищество научных изданий КМК, 2006. 364 с.
11. Miller J.C. Origins of American Revolution. Stanford ; London : Stanford University Press, 1962. 530 p.
12. Thomas P.D.G. Georg III. King and Politicians. 1760–1770. Manchester ; New-York. : Manchester University Press, 2002. 262 p.
13. Clark J.C.D. The Dynamics of Change. The Crisis of the 1750s and English Party Systems. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 614 p.
14. Киселёв А.А. Великобритания и английская Ост-Индская компания во второй половине XVIII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 1 (13). С. 73–81. EDN: JTBAUF
15. Dirks N.B. The Scandal of Empire. India and the Creation of Imperial Britain. Cambridge, London : First Harvard University Press, 2006. 389 p.
16. Ayling S. The Elder Pitt. Earl of Chatham. London : Collins, 1976. 465 p.

References

1. Ajzenshtat MP, Gella TN. *Angliiskie partii i kolonial'naya imperiya Velikobritanii v XIX v. (1815 — seredina 1870-kh gg.)* [English parties and the colonial Empire of Great Britain in the 19th century (1815 — mid-1870s).] Moscow: IVI RAS publ.; 1999. (In Russ.).
2. Labutina TL, ed. *«Zhestkaya» i «myagkaya sila» britanskogo l'va. Iz istorii kolonial'noi politiki* [The “hard” and “soft power” of the British lion. From the History of Colonial Policy] Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2024. (In Russ.).
3. Kiselyov AA. *Rozhdenie imperii. Britanskoe gosudarstvo i kolonializm v XVII–XVIII vv.* [The Birth of Empire. The British State and colonialism in the XVII–XVIII centuries]. Volgograd: Volga Publishing House; 2012. (In Russ.). EDN: QPVOHB
4. Sokolov AB. *Prav', Britaniya, moryami? Politicheskie diskussii v Anglii po voprosam vneshnei i kolonial'noi politiki v XVIII veke* [Rule, Britannia, the waves? Political discussions in England on foreign and colonial policy in the 18th century]. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2019. (In Russ.).
5. Erokhin VN. Political parties and society in Great Britain in the late 17th — early 19th centuries: a historiographical sketch. In: *Politicheskie partii Anglii. Istoricheskie ocherki*. Saint Petersburg: Aleteya publ.; 2017. P. 16–30. (In Russ.).

6. Kiselev AA. The problem of the formation of the English two-party system in historiography. In: *Politicheskie partii Anglii. Istoricheskie ocherki*. Saint Petersburg: Aletya publ.; 2017. P. 31–42. (In Russ.).
7. Namier L. *The Structure of Politics at the Accession of George III*. London: The Macmillan Press Ltd; 1963.
8. Namier L. *England in the Age of the American Revolution*. London: Macmillan and Co., 1930.
9. Velizhev MB, Atnashev TM. The Cambridge School: History and Method. In: *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2018. (In Russ.).
10. Fursov KA. *Derzhava-kupets: otnosheniya angliiskoi ost-indskoj kompanii s angliiskim gos-udarstvom i indiiskimi patrimoniyami* [Merchant Power: relations of the British East India Company with the British state and Indian patrimonies]. Moscow: Association of Scientific publications of the KMC; 2006. (In Russ.).
11. Miller JC. *Origins of American Revolution*. Stanford — London: Stanford University Press; 1962.
12. Thomas PDG. *Georg III. King and Politicians. 1760–1770*. Manchester — New-York: Manchester University Press; 2002.
13. Clark JCD. *The Dynamics of Change. The Crisis of the 1750s and English Party Systems*. Cambridge: Cambridge University Press; 1982.
14. Kiselyov AA. Great Britain and the English East India Company in the second half of the XVIII century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2008;(1):73–81. (In Russ.). EDN: JTBAUF
15. Dirks NB. *The Scandal of Empire. India and the Creation of Imperial Britain*. Camb. London: First Harvard University Press; 2006.
16. Ayling S. *The Elder Pitt. Earl of Chatham*. London: Collins; 1976.

Информация об авторе:

Ковалёв Максим Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и краеведения Гуманитарного института, Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых, Российская Федерация, 600000, Владимир, ул. Горького, д. 87, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru ORCID: 0009-0005-1085-5592. SPIN-код: 2473-6052. Researcher ID: IUP-7184-2023.

Information about the author:

Maxim Aleksandrovich Kovalyov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History, Archeology and Local History at the Institute for the Humanities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs, 87 Gorky St., Vladimir, 600000, Russian Federation, e-mail: mkovalyov.89@mail.ru ORCID: 0009-0005-1085-5592. SPIN-code: 2473-6052. Researcher ID: IUP-7184-2023.



АНТИЧНЫЙ МИР ANTIQUE WORLD

DOI: 10.22363/2312-8127-2026-18-1-117-126

EDN: OOOQPB

Научная статья / Research article

Гадес в контексте гражданско-правовой политики Цезаря

Н.И. Левин 

Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

✉ n.i.levin98@gmail.com

Аннотация. Проведено исследование с целью определить дату и предпосылки обретения Гадесом правового статуса римского муниципия. На основе сведений античных авторов и городских надписей сделано предположение о периоде появления римской системы самоуправления в городе и предоставления ему муниципального статуса. Часть исследователей склоняется к признанию получения Гадесом статуса муниципия от Цезаря, а другая относит этот акт к эпохе Августа, видя в деятельности Цезаря промежуточный этап в формировании правового статуса города. Сделан вывод о том, что Гадес получил статус муниципия в 49 г. до н.э. при Цезаре как вследствие предыдущего положения города в качестве союзника римского народа, так и в рамках гражданско-правовой политики Цезаря, направленной на распространение римского гражданства в провинциях и интеграции местных общин в римскую систему общественных отношений.

Ключевые слова: *municipium*, Hispania, испанские провинции, римская Испания, городская магистратура, правовой статус, гражданская политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 22.08.2025; принята к публикации 03.11.2025.

Для цитирования: Левин Н.И. Гадес в контексте гражданско-правовой политики Цезаря // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2026. Т. 18. № 1. С. 117–126. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-117-126>
EDN: OOOQPB

© Левин Н.И., 2026



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Gades in the context of Caesar's civil law policy

Nikita I. Levin 

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

✉ n.i.levin98@gmail.com

Abstract. The study discusses the issue of the date and prerequisites for Hades to acquire the legal status of a Roman municipality. Based on information from ancient authors and urban inscriptions, an assumption has been made about the period of the emergence of the Roman system of self-government in the city and the granting of municipal status to it. Some researchers are inclined to recognize that Hades received the status of a municipality from Caesar, while others attribute this act to the era of Augustus, seeing Caesar's activity as an intermediate stage in the formation of the legal status of the city. In the course of the study, the author came to the conclusion that Hades received the status of a municipality in 49 BC under Caesar both as a result of the city's previous position as an ally of the Roman people, and as part of Caesar's civil law policy aimed at spreading Roman citizenship in the provinces and integrating local communities into the Roman system of public relations.

Keywords: municipium, Hispania, Spanish provinces, Roman Spain, city magistracy, legal status, civil policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

Article history: received 22.08.2025; accepted 03.11.2025.

For citation: Levin NI. Gades in the context of Caesar's civil law policy. *RUDN Journal of World History*. 2026;18(1):117–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2026-18-1-117-126> EDN: OOQPB

Введение

Гражданско-правовая политика Цезаря в испанских провинциях по существу сводилась к выведению колоний и повышению правового статуса местных общин до муниципия, что сопровождалось противоречивыми тенденциями, как отмечают исследователи [1. С. 282–285; 2. С. 257–259; 3. Р. 56–57]. А именно, широкое распространение в провинциях прав римского гражданства¹ одновременно ограничивалось «охранительным» характером предоставления этих прав, когда Цезарь даровал гражданство некоторым общинам в качестве «премирования» за поддержку в гражданской войне 49–45 гг.² Так были награждены, по всей видимости, Тарракон и Новый Карфаген, в которых Цезарь останавливался для отправления правосудия [5. Р. 84–90]. Напротив, в Кордобу

¹ Примером этого стало принятие Lex Rubria de Gallia Cisalpina 49 г. до н.э. об определении полномочий местных магистратов, что современные исследователи считают признаком наделяния жителей Цизальпинской Галлии правами римского гражданства [4. Р. 93–96].

² Здесь и далее приводятся даты до нашей эры, кроме специально указанных случаев.

полководец вывел колонию римских граждан в качестве наказания за поддержку Помпея [6. С. 197]. По мнению С.Л. Утченко, одной из задач провинциальной политики Цезаря было формирование своей социальной опоры после победы в гражданской войне [1. С. 286, 302–305], что соотносилось с представлениями исследователей середины 1970-х гг. о политическом развитии римского государства и с состоянием источниковой базы. Сегодня считается, что политика Цезаря основывалась на безотлагательном решении возникающих в период гражданской войны проблем, хотя его политическую программу нельзя до конца считать ситуативной [7. Р. 66–67, 83–84].

В 61–60-х гг. Цезарь исполнял пропретуру в Дальней Испании. Для решения накопившихся финансовых проблем он выступил против племен каллаиков и лузитанов (Plut. Caes. 12. 1) [8. Р. 210–212]. Эти победы создали основу для притязаний на консульство на предстоящих выборах 59 г., но война с лузитанами впоследствии привела к тому, что в период гражданской войны они выступили на стороне помпеянцев [9. С. 108], как и прочие испанские общины, что вынудило Цезаря предпринять ряд мер, направленных на пресечение клиентских связей с родом Помпеев и формирование собственной клиентелы (об испанской клиентеле Помпея см. [8]).

В этой связи Л. Амела Вальверде выдвинул предположение, что деятельность Цезаря в Испании в 60–40-е гг. I в. скорее была направлена на борьбу с клиентской сетью Помпея, чем на формирование собственной, примером чего считает статью 130 устава колонии Урсона³. В ней исследователь усматривает опасения Цезаря и его сторонников ввиду авторитета рода Помпеев среди испанского населения [10. С. 38]. Вряд ли в полной мере можно согласиться с мнением ученого об отсутствии у Цезаря цели по формированию собственной клиентелы, поскольку он сам в речи перед провинциалами отметил, что принял патронат над испанскими провинциями во время пропретуры: «и одновременно патронат я принял и многих легатов от себя в сенат ввел» (Caes. Hisp. 42. 2)⁴. Плутарх тоже подчеркивает, что Цезарь в качестве пропретора занимался устранением финансовых споров между кредиторами и должниками, которым предписал отдавать две трети ежегодного дохода до тех пор, пока не будет выплачен весь долг (Plut. Caes. 12. 2), в чем биограф видел одно из направлений его гражданской деятельности. Но в источниках есть противоположная информация. Как сообщает Аппиан,

³ Urson. LXXX: «Никто, будучи дуумвиром, эдилом, префектом колонии Генетивы Юлии... не советует декурионам и не делает, чтобы был принят декрет декурионов... чтобы какой-нибудь сенатор или сын сенатора римского народа был сделан патроном колонии Генетивы... за исключением случаев, когда этот человек... будет в Италии частным лицом без империя» (пер. Е.М. Штаерман с уточнениями).

⁴ ...simulque patrocínio suscepto multis legationibus ab se in senatum inductis.

гражданские мероприятия в провинции Цезарю «не приносили пользы», и только военная кампания против лузитан обеспечила триумф испанскому пропретору и последующую победу на консульских выборах (App. В.С. II. 8). Несмотря на противоречивость сведений источников, создание испанской клиентелы во время пропретуры можно считать целью гражданской политики Цезаря.

Уже в 40-е гг. I в. одним из способов расширения клиентских связей стало предоставление гражданского статуса общинам, которые поднимались до уровня муниципиев. Таковой стала *Urbs Iulia Gaditana*, которая внесла значительный вклад в победу цезарианцев в войне (Caes. *Hisp.* 37. 1–5). Случай с предоставлением Гадесу статуса муниципия — пример реализации политического курса Цезаря на включение провинциалов в общественные отношения римлян, хотя не все исследователи согласны с этой трактовкой событий и связывают муниципальный статус города с деятельностью Августа (о дискуссии см. ниже).

Административно-правовой статус Гадеса

О политической системе Гадеса доавгустовского периода практически ничего не известно, кроме нескольких письменных сообщений о магистратах города. Ливий отмечает, что в период Второй Пунической войны во главе города стояли суфеты: *sufetes...qui summus Poenis est magistratus* (Liv. XXVIII. 37. 2), упомянут также квестор (Liv. XXVIII. 37. 1–2), но насколько адекватно римский термин «квестор» у Ливия отражает содержание этой гадитанской должности, трудно определить, как и его место в системе самоуправления городом. Также есть сведения о договоре 206 г. между гадитанцами и легатом Сципиона Луцием Марцием. Его содержание точно не известно, кроме пункта о создании должности префекта (отправляемого из Рима) для управления Гадесом, об отмене которого гадитанские послы просили римский сенат в 199 г. (Liv. XXXII. 2. 5) [12. С. 341–342, 348].

Одно из важнейших сведений о городской магистратуре Гадеса было найдено в 2014 г. в результате археологических раскопок. Обнаружили захоронение I в. н.э., в котором помещалась мраморная плита — календарь, один из месяцев которого назван июлем, что позволяет отнести его ко времени после календарной реформы Цезаря 46 г. [13. Р. 99–100, 102]. В календаре сохранилось римское обозначение дней — нундины, отмеченные буквами F, G, H, A⁵. Обнаружение второго [14. Р. 312–314; 15. С. 392–399] на всей территории Испании городского календаря может

⁵ [-]VAR [-] || [-] F k(alendae) · Iul [(iae) n(efas) -] || [-] G n(efas) [-] || [-] H n(efas) [-] || [-] A n(efas) [-] (HEp 2018–2019. 408).

свидетельствовать о наличии в Гадесе римской модели городского самоуправления, поскольку календарь предваряют имена местных магистратов, однако реконструировать их невозможно, так как от имен сохранилось всего три буквы: [-]VAR[-]. Х. дель Ойо и Х. Лоренцо Феррагут склонны видеть здесь остатки *nomen Ianuarius* [13. С. 103]. Наличие городской модели самоуправления в Гадесе можно датировать I в., а письмо Цицерона от 8 июня 43 г. уточняет время и форму локальной магистратуры. В письме оратор пишет о продлении квестором Бальбом Младшим своих полномочий кваттуорвира: *Balbus quaestor... quattuorviratum sibi prorogavit* (Cic. Fam. X. 32), что указывает на существование в городе римской модели городского самоуправления в форме кваттуорвирата.

В надписях эпохи Августа упоминается дуумвират, нехарактерный для муниципия, при этом кваттуорвират из надписей не исчезает. Так одна надпись сообщает о Марке Антонии Сириаке, сыне Марка, из Галериевой трибы, который был дуумвиром муниципия Гадеса: *M(arco) Antonio M(arci) f(ilio) | Gal(eria) Syriaco P(ri)vir(o) | mun(icipii) Aug(usti) Gad(itani) | d(ecreto) d(ecurionum)* (CIL II. 1313)⁶. Эпитафия на камне этого же времени содержит упоминание Луция Антония Аннуллия, сына Квинта, из Галериевой трибы, который являлся кваттуорвиром⁷. Это смешение местных городских магистратур Л.А. Курчин не считает уникальным, поскольку на практике римляне зачастую в надписях под кваттуорвирами обозначали совокупность дуумвиров и эдилов [16. С. 14]. На каждую из этих должностей избиралось двое коллег, и вполне возможно, что упоминаемый кваттуорвират как раз включал в себя двух дуумвиров и двух эдилов. *Praenomen* и *nomen* Марка Антония у отмеченных магистратов может свидетельствовать о получении ими римского гражданства от триумвира Марка Антония [17. Р. 227–234], что, вероятно, указывает на формирование римской модели городского самоуправления в Гадесе в 40–30-е гг. I в.

Совокупность этих свидетельств не позволяет проследить развитие местной системы магистратур, но указание Цицерона на кваттуорвират как форму локальной магистратуры предполагает, по мнению П. ле Ру, что Гадес являлся муниципием [18. С. 347]. С этим нельзя не согласиться, поскольку высшая городская магистратура в форме кваттуорвирата характерна для организованных в форме муниципия городов, о чем свидетельствует локальная система самоуправления итальянских городов после

⁶ «Марк Антоний Сираик, сын Марка, из Галериевой трибы, дуумвир муниципия Августа Гадитана, декрет декурионов».

⁷ *L(ucius) Antonius | Q(uinti) f(ilius) Gal(eria) | Antullus | P(ri)vir aed(ilicia) pot(estate) | h(ic) s(itus) e(st)* («Луций Антоний Антиллий, сын Квинта, из Галериевой трибы, кваттуорвир-эдил, здесь похоронен») (CIL II. 1727).

Союзнической войны 91–88 гг.⁸, а также многочисленные отчеты магистратов из италийских городов⁹.

Несмотря на упоминание кваттуорвирата Цицероном, Плиний Старший не называет Гадес муниципием при описании административного устройства испанских провинций: вместо этого в номенклатуре городов Гадес обозначен как *oppidum civium Romanorum* (Plin. NH. IV. 119) [19. P. 50–51]. Плинию Старшему известно три термина для обозначения города и его правового статуса: *oppidum*, *colonia* и *municipium*, причем их соотношение, как отмечает П. ле Ру, заключается в том, что *oppidum* у Плиния Старшего обозначает городскую агломерацию вообще, под колонией подразумеваются города с населением, обладающим римским гражданством, а под муниципием — города, чье население обладало *ius Latii* [18. С. 331]. При этом в источнике упомянут только один муниципий на всей территории Испании: *municipium civium Romanorum Olisipo, Felicitas Iulia cognominatum* (Plin. NH. IV. 117), а все остальные города, о которых точно известно, что они обладали статусом муниципия, у Плиния Старшего указаны под наименованием *oppidum* [19. P. 54–55; 20. P. 32].

Понятие *oppidum civium Romanorum* известно Цицерону, который называет так италийские города в речи о предоставлении империя Гнею Помпею в 66 г.: «Вспомните, какие в последние года в Италии через земли и также города римских граждан (*oppida civium Romanorum*) наши императоры делали походы...» (Cic. De imp. Sn. Pompei. 38. 1)¹⁰. Кажется, это позволяет признать правоту П. ле Ру и установить отсутствие различий между терминами *oppidum civium Romanorum* и *municipium* [18. С. 333].

Современник Плиния Старшего Колумелла напрямую называет Гадес муниципием, уроженцем которого он был: *in nostro Gadium municipio...* (Colum. De re rustica. VII. 2. 4). В этой связи М. Эмберт подчеркивает, что главным условием получения статуса муниципия в рамках римской провинциальной системы является предоставление членам местной общины римского гражданства, а шире — общее увеличение удельного веса римских граждан в местной общине, поскольку ядро римских граждан и есть основа муниципия, что делает подобные Гадесу муниципии римскими по происхождению [22. P. 321–322; 339–341].

⁸ См. некоторые положения из Гераклейской таблицы: *IIvir(i) IIIvir(i) erunt aliove | quo nomine mag(istratum) potestatemve su(f)ragio eorum quei quousque municip[i] coloniae praefecturae...; non licebit niquis eorum in municipio colonia praefectura foro conciliabulo IIvir(atum) IIIvir(atum) aliamve.*

⁹ См. некоторые надписи из италийских городов: CIL I. 590, 3173, 3182, 3184a; CIL IX. 326 1632, 2121 (Апулия и Калабрия); CIL I. 593, 2515, 3163b; CIL X. 44, 49, 411ca (Лукания); CIL XI. 3338, 7122, 7123, 7495, 7502 (Этрурия).

¹⁰ *Itinera quae per hosce annos in Italia per agros atque oppida civium Romanorum nostri imperatores fecerint recordamini...*

В вопросе правового статуса города, несмотря на различные сведения в источниках, все исследователи признают Гадес муниципием, но неясной остается датировка этого события.

Дискуссия о времени предоставления статуса муниципия Гадесу

Ю.Б. Циркин и М. Феррейро Лопес выделяют несколько этапов в становлении правового статуса Гадеса. По мнению Ю.Б. Циркина, статус муниципия был предоставлен гадитанам, которые на тот момент являлись федератами (Caes. V.C. II. 21) [23. С. 266], Цезарем за помощь в войне против Помпея (Caes. V.C. II. 20; Caes. Hisp. 37). М. Феррейро Лопес «подготовительный этап» получения гражданства в период деятельности Цезаря связывает с двумя важнейшими датами. Первый этап ученый относит к 61 г., когда Цезарь отменил некоторые законодательные положения Гадеса¹¹, в частности, запретил практику человеческих жертвоприношений богу Баалу [21. Р. 314–315]. Второй этап относится к 49 г., когда Цезарь после общего собрания представителей испанских общин в Кордубе объявил разнообразные милости гадитанской общине (Caes. V.C. II. 21). В этой связи ученый отмечает, что на смену местным магистратам-суфетам постепенно приходит римская городская магистратура — кваттуорвират [21. Р. 317–319], на смену семитскому сенату — свойственная римской модели самоуправления муниципальная курия, подчеркивая при этом связь между кваттуорвиратом и муниципием.

Далее исследователи, отмечая, что окончательно Гадес был возведен в статус муниципия при Августе, вновь расходились в датировках этого события. Ю.Б. Циркин относил закрепление статуса к 27 г., связывая это с посредничеством Агриппы [23. С. 266, 290]. М. Феррейро Лопес полагает, что права гражданства Гадес получил в 19 г., что следует, как считает ученый, из упоминания у Плиния Старшего наименования жителей Гадеса августанами: *habet oppidum civium Romanorum, qui appellantur Augustani Vrbe Iulia Gaditana* (Plin. NH. IV. 119) [21. Р. 320–321]. Соответственно, исследователь видит связь между обозначением жителей производным от имени Августа названием и предоставлением им статуса римских граждан от принцепса. В свою очередь, Х. Фернандес Гонсалес обращает внимание на само название города — *urbs Iulia Gaditana*, которое, по его мнению, было дано Цезарем в 49 г., так как содержит его имя в названии, вместе с предоставлением прав римского гражданства, а наименование жителей Гадеса августанами свидетельствует о даровании городу статуса муниципия Августом [24. С. 39].

¹¹ Cic. Balb. 43: ...C. Caesar, cum esset in Hispania praetor, adfecerit, controversias sedarit, iura ipsorum permissu statuerit, inveteratam quandam barbariam ex Gaditanorum moribus disciplinaque delerit, summa in eam civitatem huius rogatu studia et beneficia contulerit.

Но не все исследователи согласны с выделением нескольких этапов получения правового статуса гадитанской общиной. А. де Лоренте Гонсалес относит получение римского гражданства жителями Гадеса ко времени Цезаря, обосновывая это экономическими выгодами: включение в состав граждан гадитанской аристократии обеспечивало Цезарю не только политическую лояльность, но и финансирование различных мероприятий со стороны гадитан, в свою очередь, для аристократии Гадеса открывался доступ к политическим должностям [25. Р. 173–175]. Также Х.М. Бласкес Мартинес, считавший Гадес главным испанским муниципием ввиду его высокого экономического значения для Рима, утверждал, что город был организован в муниципий именно Цезарем, что отражено в его названии, в чем частично сближается с позицией Х. Фернандеса Гонсалеса [26. Р. 11–12].

Важнейшими доказательствами, указывающими на получение статуса муниципия от Цезаря, являются сообщения Ливия и Диона Кассия. Они единственные прямо сообщают о том, что Цезарь даровал права римского гражданства гадитанской общине: *Gaditanis civitatem dedit* (Liv. Per. 110); «и всем жителям Гадеса он даровал гражданство, которое позже утвердил народ» (καὶ τοῖς γε Γαδείρεῦσι πολιτείαν ἄλασιν ἔδωκεν, ἣν καὶ ὁ δῆμος σφισὶν ὕστερον ἐλεκύρωσε: Cass. Dio. XLI. 24. 1). Х. Гонсалес отмечает тождественность понятий «*civitas*» Ливия и «*πολιτεία*» Диона Кассия в контексте произнесенной в Кордубе в конце кампании 49 г. речи Цезаря, в которой он с благодарностью предоставляет отдельным лицам и общинам льготы (Caes. V.C. II. 21), важнейшей из которых стало гражданство общине Гадеса [27. С. 312].

Заключение

Таким образом, историческое развитие правового положения города привело к приобретению жителями Гадеса римского гражданства, поскольку еще со времен Второй Пунической войны гадитанская община стала союзником римского народа, что, по всей видимости, было отражено в договоре 206 г. с Л. Марцием. Косвенно на это указывает обозначение у Плиния Старшего Гадеса как римского города вместо муниципия. Совокупность источниковых свидетельств убедительно показывает, что Гадес получил правовой статус именно муниципия. Датировка этого события является дискуссионной проблемой, однако предоставление гадитанской общине прав римского гражданства от Цезаря могло быть продиктовано необходимостью расширения личной сети клиентов, чья поддержка была нужна в условиях гражданской войны. Важность поддержки со стороны жителей Гадеса для Цезаря обуславливалась выгодным стратегическим положением города с военной точки зрения, поскольку изначальный перевес в Испании находился на стороне Помпея, но помощь гадитанской общины и ее флота помогла одержать победу над войсками помпеянцев (Caes. *Hisp.* 39. 3; Plin. *NH.* III. 7).

Важным аргументом в пользу предоставления Гадесу статуса муниципия от Цезаря является найденный в 2014 г. местный городской календарь, датированный много позже реформы Цезаря 46 г., сведения из которого пока еще не учтены в работах исследователей. Он содержит упоминание букв, сохранившихся от имен местных магистратов, что позволяет предположить существование римской городской магистратуры в городе. Свидетельство Цицерона об избрании Бальба Младшего в 43 г. кваттуорвиром это подтверждает (Сис. Fam. X. 32): городская магистратура Гадеса существовала в форме характерного для муниципиев кваттуорвирата. Выбор Цезаря в пользу муниципия при предоставлении Гадесу правового статуса объясняется предыдущим положением города как союзника римского народа, который не изменял условиям дружбы с римлянами, поэтому в 49 г. Гадес мог быть организован только в форме античной гражданской общины, т.е. муниципия.

Список литературы / References

1. Utchenko SL. *Yulii Cezar'*. [Julius Caesar]. Moscow: Mysl' publ.; 1976. (In Russ.). EDN: TDCOTH
Утченко С.Л. Юлий Цезарь. М. : Мысль, 1976. 365 с. EDN: TDCOTH
2. Snárez Piñeíro AM. Cesar: ¿un político “popular”? *POLIS. Revista de Ideas y Formas Políticas de la Antigüedad Clásica*. 1997;(9):249–275.
3. Járrega Domínguez R. La actuación política de Julio César: ¿proyecto o adaptación? ¿modelo helenístico o tradición romana? *POLIS. Revista de Ideas y Formas Políticas de la Antigüedad Clásica*. 2007;(19):45–76.
4. Sisani S. Il significato del termine Italia nella tabula Heracleensis e la data di costituzione a provincia della Gallia Cisalpina. *Historika*. 2016;6:83–98. <https://doi.org/10.13135/2039-4985/1045>
5. Perea Yébenes S. Julio César y el joven Octavio en Hispania en el año 45 a. C. La cuestión del itinerario cesariano y las apelaciones de los saguntinos en Carthago Nova según Nicolás de Damasco, Βίος Καίσαρος, 23–27. *Hispania Antiqua. Revista de Historia Antigua*. 2017(XLI):68–106. <https://doi.org/10.24197/ha.XLI.2017.68-106>
6. Melchor Gil E, Mellado Rodríguez J, Rodríguez-Neila JF, eds. *Julio César y Corduba: Tiempo y espacio en la campaña de Munda (49–45 a. C.)*: actas del Simposio. Córdoba, 21–25 de abril de 2003. Córdoba; 2005.
7. Caballos Rufino A. Colonizzazione Cesariana, legislazione municipale e integrazione provinciale: la provincia Hispania Ulterior. In: Urso G, ed. *Cesare: precursore o visionario? Atti del convegno internazionale Cividale del Friuli, 17–19 settembre 2009*. Pisa; 2010.
8. Novillo López MÁ. La propretura cesariana en la Hispania Ulterior: “La II guerra lusitana”. *Gerión. Revista de Historia Antigua*. 2010;8(1):207–221.
9. Amela Valverde L. El desarrollo de la clientela pompeyana en Hispania. *Studia Historica. Historia Antigua*. 1989;7:105–117.
10. Amela Valverde L. *Hispania durante el Segundo Triunvirato (44–30 a. C.)*. Madrid; 2009.
11. Amela Valverde L. *Las clientelas de Cneo Pompeyo Magno en Hispania*. Barcelona; 2002.
12. Mishulin AV. *Antichnaya Ispaniya do ustanovleniya rimskoi provintsial'noi sistemy v 197 g. do n.éh.* [Ancient Spain before the establishment of the Roman provincial system in 197 BC]. Moscow: AN SSSR; 1952. (In Russ.).
Мишулин А.В. Античная Испания до установления римской провинциальной системы в 197 г. до н.э. М. : АН СССР, 1952.

13. Del Hoyo J, Lorenzo Ferragut H. Nuevo kalendarivm hallado en Gades. *Habis*. 2018;49:99–103. <https://doi.org/10.12795/HABIS>
14. García-Dils de la Vega S, Ordóñez Agulla S. Fasti Astigitani. Fragmento de calendario epigráfico de colonia Augusta Firma (Écija — Sevilla). *Pallas*. 2015;99:311–328. <https://doi.org/10.4000/pallas.3163>
15. García y Bellido A. La Astigi (Écija) romana. *Archivo Español de Arqueología* 25. 1952;(86):392–399.
16. Curchin LA. *A Supplement to The Local Magistrates of Roman Spain*. Waterloo; 2015.
17. Pasquali J. *Marcus Antonius — Todfeind Ciceros und Rivale des Octavianus*. Bochum-Freiburg; 2009.
18. Le Roux P. Municipice et droit latin en Hispania sous l'Empire. *Revue historique de droit français et étranger*. 1986;64(3):325–350.
19. Capalvo Liesa A. El léxico pliniano sobre Hispania: etnonimia y designación de asentamientos urbanos. *Caesaraugusta*. 1986;(63):49–68.
20. García Fernández E. El ius Latii y los municipia latina. *Studia Historica. Historia Antigua*. 1991;(9):29–42.
21. Ferreiro López M. Cádiz en el tiempo de César y Los Balbo. La ordenación territorial en la bahía de Cádiz a finales de la República Romana. *Revista Atlántica-Mediterránea de Prehistoria y Arqueología Social*. 2008;10(1):309–324.
22. Humbert M. *Municipium et civitas sine suffragio. L'organisation de la conquête jusqu'à la guerre sociale*. Rome; 1978.
23. Cirkin YuB. *Drevnyaya Ispaniya*. [Ancient Spain]. Saint Peterburg: SPbGU publ.; 2000. (In Russ.).
Циркин Ю.Б. Древняя Испания. СПб. : СПбГУ, 2000
24. González Fernández J. Italica, municipium iuris latini. *Mélanges de la Casa de Velázquez*. 1984;20:17–43.
25. Lorente González A. Julio César: cuestor y pretor en Hispania Ulterior. *Historia Digital*. 2018;18(31):151–181.
26. Blázquez Martínez JM. El municipio romano en España. In: Alandro JP, ed. *El municipio. Historia de los servicios urbanos*. Madrid, 2003. Pp. 10–34.
27. González JF. Texto legal epigráfico de una colonia latina de César o Augusto en la Hispania Ulterior Baetica. *Studia et documenta historiae et iuris*. 2015;(81):307–321.

Информация об авторе:

Левин Никита Игоревич — аспирант, старший преподаватель кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семенова, Московский педагогический государственный университет. Российская Федерация, 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, e-mail: n.i.levin98@gmail.com ORCID: 0000-0003-2346-285X. SPIN-код: 3351-9687.

Information about the author:

Nikita I. Levin — postgraduate student, senior lecturer department of History of the Ancient World and the Middle Ages named after V.F. Semenov, Moscow Pedagogical State University, 1 Malaya Pirogovskaya St., bldg. 1, Moscow, 119435, Russian Federation, e-mail: n.i.levin98@gmail.com ORCID: 0000-0003-2346-285X. SPIN-code: 3351-9687.